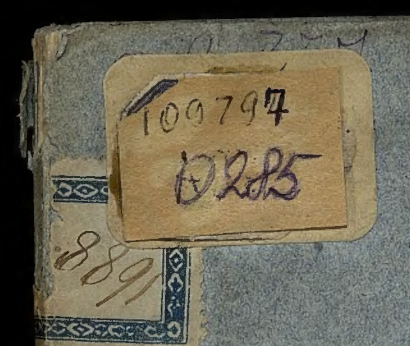

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. ПУШКИНА

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

XXI.

ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Проф. А. С. Архангельскаго.

1903.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1903.

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. ПУШКИНА

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

XXI.

ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Проф. А. С. Архангельскаго.

1903.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1903

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель *А. Архангельскій.*

Въ 30—40 гг. XIII столѣтія Удѣльная Русь испытываетъ страшное бѣдствіе—нашествіе монголовъ, повлекшее за собой двухсотлѣтнее татарское иго...

Совершившееся историческое событіе—въ связи съ другими, чисто соціальными условіями — производитъ на цѣлые вѣка общее измѣненіе въ дальнѣйшемъ развитіи политической и духовной жизни страны. Татарское нашествіе не только потрясаетъ политическій строй древней Руси, способствуетъ политической замкнутости начинавшаго складываться молодого государства, его совершенной вскорѣ изолированности отъ Запада,—но необычайно удручающе сказывается на всемъ духовномъ строѣ общества, на всемъ ходѣ его послѣдующаго культурнаго образованія и роста, страшнымъ гнетомъ падаетъ на всю народную массу, вызываетъ общую нравственную подавленность народа, продолжающуюся цѣлые вѣка и въ значительной степени подготовляющую позднѣйшее настроеніе московскаго общества,—этихъ „людишекъ", „сиротъ", „холоповъ"... Двухсотлѣтнее татарское иго тяжелымъ слоемъ легло на самый народный эпосъ. Съ наступленіемъ монгольскаго періода, общее образованіе страны замѣтно падаетъ; его горизонтъ значительно суживается, происходитъ остановка, общее пониженіе духовной жизни и литературы. За длинный періодъ новыхъ двухъ съ половиною вѣковъ общая литературная жизнь сѣверо-восточной Руси не только не обнаруживаетъ какихъ-либо за-

мѣтныхъ успѣховъ, но видимо дѣлаетъ шагъ назадъ, обнаруживаетъ видимый регрессъ сравнительно съ прежнимъ. Начавшееся съ принятіемъ христіанства столь быстро и широко общее культурное развитіе страны надолго прерывается,—и дальнѣйшій ходъ образованія, при наступившихъ историческихъ условіяхъ, къ концу новыхъ двухъ съ половиною вѣковъ—къ началу XVI вѣка—даетъ „итоги", какихъ трудно было ожидать по тому широкому разцвѣту литературы, какой мы видѣли у себя въ первые два съ половиной вѣка, въ періодъ до-монгольскій...

Ближайшимъ послѣдствіемъ татарскаго нашествія въ отношеніи къ литературной жизни страны было перемѣщеніе литературныхъ центровъ. Литература въ значительной своей долѣ переходитъ „на новыя мѣста",—на сѣверо-востокъ Россіи, распахиваетъ подъ себя „новину"... Съ наступленіемъ татарскаго ига, древнерусскому обществу во многихъ отношеніяхъ пришлось начинать съ начала: старые культурные центры были или разомъ разрушены или постепенно замѣняются новыми. Обще-государственная жизнь переносится съ юга на сѣверъ; тамъ, на сѣверѣ, сосредоточивается и литературная жизнь страны,—частью въ старыхъ центрахъ, Новгородѣ, Псковѣ, частью въ новыхъ, въ предѣлахъ ростовско-суздальской области,—къ концу XV вѣка „собираясь" около Москвы.

Бѣдствія нашествія тяжелѣе всего обрушились на южную, кіевскую Русь. Кіевъ былъ разрушенъ до основанія, и подъ его развалинами на цѣлый рядъ вѣковъ погребенъ былъ наиболѣе могущественный центръ возникшаго образованія и литературы. Папскій миссіонеръ, Плано Карпини, проѣзжавшій вскорѣ послѣ татарскаго погрома, въ 1246 году, изъ Польши черезъ Кіевъ на Волгу къ татарамъ, въ своихъ запискахъ разсказываетъ: по пути изъ Владимира-Волын-

скаго къ Кіеву онъ ѣхалъ въ постоянномъ страхѣ отъ Литвы,—но отъ Руси былъ вполнѣ безопасенъ: Руси осталось очень мало; бо́льшая часть ея либо перебита, либо уведена въ плѣнъ татарами. На всемъ пройденномъ пространствѣ южной Руси — въ кіевской и переяславльской землѣ — онъ встрѣчалъ по пути „лишь безчисленное множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по полямъ". Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ городѣ, „едва насчитывалось теперь 200 домовъ"... Въ этомъ запустѣніи южно-русскія области—кіевская, переяславская и частью черниговская—остаются едва ли не до половины XV вѣка.

Послѣ ужасовъ самаго нашествія,—первые признаки литературной жизни обнаруживаются во Владимирѣ, главномъ городѣ ростовско-суздальской области. Въ началѣ періода мы видимъ здѣсь такихъ литературныхъ дѣятелей, какъ кіевско-владимирскій митр. Кириллъ III [† 1281] и владим. еп. Серапіонъ [† 1275]. Кириллъ энергично заботится о внутреннемъ устройствѣ потрясенной паствы, собираетъ во Владимирѣ церковный соборъ [1274], обращается съ горячими увѣщаніями къ духовенству, —его *Поученіе попомъ* долгое время и послѣ переписывается въ рукописяхъ. Владимирскій еп. Серапіонъ—едва ли вообще не лучшій, наиболѣе просвѣщенный и даровитый писатель нашей литературы XIII—XV вв. Дошедшія до насъ немногія его *поученія* отличаются не только замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ, горячимъ личнымъ чувствомъ, но и вообще обнаруживаютъ въ авторѣ замѣчательную для своего времени широту взглядовъ,—разумѣемъ его наставленія къ народу по поводу суевѣрныхъ толковъ о волхвахъ, еретикахъ и кудесникахъ... Были, повидимому, около этого времени во Владимирѣ и другіе просвѣщенные книжные люди, хотя имена ихъ мало извѣстны.

Такъ,—не новгородцу и не псковичу, а владимирцу принадлежало замѣчательное *Житіе в. кн. Александра Невскаго* [† 1263], обладающее литературными чертами, которыя затѣмъ быстро изчезаютъ изъ нашихъ житій святыхъ. Памятникъ представляетъ собою не столько „житіе“, въ обычномъ смыслѣ, сколько рядъ отрывочныхъ воспоминаній, отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра,—при чемъ собранныя черты передаются „въ томъ свѣжемъ, не потертомъ позднимъ преданіемъ видѣ, въ какомъ ходили онѣ между современниками“, ярко рисуя замѣчательную личность князя, глубокое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ. Изложеніе не чуждо извѣстной книжной искусственности, но вообще еще очень далеко́ отъ того „изысканнаго до невразумительности доброслoвія“, какимъ потомъ, подъ вліяніемъ южно-славянскихъ писателей, такъ скоро стала отличаться наша житійная литература. Авторъ весьма начитанъ,—умѣетъ кстати привести текстъ изъ ветхо-завѣтнаго пророка, здѣсь же сравнитъ своего героя и съ римскимъ царемъ „Еуспесіаномъ“...; но вообще, съ точки зрѣнія книжника, вышедшаго изъ школы Пахомія Логофета — плохо умѣетъ писать „житія“: ему видимо неизвѣстны самые элементарные пріемы составленія н а с т о я щ а г о житія... Авторъ не начинаетъ напр. своего житія обычнымъ описаніемъ благочестиваго дѣтства святого князя,—въ концѣ нѣтъ столь же обычнаго молитвеннаго обращенія къ новому ходатаю на небѣ... Вмѣсто этого онъ набрасываетъ въ началѣ краткую характеристику взрослаго князя: ростомъ онъ выше другихъ людей, голосъ его точно труба въ народѣ, лицомъ онъ—Іосифъ Прекрасный, сила его—половина силы Сампсоновой, премудрость ему далъ Богъ Соломонову, храбрость—Веспасіанову, царя римскаго...—и рядомъ съ этими земными доблестями ни одной иноческой! Описаніе кончины святого авторъ начинаетъ обращеніями къ

себѣ: „Горе тебѣ, бѣдный человѣче! Какъ опишешь ты кончину господина своего? Какъ не выпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ съ слезами? Какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? Оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, если бъ можно было!"... Такія обращенія, полныя наивной земной скорби — совершенно недопустимы въ житіяхъ школы Пахомія... Памятникъ вообще оживленъ искреннимъ, непосредственнымъ чувствомъ, — авторъ еще не стѣсняется холодной торжественностью житійнаго языка... „Замѣтно еще литературное вѣяніе стараго кіевскаго или волынскаго юга подъ этимъ сѣвернымъ суздальскимъ перомъ, которое съ гибкостью и изобразительностью южнаго лѣтописца вставляетъ въ разсказъ и библейскій примѣръ или текстъ и сжатую картину ледоваго боя или народной скорби при погребеніи Александра, не даетъ князю, его дружинѣ и другимъ дѣйствующимъ лицамъ дѣйствовать молча, но постоянно выводитъ ихъ съ живою рѣчью и при этомъ мимоходомъ отмѣчаетъ черту современнаго общественнаго взгляда или отношенія къ извѣстному событію"... Житіе написано современникомъ, лицомъ весьма близкимъ къ Александру, — повидимому, человѣкомъ свѣтскимъ, едва ли не принадлежавшимъ къ княжескимъ дружинникамъ... Во Владимирѣ, и очевидно не москвичомъ, написана *Повѣсть о нашествіи на Москву Едигея*, вскорѣ послѣ самаго событія, не позднѣе 1411 года...

Вообще въ ростовской области видимъ довольно устойчивые признаки литературной дѣятельности. Книжные интересы поддерживаются и мѣстными князьями и высшими іерархами. Для суздальскаго князя Димитрія Константиновича нѣкімъ монахомъ Лаврентіемъ въ 1377 году пишется знаменитый *Лаврентьевскій списокъ лѣтописи*... Въ ростовскомъ *Житіи Петра царевича Ордынскаго* [† во

вт. пол. XIII в.] замѣчается, что въ его время въ Ростовѣ въ церкви св. Богородицы „лѣвый клиросъ гречески пояху, а правый русскы“... Ростовскій еп. Прохоръ († 1327) составляетъ первое *Житіе м. Петра*,—опять рѣзко отличающееся по своему характеру отъ болѣе поздняго подобнаго же сочиненія, написаннаго м. Кипріяномъ: „сколько послѣднее растянуто, многорѣчиво и витіевато, столько первое кратко, просто и безыскусственно“... Съ именемъ Авраамія, епископа суздальскаго, бывшаго въ 1438 г. съ м. Исидоромъ во Флоренціи, дошло *описаніе сценическаго представленія*, видѣннаго авторомъ во Флоренціи, и *записки* объ этомъ путешествіи; въ составленіи послѣднихъ принималъ, кажется, участіе и сопровождавшій Авраамія, суздальскій іеромонахъ Симеонъ, составившій *Повѣсть о восьмомъ соборѣ*, отдѣльную отъ „путевыхъ записокъ“... Впрочемъ, уже довольно рано стала сказываться въ Ростовѣ и татарская „культура“. Въ этомъ отношеніи любопытную черту представляетъ сейчасъ названное *Житіе Петра царевича Ордынскаго*, написанное не позже пол. XIV ст. Житіе свидѣтельствуетъ о сильно уже укоренившихся связяхъ съ татарщиной. Духовенство, покровительствуемое татарами, въ теченіе столѣтія поддерживаетъ авторитетъ татарской фамиліи, родъ царевича Петра,—гордившійся тѣмъ, что идетъ отъ „татарской кости“... *Житіе кн. Ѳедора Ярославскаго*, написанное въ 70-хъ г. XV в., съ величайшимъ равнодушіемъ разсказываетъ, какъ этотъ князь, послѣ всяческихъ униженій въ Ордѣ—гдѣ прислуживалъ даже за ханскимъ столомъ—при помощи татарской рати бралъ приступомъ свой родной городъ, не захотѣвшій признавать его княземъ послѣ всего, совершеннаго имъ въ Ордѣ... Нельзя не замѣтить—подтвержденіе чему увидимъ и въ другихъ случаяхъ—по различнымъ городамъ и областямъ тогдашней Руси отношенія къ татарамъ были довольно различны.

Съ предѣлами ростовско-суздальской области, въ которую входило и княжество Муромско-Рязанское, связываются и первыя историческія повѣсти и сказанія о татарскомъ нашествіи—наиболѣе обширный отдѣлъ литературы монгольскаго періода. Не смотря на рано начавшуюся сказываться здѣсь искуственность, манерность изложенія,—эти повѣсти едва ли не наиболѣе интересные памятники эпохи: при всей манерности разсказа, въ нихъ нерѣдко пробивается живое поэтическое чувство, проглядываютъ слѣды поэтическаго твочества народной массы, отголоски мѣстныхъ народныхъ сказаній, связанныхъ съ грозными событіями времени. Недавно найденое *Слово о погибели русской земли*—наиболѣе ранній поэтическій памятникъ этого рода. „Слово" написано въ самые первые годы татарскаго нашествія и ярко отражаетъ первыя впечатлѣнія совершившагося бѣдствія,—а равно и ту связь, которая, очевидно, еще существовала въ это время между книжной нашей литературой и народно-поэтическимъ творчествомъ... Авторъ, повидимому, жилъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Такова же читаемая въ ростовско-суздальскомъ сводѣ *Повѣсть о калкской битвѣ*,—въ ближайшую связь съ которой изслѣдователи ставятъ извѣстную былину *О томъ, какъ перевелись на Руси богатыри*. Таково связанное съ рязанскимъ княжествомъ *Сказаніе о Батыевомъ нашествіи*,—повидимому, также одно изъ первыхъ историческихъ сказаній временъ татарщины, дошедшее съ очевидными областными пріуроченіями. Разумѣемъ лѣтописную рязанскую *Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань*, гдѣ въ концѣ присоединяется народное сказаніе о подвигахъ Евпатія Коловрата, „нѣкоего отъ вельможъ рязанскихъ",—и извѣстную *смоленскую легенду о Меркуріѣ*. Отчасти Рязани, отчасти предѣламъ вообще ростовско-суздальской области принадлежатъ и два извѣстные, наиболѣе популярные литератур-

ные памятника этого времени, связанные съ знаменитой куликовской битвой, къ сожалѣнію, дошедшіе до насъ уже въ позднихъ передѣлкахъ: написанная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣды — и „Слова о полку Игоревѣ" — поэтическая *Задонщина великаго князя господина Димитрія Ивановича* и спокойное прагматическое *Повѣданіе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Донскаго*...

Вслѣдъ за другими книжными центрами сѣверо-восточной Руси признаки литературной дѣятельности обнаруживаются и въ княжествѣ т в е р с к о м ъ, — которое уже скоро выдѣляется изъ ростовско-суздальской области, и благодаря торговому богатству и энергіи своихъ князей рано занимаетъ видное мѣсто среди другихъ княжествъ, соперничая въ теченіе XIV в. изъ-за первенства даже съ самой Москвой... Замѣчательнымъ человѣкомъ для своего времени былъ первый епископъ тверской С и м е о н ъ († 1289), современникъ м. Кирилла и архіеп. Серапіона, по свидѣтельству лѣтописи, человѣкъ „учительный" и „сильный въ книгахъ"... Въ „Мѣрилѣ Праведномъ", юридическомъ сборникѣ, появляющемся у насъ въ XIV вѣкѣ, Симеону приписывается любопытное наставленіе,—преподанное полоцкому князю Константину какъ бы случайно, на пиру, но, очевидно, столь важное для тогдашней юридической практики, что уже скоро вносится въ названный сборникъ юридическаго характера .. Разсказывается,—князь, желая за что-то упрекнуть на пиру своего тіуна, полушутя обратился къ присутствовавшему епископу Симеону съ вопросомъ: „Владыко, гдѣ быть тіуну на томъ свѣтѣ?"—Епископъ отвѣтилъ: „Тамъ же, гдѣ и князю". Князю не понравился такой отвѣтъ, и онъ сказалъ епископу: „Тіунъ неправо судитъ, беретъ взятки, людей, продаетъ мучитъ и все худое дѣлаетъ [замѣчательна наивность взглядовъ князя на своего чиновника!],—а я что́ дѣлаю?"... Епископъ отвѣтилъ: „Если князь богобоя-

зненъ, любитъ правду,—въ тіуны и волостели избираетъ человѣка умнаго и правдолюбиваго, который все исполняетъ по закону божію, и понимаетъ, что такое судъ. Тогда и князь будетъ въ раю и тіунъ также. А если князь христіанъ не щадитъ, сиротъ (крестьянъ) не милуетъ, тіуномъ или волостелемъ поставляетъ человѣка злого, который только добываетъ князю прибытокъ, а людей не щадитъ—какъ бѣшенаго пса пускаетъ его на людей, давъ ему мечъ—и князь пойдетъ въ адъ и тіунъ съ нимъ также въ адъ!"... Едва ли не тому же еп. Симеону принадлежатъ въ томъ же юридическомъ сборникѣ нѣкоторыя *поученія*, обращенныя къ князьямъ и властелямъ, княжескимъ тіунамъ и судьямъ—замѣчательныя по рѣзкости тона, горячности обличеній. „Послушайте и вонмите, вси судящіе земли!—читаемъ напр. въ одномъ изъ нихъ, въ *Словѣ о судіяхъ и волостеляхъ*: Христосъ поставилъ васъ стражами и постырями людямъ своимъ,—а вы вмѣсто пастуховъ являетесь волками: отдали ихъ татямъ и разбойникамъ на разграбленіе,—и они заклали ихъ, кровь ихъ испили, плоть ихъ изъѣли, овчинами ихъ одѣлись!.. Де́ржите у себя злыхъ и немилостивыхъ слугъ и волостелей,—и не смотрите на то, какъ они продаютъ людей, судятъ неправедный судъ,—не наблюдаете за правдою, но у кого больше возьмете, тотъ и правъ!. Поставляете тіунами людей не богобоязливыхъ,—ради корысти пускаете ихъ въ народъ, какъ бѣшеныхъ псовъ, чтобы одного уморили, другого убили, третьяго изъязвили, четвертаго изничтожили!... Осудивъ, продаютъ [въ рабство]—тѣми купами дѣлаютъ себѣ пищу и одежду,—а вамъ учреждаютъ обѣды и пиры!... Вы, князья—причастники имъ во всемъ... Судятъ пьяные, и спѣшатъ судомъ,—а Богъ повелѣлъ вамъ, судьямъ, не въ одинъ день дѣло изслѣдовати!.. Вотъ, погубленные твоимъ судьею плачутъ передъ тобою, князь,—а ты не мстишь за нихъ, держишь истину въ неправдѣ: любя беззаконные прибытки, напуска-

ешь на людей злого судью!.. Писано: „недобръ дозоръ лисица въ курѣхъ“ и „не пасти льву овецъ“; „одинъ волкъ все стадо возмущаетъ“, „одинъ воръ всю страну позоритъ“,— такъ и властель: если неправеденъ, то и слуги его беззаконны“...

Помимо мѣстныхъ лѣтописей—въ Твери появляются историческія повѣсти. Разумѣемъ *Повѣсть объ убіеніи кн. Михаила въ Ордѣ* († 1318), дошедшую, впрочемъ, уже въ поздней передѣлкѣ и на половину принадлежащую къ области житійной литературы, любопытную по снисходительному отношенію ея автора къ Москвѣ, изъ за которой гибнетъ въ Ордѣ герой „Повѣсти“,—и „гораздо болѣе любопытный, историческо-житійный трудъ, сохранившійся „въ обломкахъ“, *о тверскомъ кн. Михаилѣ Александровичѣ* († 1399). Это—простое, обычное жизнеописаніе, „гдѣ описываемое лицо разсматривается, какъ историческій дѣятель, а не съ точки зрѣнія церковнаго похвальнаго слова, какъ нравственный образецъ для подражанія“... Въ предисловіи автора упоминается *Русскій Граноградъ* или *Володимирскій Полихронъ*—наиболѣе ранній общерусскій сводъ, возникающій въ первой четверти XV столѣтія... Съ тверскимъ княжествомъ связано извѣстное *Хожденіе за три моря* Афанасія Никитина († 1472).

Нельзя не отмѣтить обнаруживающихся въ Твери въ пол. XIV вѣка сумнительныхъ толковъ о „земномъ раѣ“, исходящихъ отъ самого мѣстнаго епископа, — по поводу которыхъ пишетъ свое *Посланіе* новгор. архіеп. Василій († 1352). Въ той же Твери и въ томъ же XIV столѣтіи появляется другая, болѣе опасная ересь, во главѣ которой стоитъ опять мѣстный епископъ, уже другой: тверской епископъ Андрей и какой-то новгородскій протопопъ поднимаютъ проповѣдь противъ монашества, — и съ такой силой, что многіе монахи оставили монастыри и вступили въ бракъ...

Проблески литературной жизни время отъ времени видимъ и въ другихъ центрахъ—въ Смоленскѣ, Галичѣ, на Волынѣ. О просвѣщеніи Волынской области особенно много заботится князь Владимиръ Васильковичъ († 1288), принимавшій, повидимому, и самъ участіе въ мѣстной литературной жизни: лѣтописецъ упоминаетъ о немъ съ особымъ уваженіемъ, называетъ его „учителемъ и наставникомъ благовѣрія“,—„бысть книжникъ великій и философъ“, замѣчаетъ о немъ лѣтопись...

Замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ смоленской области эпохи татарщины является *легенда о Меркуріѣ*. Легенда дошла въ весьма различныхъ редакціяхъ, относящихся уже къ пол. или концу XV вѣка,—„когда народъересталъ уже трепетать передъ сокрушительною силою татаръ, когда уже началъ увѣряться въ возможности сломить дотолѣ представлявшееся неодолимымъ ихъ страшное могущество, когда наконецъ печальное раболѣпіе передъ татариномъ уступило благородному сознанію національной независимости“... Памятникъ является вообще знаменательнымъ въ отношеніи къ характеристикѣ настроенія своего времени: слѣды бѣдствій татарскаго ига еще ощутительно сказываются въ общемъ тонѣ разсказа,—но не менѣе ощутительно и общее сознаніе возросшей уже національной самостоятельности, своего духовнаго превосходства предъ столь долго угнетавшимъ врагомъ. Легенда проникнута фанатическою враждою къ невѣрнымъ—и геройскимъ сознаніемъ близкой побѣды надъ ними... Чрезвычайно любопытно прозваніе, которое дается герою въ одной изъ редакцій повѣсти: „римлянинъ“, — иноземецъ, католикъ. „Сочувствіе свое къ нѣмцамъ, иностранцамъ, замѣчаетъ Буслаевъ, смольняне ни чѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ нѣмецкаго происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ. Если Ростовъ, грустно примиряясь съ татарщиной,

составляетъ легенду о татарскомъ царевичѣ Петрѣ,— Смоленскъ, съ надеждою обращавшій взоры на западъ Европы, хотя и безсознательно, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія и противопоставилъ его восточному насилію и варварству"...

Замѣчательныя проявленія духовной жизни обнаруживаются въ псковской области, ближайшей къ Новгороду, за весь періодъ тѣсно связанной съ послѣднимъ политически,—и въ тоже время сосѣдившей съ нѣмецкимъ орденомъ и Литвой. Общественная жизнь была развита въ Псковѣ не менѣе, какъ и въ Новгородѣ; въ XIV—XV вв. здѣсь вырабатывается замѣчательный юридическій памятникъ—*Псковская Судная грамота* [1467], свидѣтельствующая о значительномъ уже развитіи въ это время въ псковской области гражданскаго быта...

Проявленія духовной и литературной жизни въ Псковѣ, впрочемъ, крайне своеобразны: передъ нами, съ одной стороны, горячіе споры о „сугубой“ и „трегубой“ аллилуіѣ, съ другой—ересь „стригольниковъ“... Въ псковской письменности появляется въ это время необыкновенно характерный памятникъ—*Житіе Евфросина* или *Повѣсть о спорахъ объ аллилуіѣ при Евфросинѣ*, написанное въ самыхъ послѣднихъ годахъ XV ст. или въ самомъ началѣ XVI-го,— вводящее насъ въ самый центръ возгорѣвшихъ споровъ и тѣмъ самымъ необычайно ярко рисующее духовное настроеніе эпохи, крайне своеобразный складъ религіозныхъ понятій огромнаго большинства книжныхъ людей времени,— крайнюю бѣдность, ограниченность ихъ религіозной мысли, ея страшную хаотичность... Нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ памятникѣ,—онъ является необыкновенно типичнымъ не для однихъ псковичей.

При теперешнихъ взглядахъ, намъ трудно даже стать на точку зрѣнія автора, понять, въ чемъ дѣло, о чемъ идетъ рѣчь. А дѣло заключалось въ томъ, какъ нужно читать и пѣть при богослуженіи: „аллилуіа, аллилуіа—слава тебѣ, Боже!“ [два раза произноситъ „аллилуіа“] или такъ: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа—слава тебѣ, Боже!“ [произноситъ „аллилуіа“ три раза]; первое значило „сугубить аллилуію“, второе—„трегубить“. Вопросъ возникъ въ концѣ XIV столѣтія и къ нач. XV-го принялъ такую острую форму, что псковичи сочли нужнымъ обратиться за разрѣшеніемъ недоумѣній къ митрополиту. Митрополитъ—грекъ Фотій—отвѣтилъ, что „аллилуію“ нужно „трегубить“. Не смотря на категорическое разъясненіе митрополита, споры однако не только не ослабѣли, напротивъ, стали еще болѣе ожесточенными, сосредоточившись около монастыря Евфросина [† 1481], мѣстнаго крестьянина, поступившаго въ иноки и основавшаго на рѣкѣ Толвѣ, близь Пскова, особый монастырь. Пр. Евфросинъ—разсказываетъ *житіе*—„еще отъ юности желалъ, многъ трудъ стяжалъ и подвизаніе и сѣтовалъ безмѣрною печалью предъ Богомъ о пресвятыя аллилуіа“,—у многихъ вопрошалъ о велицѣй той вещи, но никто не могъ ему тайны сея протолковати: сами бо тогда волняхуся о божественномъ томъ любомудріи и великій расколъ влагающе посредѣ Христовы церкви, овѣмъ двоящимъ, овѣмъ троящимъ пресвятая аллилуіа“... Чтобы узнать „истину“, Евфросинъ предпринимаетъ путешествіе въ Константинополь, чтобы спросить самого патріарха. Патріархъ—„повелѣ ему двоити святая аллилуіа“, и вернувшись въ свою обитель, Ефросинъ „устави чинъ дважды глаголати аллилуіа“... Какъ только узнали объ этомъ въ Псковѣ,—въ средѣ мѣстнаго духовенства поднялась цѣлая буря. Немедленно отправляютъ къ Евфросину одного діакона и священника—„оба мудра зѣло философа“—съ

посланіями и устными увѣщаніями отказаться отъ „сугубой аллилуіа". „Зѣло движутся тобою церкви — говорили посланные —и мутится благодатный законъ, а мы, яко отъ лютыя бури волнами погружаемы есмы, отъ разногласія обычай твоихъ... Мы [трегубой аллилуіей] не улагаемъ [не уменьшаемъ] божества отъ единосущныя Троицы, ниже умаляемъ Христа...,—ты умаляешь Христа, отлагаешь славу отъ его божества и человѣчества... И всѣ труды твои [монастырь Евфросина отличался особой строгостью устава] не угодны, — мерзость предъ Богомъ"... Евфросинъ не согласился однако съ посланными; напротивъ, имъ самимъ — „невѣгласомъ"—совѣтовалъ „не начинати мудрити вещи сія", не разсуждать „о тайнѣ и сокровенной силѣ божественной аллилуія", — „выше мѣры вашея есть се", убѣждалъ онъ въ свою очередь псковскихъ „философовъ"... На Евфросина возсталъ весь городъ; рѣшили, что передъ ними—„еретикъ". Монахамъ Евфросина нельзя было придти въ городъ „на дѣло монастырское",—гдѣ ихъ ни встрѣчали, всѣ „паче гнѣвахуся на нихъ и жестокими словесы укоряюще ихъ, — яко осы или яко пчелы разсвѣрепѣвши, наскакаху на нихъ, обходяще, укоряюще руганіемъ, уязвляюще нелѣпыми словесы, яко пращными каменіями, глаголюще: „сіи отъ онаго еретика пришли, отъ двоящаго пресвятая аллилуіа"... Перестали даже креститься передъ церковью Евфросина,—„понеже двоитъ пресвятая аллилуіа"... Чрезвычайно любопытно отношеніе къ описываемымъ спорамъ самого автора *житія*; онъ подробно разсказываетъ о своихъ собственныхъ мучительныхъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ по поводу „великой тайны"... Въ началѣ—разсказываетъ авторъ—онъ хотѣлъ написать лишь краткое „житіе" Евфросина; но когда въ изложеніи дошелъ до путешествія Евфросина въ Царьградъ для отысканія „истины объ аллилуіѣ"—впалъ въ большое сомнѣніе: имъ

овладѣло недовѣріе къ своимъ способностямъ изложить „великую тайну“... Смущенный чувствомъ безсилія, въ тревожномъ недоумѣніи, напрасно авторъ принимался среди глубокой тишины почи за „письмо и хартію“: утомленный „маяніемъ печали“, онъ впадалъ въ изнеможеніе и дремоту... И вотъ, однажды, когда онъ мучился такими колебаніями,—въ полуснѣ явились ему свв. Евфросинъ и Серапіонъ, ободряя его на дѣло. Но авторъ принялъ видѣніе за дѣйствіе нечистаго духа. Оно повторилось и на другую ночь,—авторъ опять не повѣрилъ... Въ его душу закрадывалась уже мысль „не вершити житія преподобнаго“, бросить совсѣмъ задуманное „житіе“. Но на третью ночь явилась автору съ святыми старцами сама Богородица,—и открыла „тайну божественной аллилуіи“... „Нужу ми творятъ христіане, троящe божественную аллилуію“, говорила ему Богородица: „Воспиши тайну сію, ея же азъ, Богородица, тебѣ повѣдаю. Напиши о сей тайнѣ, о ней же пророцы молишася и вожделѣша ю хотѣніемъ св. Духа... Дважды да глаголется правовѣрными божественная аллилуіа,—понеже въ той есть тайна воскресенія Христова, сына моего и Бога... Да двоится православными божественная аллилуіа,—да глаголется: „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже“: сія тайна— „воскресе, воскресе въ божествѣ и слава Ему“... Колебанія автора исчезли; онъ измѣнилъ прежнее намѣреніе написать лишь краткое житіе,—напротивъ, рѣшилъ „тайну“ объ аллилуіѣ положить въ основу всего произведенія—и написалъ изложенную нами *Повѣсть*...

Какъ мы уже замѣтили, памятникъ является чрезвычайно типичнымъ не для одной псковской области. Вопросъ объ „аллилуіа“ привлекаетъ вниманіе „философовъ“ и въ другихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Руси. Около 1491 г. новг. архіеп. Геннадій обращается по этому поводу къ толмачу Димитрію Герасимову, бывшему въ то время въ Римѣ, — проситъ его справиться въ рим-

скихъ книгахъ, ка́къ говорить, „трегубно или сугубно". И Герасимовъ пишетъ архіепископу: „Высмотрѣлъ я въ книгахъ,—ино, господине, того здѣсь въ книгахъ не показано"... При этомъ онъ дѣлаетъ любопытное прибавленіе: „Помнится мнѣ, что и у насъ [въ Новгородѣ] —о томъ споръ бывалъ межъ великими людьми, и они судили, что то и другое одинаково"... Такихъ „великихъ людей", равнодушныхъ къ важности возбужденнаго вопроса, было однако не много: большинство относилось къ дѣлу серьезнѣе,—и на московскомъ Стоглавомъ соборѣ [1551] былъ такъ рѣшенъ вопросъ, тянувшійся полтораста лѣтъ: „Въ Псковѣ и въ псковской землѣ по многимъ мѣстамъ до нынѣ говорили трегубую аллилуію... Мы узнали достовѣрно отъ писателя *Житія пр. Евфросина Псковскаго*, новаго чудотворца, какъ ради его святыхъ молитвъ Пречистая Богородица извѣстила и запретила о трегубой аллилуіѣ и повелѣла православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію... И потому отнынѣ всѣмъ православнымъ христіанамъ—говорить сугубую аллилуію..., а не трегубить аллилуіи, какъ прежде сего во Псковѣ и по многимъ мѣстамъ... Они не славятъ Троицу, но четверятъ, и признаютъ св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына, и тѣмъ творятъ св. Духа раболѣпнымъ...—и потому не подобаетъ трегубить аллилуію, но дважды говорять"... При чтеніи этого соборнаго рѣшенія—замѣчаетъ преосв. Макарій—не знаешь, чему болѣе удивляться, „простотѣ-ли", или „невѣжеству"...

Умственая жизнь Пскова XIV—XV вв. далеко не ограничивалась однако спорами объ „аллилуіѣ"; въ томъ же XIV вѣкѣ мы видимъ здѣсь начало религіознаго движенія,—свидѣтельствовавшаго о появленіи въ псковскомъ населеніи духовныхъ интересовъ совершенно иного рода. Съ почвы внѣшняго обряда религіозная мысль древнерусскаго грамотника бросается въ другую крайность,—на почву самыхъ

крайнихъ „сумнѣній“ и „шатаній“... „Стригольники“ отвергаютъ духовенство, и низшее и высшее,—„весь вселенскій соборъ, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, весь чинъ священническій“,—какъ поставленныхъ „на мздѣ“, за деньги. Обвиняя высшую іерархію во „мздѣ“,—низшее духовенство „еретики“ укоряютъ въ недостойной жизни, корыстолюбіи: „Сіи учители—говорятъ они про приходскихъ священниковъ—пьяницы суть, ѣдятъ и пьютъ съ пьяницами, и взимаютъ отъ нихъ злато и серебро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ“... Вслѣдъ за „еретиками“—и „нѣціи безумніи“ изъ православныхъ, указывая на еретиковъ, тоже съ укоромъ говорятъ духовенству: „сіи не грабятъ и имѣнія не збираютъ!..“ Едва ли не въ связи съ этими еретическими нападеніями на духовенство стоитъ распространеніе около этого времени въ нашей письменности апокрифическаго *Хожденія ап. Павла по мукамъ*,—въ которомъ мѣста самыхъ жестокихъ адскихъ мученій населены лицами духовными... Отрицая духовенство, всю церковную іерархію,—еретики авторитету церкви противопоставляютъ принципъ свободнаго, на личномъ вдохновеніи основаннаго, толкованія вопросовъ вѣры. „Ни священія имуще, ни сана учительства, стригольници сами ся поставляютъ учителіе народа“... Отрицаніе іерархіи само собой приводитъ стригольниковъ къ отрицанію всей церковной обрядности и внѣшности. „Не достоитъ, говорятъ они, надъ мертвыми пѣти, ни поминати, ни милостыню давати за душу умершаго“. Возставая противъ обрядовъ и вообще церковной внѣшности,—„еретики“ стремятся къ болѣе внутренней, духовной сторонѣ религіозности: отвергая іерархію и обряды — стригольники „на небо взирающе, тамо Бога отца собѣ нарицаютъ“... Передъ нами—стремленія къ какому-то духовному христіанству, идеалы внутренняго, духовнаго пониманія христіанскихъ

обязанностей и братскаго равенства въ дѣлахъ вѣры...

Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ псковскихъ „стригольникахъ“ явленіе очень близкое къ нѣмецкимъ „крестовымъ братьямъ“ или „гейслерамъ“ XIV в., явившимся въ Германіи въ страшную эпоху „черной смерти“, — когда вымирали цѣлые города, когда Италія потеряла половину всѣхъ своихъ жителей, а Европа—почти четвертую часть населенія... Связь, можетъ быть, и была; но и помимо нѣмецкихъ „гейслеровъ“—въ самой русской дѣйствительности было болѣе чѣмъ достаточно элементовъ, чтобы вызвать и самостоятельно движеніе подобнаго рода. Относящееся къ нач. XIV в. *посланіе* нѣкоего инока Акиндина къ тверскому князю доказываетъ, что въ своемъ исходномъ пунктѣ — обвиненіяхъ духовенства во „мздѣ“—псковскіе „еретики“ не были не правы... Вмѣстѣ съ этимъ — передъ нами цѣлый рядъ памятниковъ, указывающихъ на крайне низкій уровень нашего приходскаго духовенства XIV—XV вв. Въ то же время общія условія жизни сѣверо-восточной Руси XIV—XV в. едва ли были въ этомъ отношеніи менѣе благопріятными, чѣмъ тѣ, на почвѣ которыхъ явились въ Германіи „крестовые братья“. Псковскіе „стригольники“—эти наши „духовные христіане“ XIV вѣка—были лишь однимъ изъ проявленій общей в о л н ы а с к е т и з м а, которая охватываетъ въ XIV—XV вв. сѣверо-восточную Русь и въ жизни и въ литературѣ... Никогда, кажется, русское населеніе не страдало отъ бѣдствій физическихъ въ такой степени, какъ въ XIV—XV вѣкахъ. „Черная смерть“, уничтожившая въ западной Европѣ цѣлыя области, не меньшіе ужасы произвела и въ восточной половинѣ,—опустошаетъ Псковъ, Новгородъ, Смоленскъ, Рязань, Коломну, Переяславль, Москву и множество другихъ городовъ. Въ Глуховѣ и Бѣлоозерѣ вымерли всѣ жители поголовно; въ Смоленскѣ, въ живыхъ во всемъ городѣ осталось всего 10 человѣкъ...

Непрерывный рядъ физическихъ бѣдствій видимъ въ сѣверо-восточной Руси и въ XV вѣкѣ. Вотъ факты, сообщаемые лѣтописью: Въ 1402 году—моръ въ Смоленскѣ; въ 1403—моръ въ Псковѣ; въ 1406 г. моръ возобновляется. Въ слѣдующемъ году „крылатый червь летѣлъ отъ востока къ западу, поѣлъ деревья и засушилъ ихъ"... Въ 1409 году—въ однихъ мѣстахъ люди мрутъ отъ голоду, въ другихъ свирѣпствуетъ моровое повѣтріе съ кровяной харкотиной. Въ 1414 году—„болѣзнь тяжкая по всей русской землѣ"... Въ 1417—моръ въ Новгородѣ, Порховѣ, Псковѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ, Твери. Въ 1418 году—„голодъ по всей русской землѣ"... Въ 1419-мъ — моръ въ Кіевѣ и смежныхъ юго-западныхъ областяхъ. Въ слѣдующемъ году моръ охватываетъ Кострому, Ярославль, Юрьевъ, Владиміръ, Суздаль, Переславль, Галичъ, Плесъ, Ростовъ. „Хлѣбъ стоялъ на нивахъ, и некому было жать", сообщаетъ лѣтописецъ. Къ концу года открылся моръ въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ 1423 — „моръ по всей русской землѣ". Въ 1429 году—„земля и лѣса горѣли, дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирала рыба и птица, рыба послѣ того пахла дымомъ два года"; затѣмъ—голодъ „по всей русской землѣ"... Подъ 1446 г. новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ,—что уже десять лѣтъ продолжается сильная дороговизна хлѣба; „была сильная скорбь: только и слышно было, что плачъ да рыданіе по улицамъ и на торгу, многіе отъ голоду падали мертвые, дѣти на глазахъ родителей, родители на глазахъ дѣтей. Многіе разошлись въ Литву, къ нѣмцамъ, бусурманамъ и жидамъ, изъ хлѣба продавались въ рабство къ купцамъ"... Въ 1448 г.—моръ на всякій скотъ и на людей. Въ 1465 — сильный моръ въ Псковѣ; въ 1466 г. моръ продолжается... И т. д. и т. д. Бѣдствія приводили народъ въ уныніе,—массы бѣжали въ монастыри... Въ литературѣ получаютъ особое распространеніе легенды мрачнаго,

суроваго характера, сказанія о грозныхъ „видѣніяхъ“ и „пророчествахъ“, о загробныхъ мытарствахъ и карахъ за грѣхи. Особенную популярность получаютъ многочисленныя византійскія произведенія эсхатологическаго характера, многочисленныя произведенія апокрифической литературы, разсказывающія о хожденіяхъ по аду и раю, — возникаютъ и самостоятельныя русскія легенды о тѣхъ, кто былъ въ раю, видѣлъ адъ и т. д. На почвѣ этихъ, значительно усиливающихся теперь, сказаній стоитъ *Посланіе о раѣ* архіеп. Василія и болѣе позднія *Повѣсти Пафнутія Боровскаго*; въ послѣднихъ вниманіе разсказчика преимущественно обращается на кары за грѣхи, на картины загробныхъ мученій, ожидающихъ грѣшника...

Къ этому присоединялась гнетущая мысль о близкой кончинѣ міра. Приближался страшный 1492-й годъ, — когда должно было совершиться второе пришествіе Христово... Это было общее, господствующее у насъ убѣжденіе всего XIV-го и XV вв. Православный русскій человѣкъ этого времени отшатнулся бы, какъ отъ злого еретика, отъ всякаго, кто сталъ бы опровергать эту мысль... Она принесена была къ намъ съ первой христіанской письменностью; подробно развивалась цѣлымъ рядомъ византійскихъ произведеній, особенно апокрифическихъ, поддерживалась и нѣкоторыми писаніями отцовъ церкви,—а равно такими представителями книжности, какъ мм. Кипріанъ, Фотій... На основаніи такихъ, хорошо извѣстныхъ въ нашей письменности, произведеній, какъ: *Слово Меѳодія Патарскаго*, извѣстнаго уже древнѣйшему кіевскому лѣтописцу, *Слово о небесныхъ силахъ, чесо ради созданъ бысть человѣкъ*, весьма популярнаго въ это время *Житія Андрея Юродиваго* и др.—составляется даже полное по годамъ изложеніе страшныхъ событій, которыя должны были ознаменовать конецъ міра. 6935-тымъ [1427] годомъ должно было начаться тяжелое

время: будетъ въ этомъ году печаль, голодъ, нашествіе злыхъ иноплеменниковъ; царство царя Михаила распространится по всей землѣ... Въ слѣдующемъ году родится антихристъ, — будетъ во время рожденія его трудъ таковъ, какого никогда не было прежде того времени, окаяннаго и лютаго и страшнаго! Плачъ великій поднимется по всей землѣ; въ солнцѣ и лунѣ появятся знаменія... „Увы! Увы! [плачетъ предсказатель] будетъ тогда намъ грѣшнымъ горе-бѣда великая!..“ Въ 6940-мъ [1432] году останется только три года до пришествія Господня. Царство будетъ антихристово; въ людяхъ нужда великая, источники всѣ высохнутъ,—и начнутъ плакать небеса, солнце и луна... Въ лѣто 6954-е (1446) сойдутъ на землю пророки... И т. д. и т. д. Почва для появленія „духовныхъ христіанъ“ - „стригольниковъ“ была вполнѣ подготовлена...

Нельзя не прибавить, — нѣкоторую поддержку своему „духовному христіанству“ стригольники могли получить для себя и помимо особыхъ проявленій аскетизма. Начинавшія у насъ быстро усиливаться крайности внѣшней-обрядовой религіозности иногда встрѣчали протесты и въ общей проповѣдной литературѣ того времени: изрѣдка здѣсь слышимъ рѣзкіе голоса болѣе духовнаго понималія христіанскихъ обязанностей... „Милостыню далъ еси убогому, о богатый! — говоритъ неизвѣстный русскій проповѣдникъ XIV вѣка—добрѣ сотвори. Но индѣ раби твои, пасуще стада воловъ твоихъ, потравиша ниву худыхъ сусѣдъ двоихъ, ихъ же ты примучи злымъ томленіемъ и казньми неправедными въ работу собѣ!.. Да луче бы ти, безумне, помиловати домочадца своя, да не скорбяще ходять, и остатися (удерживаться) отъ насилія и томленія,—нежели Бога дарити безумно имѣніемъ, неправдою собраннымъ!“.. „Кая польза, говоритъ другой, малояденіемъ тѣло свое сушити,—а не покормляти

алчныхъ излишними? Кая добродѣтель въ нощи не спя въ теплѣ храмѣ молитися,—а обездоленные тобою и порабощенные боси, нази, ранени, голодни на тя со слезами вопіютъ къ Богу! Кая помощь въ таковой мольбѣ?"... „Вжеглъ вси, о богатый, свѣщи своя въ церкви на свѣтилѣхъ—читаемъ въ третьемъ *поученіи* конца XV в.: но вотъ придетъ тобою обидимъ, сирота или вдова, воздохнетъ къ Богу на тя—слезами твою погаситъ свѣщу!.. О лихое лицемѣріе! Луче-бы ти не обидити, не грабити, нежели храмъ божій просвѣщати неправдою собраннымъ воскомъ!".. „Что ся постимъ безъ исправленія?—читаемъ въ новомъ *поученіи* того же времени: „Удержаніе ли брашенъ постъ глаголется?.. Ни мало пользы сотворитъ ны и жестокое воздержаніе отъ брашенъ, а плоды творяще злобныя. Аще бо пепелъ зоблемъ, а злобяся не останемъ,—не можемъ спастися! Аще бо отъ хлѣба удержимся, а гнѣваемся, завидимъ, то звѣріи есмы подобни: и тіи бо не ясть хлѣба, но плоть ясть,—яко и мы гнѣвомъ и завистію снѣдаемъ другы и братію свою клеветою... Аще кто ни пьетъ, ни мяса не ясть, а злобы держитъ—таковый и пуще скота есть: скотина бо не ястъ мяса ни вина не пьетъ. Аще ли кто на голѣй земли леглетъ, а мыслитъ злое — тако ся хвали: не требуетъ бо постели скотъ"... „Не яде бо, не пія дьяволъ—замѣчается еще въ одномъ *словѣ*—но спаде долу; а Павелъ апостолъ и яде и пія, но взыде на небо"... Возставая противъ всеобщаго упованія на могущество „милостыни" и на „святыя молитвы" другихъ,—нѣкоторые проповѣдники стараются убѣдить, что „аще человѣкъ не сотворитъ самъ,—и молитва святыхъ ничтоже пользуетъ... Аще воздержаются и молятся о немъ—самъ же и объѣдается и упивается или безчинствуетъ—что пользуетъ моленіе ихъ о немъ?"... Слышатся заявленія: „Неправдою зиждены церкви, хытростьми укра-

шены всѣми неправдами и порабощеніемъ сиротъ и убогихъ насиліемъ — скверно еже здати"... „Иже богатства церкви приносити, кая се польза? Во многихъ бо церквахъ собранная или отъ татей украдено или отъ ратникъ или огнемъ сгорѣ. Еже церкви утваряти, никому не запрещено, а еже убогыхъ немиловати—родство огнено (геенна) обѣщано"... Идеямъ нетерпимости и суроваго преслѣдованія нѣкоторые противопоставляютъ идеи евангельской любви и кротости. „Господь рече—читаемъ въ одномъ *поученіи* конца XV вѣка—не осуждайте, да не осужени будете. Осуждай бо брата своего съгрѣшьша антихристъ есть [потому что осуждающій противится приведеннымъ словамъ Христа]. А размыслите и сами, братіе, продолжаетъ проповѣдникъ: аще кто зло сотворитъ—намъ отвѣта предъ Богомъ не дати за него, но койждо о своихъ грѣсѣхъ отвѣщаетъ"... Впрочемъ, эти голоса были слишкомъ единичны и слабы, — усиливаются лишь къ самому концу періода, въ лицѣ такихъ представителей тогдашняго иночества, какъ Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій, бѣлозерскіе старцы...

Наибольшую умственную жизненность въ теченіе всего періода обнаруживаетъ болѣе отдаленный центръ сѣверной Россіи—старый Новгородъ. Сравнительно съ другими русскими областями, Новгородъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Новгородъ не видѣлъ передъ своими стѣнами татаръ; болѣе изолированное географическое положеніе значительно ослабляло здѣсь тяжелыя послѣдствія татарскаго ига и самаго погрома. Особое благопріятное вліяніе имѣло и близкое сосѣдство съ Западомъ. Книжная дѣятельность не прерывается въ Новгородѣ за весь періодъ монгольскаго ига... Въ „книжной мудрости" новгородцы создаютъ себѣ даже извѣстнаго рода репутацію: въ 1471 г. м. Филиппъ въ *посланіи* своемъ къ новгородцамъ, по поводу

ихъ намѣреній отдѣлиться отъ Москвы и отдаться подъ власть короля Казимира—замѣчаетъ, что онъ написалъ бы имъ и пространнѣе „отъ божественныхъ писаній“, но знаетъ, что они и сами хорошо свѣдущи въ писаніяхъ: „вѣмъ..., яко книжнѣй мудрости и сами разумни есте“... Вообще не только въ періодъ татарскаго ига, но и много позднѣе, до самой пол. XVI в., Новгородъ является наиболѣе богатымъ духовнымъ центромъ, далеко превосходящимъ умственный уровень всѣхъ другихъ областей — и особенно тогдашней Москвы... Умственная жизнь въ Новгородѣ видимо богаче, разнообразнѣе, живѣе. Подчиняя себѣ Новгородъ политически, Москва невольно покорялась ему духовно. Въ нач. XVI вѣка изъ Новгорода приходятъ въ Москву лучшіе живописцы,—отсюда приходятъ и главные представители московской литературы XVI вѣка: свящ. Сильвестръ, митр. Макарій,—нѣсколько ранѣе въ Москву вызывается изъ Новгорода Пахомій Логофетъ. Изъ Новгорода же идутъ въ Москву первые представители религіозной критики—въ лицѣ „жидовствующихъ“... Лишь съ половины XVI-го вѣка духовная жизнь въ Новгородѣ замираетъ—и центръ русской сѣверо-восточной литературы окончательно сосредоточивается въ Москвѣ.

Какой своеобразный характеръ принимаетъ однако духовная жизнь и въ Новгородѣ, въ этомъ наиболѣе богатомъ умственномъ центрѣ сѣверо-восточной Руси XIV—XV вв.,—показываетъ, съ одной стороны, *посланіе о земномъ раѣ* архіеп. Василія, съ другой—возникающіе здѣсь къ концу періода толки сейчасъ упомянутыхъ „жидовствующихъ“.

Какъ мы уже замѣтили, во главѣ еретическихъ мнѣній въ Твери былъ самъ епископъ. Новгородскій владыка счелъ долгомъ написать ему особое посланіе, которое начинаетъ съ нѣкоторой ироніей: „Слышахъ, брате—пишетъ онъ тверскому епископу—что повѣствуеши: рай погиблъ, въ

немъ же былъ Адамъ... Ино, брате, о погибели того есмя не слыхали, ни въ писаніи нигдѣ обрѣли о томъ“...—и доказываетъ, что „земной рай“, въ которомъ нѣкогда жилъ Адамъ, и теперь существуетъ, на томъ же мѣстѣ, на востокѣ, въ Едемѣ, гдѣ былъ и „насажденъ“, подобно тому, какъ существуетъ на землѣ и адъ, на западѣ... Въ доказательство арх. Василій ссылается на то, что св. Макарій жилъ отъ рая всего въ 20 поприщахъ, что св. Агапій даже былъ въ этомъ раю,—видѣлъ тамъ Илью пророка, взялъ отъ него кусочекъ райскаго хлѣба и принесъ съ собою; что изъ рая текутъ четыре рѣки: Тигръ, Нилъ, Фисонъ, Ефратъ. Нилъ течетъ съ высокихъ горъ,—„иже суть отъ земля и до небеси, а мѣсто непроходимо есть человѣкомъ; а верху рая Рахмане живутъ“... Новгородскій архіепископъ сообщаетъ, что нѣкоторые изъ его новгородцевъ сами видѣли рай на какой-то чудной горѣ: „то мѣсто святого рая, прибавляетъ онъ, находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ...; а тѣхъ, брате, мужей и нынче дѣти и внучата добри-здоровы“... Тѣ же новгородцы видѣли и адъ,—на западѣ. „Много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому. На дышущемъ морѣ червь неусыпающій и скрежетъ зубный—и рѣка огненная, что вода входитъ въ преисподняя и паки исходитъ трижды днемъ“... Всѣ доказательства новгородскаго писателя почерпнуты частью изъ устныхъ легендъ, ходившихъ, очевидно, въ это время среди новгородцевъ, частью изъ цѣлаго ряда древнерусскихъ апокрифовъ: *О успеніи Богородицы*, *О Макаріи римскомъ*, *О хожденіи въ рай св. Агапія*, *О хожденіи св. Зосимы въ божественную землю Рахманъ*, изъ апокрифическаго разсказа о томъ, какъ каялся Адамъ, когда былъ изгнанъ изъ рая, и мн. др. „Посланіе“ показываетъ, какого рода литературныя произведенія были особенно популярны въ XIV в. въ Новгородѣ,—какіе письменные памятники пользовались особымъ авторитетомъ въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ іерарховъ, служили опорою

религіозной мысли... Изъ того же посланія мы видимъ, какъ слабо была развита въ средѣ нашихъ даже лучшихъ книжныхъ людей XIV—XV вв. критическая мысль въ отношеніи къ „писаніямъ". И архіеп. Василій не былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ: и много позднѣе, въ самомъ концѣ XV в., новг. архіеп. Геннадій († 1505) пишетъ архіепископу ростовскому Іоасафу, по поводу толковъ въ народѣ о близкой кончинѣ міра: „Въ *Евангеліи* кончина не явлена, когда будетъ, да и *Енохъ Праведный* писалъ сице"... Рядомъ съ Евангеліемъ онъ считаетъ нужнымъ привести въ подтвержденіе и мнѣніе апокрифической книги. Такимъ же отсутствіемъ всякой мысли о критикѣ „писаній" отличаются взгляды Іосифа Волоцкаго...

„Ересь жидовствующихъ" была въ значительной степени продолженіемъ броженія, созданнаго „стригольниками". Между тѣми и другими было много общаго,—но теперь, въ лицѣ „жидовствующихъ" броженіе видимо ударяется въ еще бóльшія „сумнѣнія"... „Жидовствующіе" не только отвергаютъ церковную іерархію, монашество, всю обрядность и внѣшность—иконы, кресты, мощи—но переходятъ на почву открытаго раціонализма или ударяются въ матеріализмъ. Возставая противъ почитанія мощей и чудотворныхъ иконъ, еретики говорятъ: „Како въ бездушныхъ тѣлесѣхъ и въ рукотворенныхъ вещѣхъ Богъ чудеса творитъ?"... „Еда (неужели) не можаше Богъ—возражали они, отвергая тайну воплощенія—спасти Адама и сущихъ съ нимъ? еда не имѣаше небесныя силы и пророки и праведники, еже послати исполнити хотѣніе свое (спасеніе человѣка), но самъ сниде, яко нестяжатель и нищъ, и вочеловѣчився и пострада, и симъ прехытри дьявола? Не подобаетъ Богу тако творити"... „Како можетъ Богъ на землю снити и отъ дѣвы родитися, яко человѣкъ?"... Указывая на несбывшіяся ожиданія кончины міра, съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ (въ 1492 году),

еретики разсуждали: „Святіи отцы написали, что седьмъ тысящъ лѣтъ здѣшняго житія, а осьмая тысяща будущаго вѣка: нынѣ седмь тысящъ лѣтъ прошло, а конца нѣсть,—и святыхъ отецъ писанія ложны суть, и подобаетъ сихъ писанія огнемъ сожещи“... Уже нѣкоторые изъ псковскихъ стригольниковъ переходили на почву полнаго отрицанія,—„еже и воскресенію не надѣюще быти мняху“; въ средѣ новгородскихъ еретиковъ подобныя мысли заявляются уже вполнѣ опредѣленно: „Что то царство небесное? Что̀ то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто инъ, то умеръ,—по та̀ мѣста̀ и былъ“... И въ то же время „еретики“ опираются на слова Евангелія и отцовъ церкви,—и требуютъ полной религіозной терпимости: „Не подобаетъ, говорятъ они, осужати ни еретика, ниже отступника“... И т. д. и т. д.

Если появленіе псковскихъ „стригольниковъ“ было тѣсно связано со многими соціальными и другими условіями современной русской жизни, съ общей духовной атмосферой эпохи, — то и мнѣнія „новгородскихъ еретиковъ“, какъ общее броженіе, проявленіе въ сферѣ религіозныхъ идей „сумнѣвій“ и „шатаній“—также не стояли вполнѣ изолированно. Мы видимъ не только горячее заступничество за судьбу „еретиковъ“ со стороны такъ наз. „бѣлозерскихъ старцевъ“, — но и широкую популярность „еретиковъ“ въ самомъ населеніи, не только въ его высшихъ, книжныхъ слояхъ, но и въ массѣ. Возникшее религіозное броженіе быстро охватываетъ огромную площадь: „Въ домѣхъ и на путѣхъ и на торжищахъ, иноци и мірстіи, вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ“...—жалуется современникъ—и „пытаютъ о вѣрѣ“ „ни отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но отъ еретиковъ и отступниковъ христовыхъ,—съ ними дружатся, и пьютъ, и

ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству"... „Явися шатаніе въ людѣхъ въ неудобныхъ словесѣхъ о божествѣ",—лаконически замѣчаетъ лѣтописецъ.

Самыя раціоналистическія мнѣнія „жидовствующихъ" не были совершенно изолированными: подобнаго рода мнѣнія изрѣдка заявлются въ средѣ русскихъ книжниковъ и помимо „еретиковъ"... Еще въ XII вѣкѣ галицкій князь Владимирко замѣчалъ съ усмѣшкой: „въ наше время чудесъ не бываетъ"... А когда его упрекали въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и грозили, что крестъ накажетъ его,—отвѣчалъ: „сей ли крестецъ малый?"... Въ составленномъ ок. 1471—1473 г.г. *Житіи ярославскаго кн. Θеодора* разсказывается о наказаніи, постигшемъ ярославскаго архіерея и одного изъ мѣстныхъ протопоповъ за недовѣріе къ мощамъ князей. Ярославскій епископъ послалъ протопопа-мужа рѣчистаго, грамотѣ гораздаго — „дозрѣть мощей чудотворцевыхъ, исцѣленія отъ нихъ по правдѣ ли будутъ". Протопопъ не вѣрилъ этимъ чудесамъ, подозрѣвая, не игуменъ ли Спасскаго монастыря, гдѣ покоились мощи, дѣйствуетъ здѣсь нечистой силой „на прельщеніе человѣкомъ", чтобы пріобрѣсть богатство, „еже приношаху граждане на молебны, къ рацѣ приходяще"... Когда съ такими мыслями протопопъ приступилъ къ осмотру мощей, внезапный ударъ повергнулъ его на землю,—у него отнялся языкъ, отнялись руки и ноги, онъ впалъ въ разслабленіе. То же случилось и съ ярославскимъ архіереемъ, раздѣлявшимъ недовѣрія и подозрѣнія протопопа... Въ *Житіи нов. архіеп. Іоанна,* составленномъ въ концѣ 70-хъ или 80-хъ гг. XV ст., авторъ замѣчаетъ: „азъ окаянный слышахъ о житіи праведнаго мужа... и невѣріемъ одержимъ быхъ"... Въ *житіи Михаила Клопскаго* XV—XVI в. разсказывается чудо святаго надъ попомъ, кото-

рый „бѣ къ святому невѣріемъ одержимъ...“ Рязанскій епископъ Кассіанъ, „покровитель еретиковъ“, не оказывалъ уваженія мощамъ св. Димитрія Прилуцкаго, а другъ его и „стаинникъ“, архим. Иларіонъ, хулилъ мощи архіепископа Іоны... При открытіи въ 1558 году мощей еп. Никиты — „намѣстникъ, стоя у гроба, усомнился въ возможности, чтобы мощи сохранились впродолженіе 450 лѣтъ...“,—тогда же явились къ архіепископу „попы града“, чтобы выразить свое сомнѣніе о новоявленныхъ мощахъ [*Слово объ открытіи мощей еп. Никиты*]... Кн. Курбскій въ одномъ мѣстѣ передаетъ слухъ о „нѣкоторыхъ“ кирилловскихъ и іосифовскихъ монахахъ—будто они объ апостольскихъ посланіяхъ толковали, „иже бы старцы, або презвитеры, писали ихъ церковные, а не апостолы, и потому наричутся церковные, а титулы апостольскіе чести ради приписаны къ нимъ“... Подобныя мнѣнія Курбскій слышалъ и самъ на Москвѣ, отъ нѣкоторыхъ кириловскихъ мниховъ. „Понеже, прибавляетъ онъ, между нѣкоторыми изъ нихъ таковая секта кроется, яко и между осифлянскихъ мниховъ, — того бо ради люты и безчеловѣчни и лукави зѣло, и властей и имѣній желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ...“ [не вѣруютъ въ будущую жизнь];

Съ пол. XV в. мы видимъ въ Новгородѣ, особенное оживленіе поэтической литературы, обнаруживающееся въ связи съ политическими событіями переживавшагося историческаго момента. Главной чертой выступаетъ вражда къ Москвѣ. Многія изъ сказаній отличаются неподдѣльной поэзіей и яркими современно-бытовыми чертами. Одной изъ наиболѣе раннихъ легендъ является *Сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы*, начинающееся встрѣчаться въ рукописяхъ съ конца XV в.,—

около этого времени, повидимому, и написанное. Сказаніе ярко рисуетъ политическія отношенія къ Москвѣ Новгорода и другихъ областей,—суздальцевъ, владимирцевъ, псковичей... Сказаніе вполнѣ опредѣленно высказываетъ общій взглядъ на политическую исторію Новгорода. Уже Ярославомъ новгородцы „почтени быша за премногую ихъ добродѣтель и помощь, юже показаше противъ враговъ его“—самовластіемъ, еже и по немъ имѣти имъ у себя начальствующаго князя по волѣ ихъ, его же возлюбятъ они“...; тогда же „и данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не преходити предѣлъ“... И „многа лѣта“ граждане оные жили такъ, начальствуемые отъ князей россійскихъ, „ихъ же сами себѣ избираху“...—пока „навѣтомъ человѣкоубійцы дьявола“ у нихъ не начались раздоры съ ихъ князьями,—овогда новгородцы обнаруживали „непослушаніе къ державнымъ“, овогда сами князья „преступаша установленный урокъ“... И вотъ явилось знаменіе дивное: отъ трехъ святыхъ иконъ Пречистой Богородицы слезы текли,—Владычица молила Сына своего, да пощадитъ онъ Новгородъ, да не искоренитъ его до конца... Знаменія предвѣщали великія бѣдствія,—которыя вскорѣ и случились. На „Богомъ покрываемый градъ“ ополчился „лютый Фараонъ“, суздальскій князь Андрей, вмѣстѣ со многими другими князьями; всѣхъ было, говорятъ, до 70-ти князей, замѣчаетъ авторъ „Сказанія“: „свои съ своими,—яко мало не вся русская земля совокупися на разореніе единаго града онаго“... „Всѣ завистію взимающееся“—поясняетъ „Сказаніе“: „понеже тогда быша новгородцы словуще богатствіемъ паче всѣхъ градовъ россійскихъ,—зане самовластіемъ управляющеся, и ни единому изъ князей обладати собою попущающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ“... У новгородцевъ не было силъ противостать союзнымъ врагамъ, и всю надежду они возложили на Господа и Пречистую,—„бѣша бо зѣло благочестивы, церквамъ божіимъ

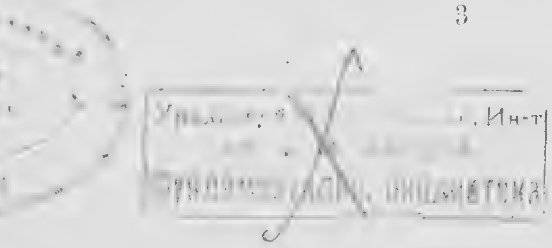
прилежающе нелѣностно и къ нищимъ податливы и милостивы“... И вотъ, когда граждане Новгорода уже изнемогали, отражая отъ городскихъ стѣнъ великія союзныя полчища,—новгород. архіепископъ, молившійся предъ образомъ Спасителя объ избавленіи града, получилъ видѣніе: онъ услышалъ отъ иконы голосъ, повелѣвающій ему взять образъ пр. Богородицы и вознести „не забрала града противу супостатъ“... Икона Богоматери принесена была на городскія стѣны,—но враги не убоялись и св. иконы: разъярились пуще прежняго, и въ гордости своей думали уже, что скоро и весь городъ будетъ въ ихъ рукахъ; „уже улицы городскія дѣлили межъ собой по городамъ“— и до того дошли въ своемъ неистовствѣ, что даже въ тотъ чудотворный образъ Богородицы пустили стрѣлы... Тогда дивная та икона отвернулась отъ враговъ,—сама собой лицомъ своимъ повернулась къ городу, и изъ ея глазъ полились слезы... И совершилось великое чудо. „Поборая по своему граду“, Богоматерь безъ крови совершила побѣду: пораженные сверхъестественнымъ ужасомъ, враги потеряли зрѣніе, и въ безпамятствѣ стали одни бить другъ друга, другіе обратились въ бѣгство...

Памятникъ проникнутъ исключительно мѣстнымъ характеромъ,—гремитъ проклятіями на враговъ, какъ на „иконоборцевъ“, завистливыхъ, несправедливыхъ... Князь Андрей для автора „Сказанія“—„лютый Фараонъ“: названіе тѣмъ характернѣе, что мѣстныя сказанія владимирскія и суздальскія этого же „лютаго Фараона“ признаютъ святымъ, и житіе его вносятъ въ свой *Владимирскій Патерикъ*. Чисто-новгородскій колоритъ „Сказанія“ выступитъ передъ нами еще ярче,—если мы обратимся къ суздальской лѣтописи и прочтемъ ея разсказъ о томъ же событіи. Суздальскій лѣтописецъ не можетъ скрыть факта, понесеннаго пораженія; не отвергаетъ и дивныхъ знаменій,—но смотритъ на все это съ другой точки зрѣнія. „Слышали мы—разсказы-

ваетъ лѣтописецъ—года за три передъ тѣмъ было знаменіе въ Новгородѣ: въ трехъ церквахъ новгородскихъ, на трехъ иконахъ, плакала св. Богородица, Матерь Божія. Провидѣла она пагубу, грозящую Новгороду, и молила Сына своего, дабы не искоренилъ новгородцевъ отнюдь, но помиловалъ. Такъ и было. Матерь Божія избавила ихъ милостію своею,—потому что они христіане. Богъ наказалъ новгородцевъ и крѣпко смирилъ,—за грѣхи навелъ и наказалъ, рукою благовѣрнаго князя Андрея"... Псковскій лѣтописецъ—наоборотъ, на сторонѣ новгородцевъ, и не безъ ироніи относится къ ихъ врагамъ, суздальцамъ. „Новгородцы—замѣчаетъ онъ по поводу событія—владѣли своею властью, какъ имъ Богъ поручилъ, а князя держали по своей волѣ. Суздальцы возгордились надъ ними, вздумали покорить ихъ своей власти; увѣренные въ побѣдѣ ужъ и улицы новгородскія подѣлили на свои города, да воротились съ срамомъ: ничего не взяли, ничего не полонили,—а земли взяли „только копытомъ"! Тѣмъ и кончилась слава и честь суздальская"... Передъ нами—любопытный фактъ различнаго освѣщенія одного и того же событія въ литературныхъ памятникахъ различныхъ областей, наглядно показывающій, съ какой яркостью наша литература XIV—XV вв. иногда отражала на себѣ областные интересы, „нерѣдко наивные и пристрастные, но всегда полные искренняго чувства, страстей, которыми волновались цѣлые города"...

Сказаніе о новг. арх. Моисеѣ, читаемое въ нѣкоторыхъ редакціяхъ его „житія", съ особой рѣзкостью высказываетъ, съ одной стороны, новгородскій протестъ противъ насилій Москвы, съ другой—презрѣніе послѣдней къ новгородской святынѣ: великій новгородскій святитель для епископа-москвича является „смердьимъ сыномъ"... Тѣ же страстные протесты Новгорода противъ московскихъ притязаній—въ *Сказаніяхъ о чудесахъ пр. Варлаама Хутынскаго*... Яркимъ мѣст-

нымъ колоритомъ проникнуто *Сказаніе о новгородскомъ архіепископѣ Іонѣ*, относящееся уже къ тому моменту политической борьбы съ Москвой, когда перевѣсъ видимо склонился на сторону Москвы. Новг. архіеп. Іона былъ не только горячимъ новгородскимъ патріотомъ, но и вообще человѣкомъ замѣчательнымъ и просвѣщеннымъ. Имъ между прочимъ вызванъ былъ въ Новгородъ Пахомій Логофетъ—для приведенія въ литературную форму мѣстныхъ новгородскихъ житій и сказаній. Особой заслугой архіеп. Іоны были ходатайства передъ Москвой за угнетаемый ею Новгородъ,—его мудрая политика въ сношеніяхъ съ Москвой, когда дни Новгорода были уже сочтены. „Сказаніе", очевидно, написано вскорѣ послѣ смерти Іоны († 1471),—и относится къ числу тѣхъ легендъ, которыя теперь, къ концу XV в., все чаще начинали появляться въ Новгородѣ, и которыя какъ бы уже предчувствуютъ трагическій конецъ для родного города... „Сказаніе" главн. образ. посвящено разсказу о путешествіи Іоны въ Москву и о ходатайствѣ его за Новгородъ предъ московскимъ великимъ княземъ. Когда московскій князь пригласилъ архіепископа пріѣхать въ Москву, архіеп. Іона—разсказываетъ „Сказаніе"—былъ удрученъ уже старостью; но „жалость людей своихъ [жалость по Новгороду] понуди его толикъ трудъ пути подъяти,—видяше бо ковъ на люди своя и на градъ [Новгородъ]"... Во время пребыванія въ Москвѣ архіепископа, великій князь неоднократно жалуется ему „на граждани его,—яко не по лѣпотѣ отъ нихъ чтомъ"... Однажды опять зашла рѣчь о томъ же въ присутствіи наслѣдника, будущаго Іоанна III-го, и московскаго митрополита: великій князь опять сталъ излагать предъ новгородскимъ архіепископомъ свои жалобы на великій Новгородъ,—„аки презираемъ отъ него"... Московскій князь, поясняетъ авторъ „Сказанія", имѣя уже у себя власть надъ другими князьями русскими—„сего ради искаше подъяти руцѣ на великій

Новгородъ". Архіепископъ „отвѣщеваше за градъ", заступался за своихъ новгородцевъ,—говорилъ много утѣшительнаго; но великій князь продолжалъ все жаловаться, „и ярость пріимаше по многу"... „Тогда—разсказываетъ сказаніе—великій архіепископъ, доблестный защитникъ отечества [Іона былъ и родомъ изъ Новгорода], „подвигнувшись духомъ", смѣло сказалъ великому князю: если онъ, великій князь, презрѣвши его моленія, не отвратитъ завистливаго ока отъ Новгорода и воздвигнетъ руку на послушныя ему люди и ничѣмъ же необидѣвшія раздѣляти неправедно станетъ,—да вонметъ себѣ! „Зависти око" увидитъ онъ и „въ чадахъ своихъ", раздоры поразятъ его потомство!.. „Нынѣ же—продолжалъ вдохновенный старецъ—молитву мою услыши, неправды на праведныхъ не подвигни, тихими очами взгляни на своихъ повинныхъ,—и свободныхъ людей въ рабство принимать не дерзай!.. Тебѣ самому уже послѣдніе дни приближаются, уже скоро хоругви русской земли перейдутъ къ твоему сыну-наслѣднику,—о немъ и буду я съ своими новгородцами молить Бога!.. Я освобожу сына твоего отъ власти ордынскихъ царей,—прошу лишь за свободу града моего!".. Усладился великій князь словами старца; особенно возрадовался князь пророчеству святителя объ освобожденіи „отъ ордынскихъ царей",—и обѣщалъ архіепископу милость къ людямъ его, новгородцамъ; всякій гнѣвъ отложивъ, просилъ лишь молить Бога—„еже пріяти свободу отъ мучительства ордынскихъ царей и татаръ, и укрѣпитися въ руку его русскимъ хоругвямъ"... Когда всѣ смолкли—продолжаетъ „Сказаніе"—прослезился старецъ, архіепископъ Іона, и горько заплакалъ, и сказалъ: „Кто обидитъ людей моихъ, толикое множество? кто смиритъ таковое величество града моего,—если усобицы не смятутъ ихъ, раздоры не низложатъ ихъ, лукавство зависти

не развѣетъ ихъ?!“.. „Провидѣ бо духомъ—съ горестью поясняетъ авторъ—яко людямъ его [новгородцамъ] невозможно до конца содержати въ свободѣ града своего—ради неправды въ нихъ и насилія“... Какъ уже замѣчено, „Сказаніе“ явилось въ эпоху, когда дни Новгорода были сочтены. Изъ „Сказанія“ ярко обнаруживается колеблющееся положеніе новгородской свободы и сила политически побѣждавшей Москвы: въ отношеніяхъ новгородскаго архіепископа къ московскому князю уже нѣтъ той независимости, какую обнаруживалъ нѣкогда въ сношеніяхъ съ русскими областями „господинъ великій Новгородъ“,—уже не гордымъ протестомъ, не грозою, а моленіемъ надобно было умилостивлять Москву, чтобы она смотрѣла „тихими очами“ на свободныхъ новгородцевъ... Любопытно указаніе памятника и на то, какъ еще тяжело было для Москвы, даже въ концѣ XV в., татарское иго: за одну надежду освободиться отъ ига „ордынскихъ царей“ московскій князь отказывается отъ порабощенія Новгорода!..

Въ концѣ XV—нач. XVI в. возникаетъ *Соловецкій Патерикъ.* Памятникъ тѣсно примыкаетъ къ циклу новгородскихъ сказаній—но уже носитъ на себѣ признаки московскихъ вліяній. Изъ-за многочисленныхъ, предлагаемыхъ памятникомъ, поэтическихъ подробностей о паденіи новгородской старины, облеченныхъ въ форму чудеснаго видѣнія—замѣтно проглядываютъ интересы эпохи, московскія симпатіи: герой патерика подвижникъ Зосима Соловецкій [† 1478]—уже на сторонѣ Москвы, противъ Мареы, посадницы новгородской...

Литературное развитіе Москвы на первыхъ порахъ идетъ крайне медленно.

Незначительный городокъ Москва впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1147 годомъ; отдѣльное княжество московское возникаетъ съ первыхъ годовъ XIV вѣка. Быстрое политическое усиленіе ничтожнаго дотолѣ

княжества было совершенной неожиданностью, загадкой для современниковъ. „Кто думалъ-гадалъ — говоритъ древнее народное сказаніе—Москвѣ царствомъ быть?. и кто же зналъ — Москвѣ государствомъ слыть?"... Предшествовавшая исторія княжества была не блестяща, и не вызывала симпатій современниковъ... „Москва — замѣчаетъ Буслаевъ—чтобы подняться надъ старыми городами, безъ зазрѣнія совѣсти пользовалась снисходительною дружбой и покровительствомъ татарскихъ хановъ... Мученическая смерть князя Михаила Тверскаго возбудила къ Москвѣ непримиримую ненависть въ тѣхъ городахъ, гдѣ старыя національныя преданія могли противопоставить татарскому насилію какіе-либо нравственные принципы. Не только Тверь, но и Псковъ былъ возмущенъ татарскими нравами Москвы"... Какъ смотрѣли старые города на подвиги „зачинавшейся" Москвы,—можно видѣть изъ участія, какое Псковъ принялъ въ семействѣ замученнаго князя Михаила Тверскаго, почти весь родъ котораго пострадалъ отъ жестокости татаръ, при содѣйствіи Москвы. „Москва, какъ новый станъ великокняжеской и царской силы, не была еще столько развита, чтобы практическими выгодами умѣла жертвовать въ пользу нравственныхъ убѣжденій, которыя въ то время имѣли единственную основу въ религіозныхъ идеяхъ и въ мѣстной привязанности къ родинѣ"... Самыя раннія преданія этого города проникнуты элементомъ татарскимъ. „Приходилось сносить тяжкія оскорбленія азіатскихъ тирановъ, и употреблять ихъ въ свою пользу. Двуличный характеръ этихъ сношеній отзывается въ сказаніяхъ о зачинавшемся преобладаніи Москвы, и до позднѣйшаго времени придаетъ какой-то мрачный колоритъ даже, казалось бы, самымъ лучшимъ страницамъ исторіи Москвы.. Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанія и нѣкоторыхъ другихъ городовъ сѣверо-восточной Руси,—но не такъ полно и всецѣло обня-

ла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ"... Покладистость московскихъ нравственныхъ понятій соединялась съ крайне низкой степенью просвѣщенія, точнѣе—съ его полнымъ отсутствіемъ. Въ теченіе всего XIV столѣтія Москва является „дикимъ воинскимъ становъ",—въ которомъ долго не замѣчается никакихъ признаковъ какого-либо образованія. „Москва не только въ XIV, но даже и въ XV вѣкѣ, въ отношеніи литературномъ несравненно ниже стояла Кіева или Новгорода XII столѣтія"... „Презрѣніе старыхъ городовъ къ Москвѣ XIV—XV вв. объяснялась—замѣчаетъ Буслаевъ—не только татарщиною въ политикѣ этого города, но и его безграмотностью"...

Рядъ собственно московскихъ писателей начинается московскими митрополитами—Петромъ († 1326), Алексѣемъ († 1378), Кипріаномъ († 1406). Изъ послѣдующихъ—главные: м.м. Фотій († 1431) и Григорій Цамблакъ († 1419). Изъ пяти названныхъ—три иноземца: одинъ—сербъ или болгаринъ, второй—грекъ, третій—болгаринъ, если не албанецъ...

Какъ были слабы въ общемъ литературныя силы Москвы въ періодъ XIV—XV вв., наглядно показываетъ дѣятельность ея первыхъ писателей и преобладаніе въ Москвѣ писателей-иноземцевъ. Въ чемъ выразилась дѣятельность двухъ первыхъ московскихъ писателей? Отъ м. Петра дошло единственное литературное произведеніе—*поученіе*, обращенное къ духовенству, что-то въ родѣ окружнаго посланія, отличающееся крайней общностью содержанія, къ тому же въ значительной долѣ заимствованное изъ „Поученія попомъ" Кирилла III [† 1289]. Отъ митр. Алексѣя имѣемъ три подобныхъ произведенія: *окружное посланіе*, обращенное ко всей паствѣ, *посланіе къ христіанамъ нижегородской области* и *грамоту на Хоперъ*, „ко всѣмъ христіанамъ Червленаго Яра". Окружное посланіе даетъ лишь самыя общія наставленія, и если

касается нѣкоторыхъ сторонъ современной общественности, обращаясь къ князьямъ и ихъ чиновникамъ, судьямъ, — то опять лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Посланіе, обращенное къ нижегородской паствѣ, въ значительной долѣ повторяетъ первое,—не только въ общемъ содержаніи, но и отдѣльными мыслями, даже выраженіями. Въ грамотѣ на Хоперъ, „ко всѣмъ христіанамъ Червленаго Яра", опредѣляются собственно границы рязанской епархіи и лишь попутно даются христіанскія наставленія,—но опять самаго общаго характера. Все это—крайне незначительно не только по количеству, но и по качеству. Передъ нами — крайняя скудость мысли, ничтожность литературнаго таланта...

„Епископы русскіе—люди не книжные", увѣрялъ въ 1439 г. римскаго папу на флорентійскомъ соборѣ (1439) моск. митр. Исидоръ,—и если бы мы, замѣчаетъ преосв. Макарій, заподозрили этого свидѣтеля, то особый *сборникъ поученій*, какъ разъ переведенный у насъ около этого времени [въ 1343 г.—1407 гг.], именно для тогдашнихъ нашихъ архіереевъ, по которому они могли бы каждое воскресенье и каждый праздникъ составлять народу проповѣди или даже прямо читать ихъ по сборнику,— удостовѣрилъ бы насъ, что тогдашніе владыки наши не всѣ въ состояніи были сами отъ себя и поучать народъ истинамъ вѣры"... При такомъ образованіи епископовъ, нечего говорить о низшемъ духовенствѣ,—объ этихъ „невѣжахъ-попахъ и дьяконахъ", на которыхъ жалуется митр. Кипріанъ, что они наполняютъ „толстые сельскіе сборники" разными баснями и суевѣрными сказаніями...

Въ области произведеній обще-моральнаго содержанія литература видимо обнаруживаетъ склонность къ компиляціи. Московскіе авторы — по преимуществу „списатели", не стѣсняясь списывающіе другъ у друга, не всегда заботясь при этомъ о внутренней связи списываемаго. Въ области проповѣди появляются болѣе или менѣе

обширные своды общеобязательныхъ христіанскихъ наставленій, — болѣе или менѣе всесторонне охватывающіе нравственную жизнь, обиходъ правовѣрнаго христіанина. Проповѣдникъ пытается свести въ одно всѣ христіанскія обязанности, въ краткихъ, немудрыхъ наставленіяхъ дать общее „руководство къ жизни"... Въ половинѣ XVI вѣка изъ этихъ сводовъ возникнетъ подробный, обстоятельный *Домострой*; теперь, въ XIV—XV вв., подготовляются къ нему лишь матеріалы... Именно съ такимъ характеромъ будущаго московскаго „Домостроя" является *Поученіе къ дѣтемъ моимъ*, приписываемое нѣкоему, извѣстному лишь по имени, епископу сарайскому Матѳею, современнику м. Алексѣя. Въ сводѣ съ особой заботливостью подчеркиваются обязанности въ отношеніи къ челяди, холопамъ и рабынямъ,—это наиболѣе существенная и живая струя свода; съ другой стороны, здѣсь нѣтъ еще особыхъ заботъ о внѣшнихъ религіозныхъ обязанностяхъ, они не выдвигаются еще на первый планъ.

Общій складъ религіозныхъ понятій однако быстро начинаетъ обнаруживать склонность къ такому внѣшнему, чисто-обрядовому христіанству,—хотя изрѣдка въ литературѣ проповѣдной, какъ мы видѣли, и раздаются голоса, свидѣтельствовавшіе, что въ лучшихъ представителяхъ общества не совсѣмъ еще изчезли болѣе широкіе взгляды на христіанскія обязанности... Въ 1455 году ростовскій архіеп. Ѳеодосій, сдѣлавшійся позднѣе митрополитомъ и вскорѣ оставившій митрополію, разрѣшилъ въ крещенскій сочельникъ [случившійся въ воскресенье], ѣсть мірянамъ мясо, а монахамъ рыбу и молоко, и самъ ѣлъ—и москов. митр. Іона съ соборомъ архіереевъ присудилъ было его за такой поступокъ лишить архіерейскаго сана! Только ходатайство великой княгини спасло архіепископа. Нѣсколько позднѣе, въ 1483 году, такое же самое разрѣшеніе далъ въ своемъ монастырѣ чудовскій архимандритъ Геннадій [черезъ два года—новгородскій архіепископъ], и моск. митро-

политъ — „посла изымати его сильно [силою], да привести, Геннадій же „къ великому князю убѣжа“ [покровительствовавшему ему], и митрополитъ—„самъ иде къ великому князю“, и князь великій выдалъ Геннадія митрополиту,—митрополитъ же его „повелѣ сковати и подъ полатою въ ледникъ посадити“.... Опять только князь великій съ бояры „выпечалова его у митрополита“. Почти одновременно съ этимъ, въ 1479—1481 гг., у самого москов. митрополита возникаетъ „распря“ съ великимъ княземъ,—о томъ, какъ слѣдуетъ ходитъ съ образами при освященіи церкви: „по солонь“ [по-солнцу], или противъ солнца. Великій князь былъ за „по-солонь“, а митрополитъ утверждалъ, что нужно ходить противъ солнца, и въ доказательство послѣдняго приводилъ между прочимъ такое соображеніе: „Христосъ, Солнце праведное, наступилъ на адъ, связалъ смерть и освободилъ души,—потому и на Пасху исходятъ, то же прообразуютъ на утрени“... Смыслъ доказательства былъ довольно теменъ,—тѣмъ не менѣе „распря“ приняла совсѣмъ не ничтожные размѣры: митрополитъ рѣшилъ уже „оставити санъ митропольскій и въ келіи жити“, если великій князь „не добьетъ челомъ и роптанія того не оставитъ, что по-солонь ходити“,—великій князь „добилъ челомъ“... При такомъ настроеніи религіозной мысли, понятны возникающіе въ Псковѣ споры объ аллилуіѣ, понятны и мучительныя колебанія автора *Житія Евфросина*,—понятны и такіе вопросы, которыми „недоумѣются“ наши книжники XV вѣка: „Ѣдучи на конѣ, пѣти ли собѣ [про себя что-нибудь духовное]?.. Богородицынъ хлѣбъ [антидоръ] возьмя [вкусивъ], мытися ли того дня? Попу своя жена благословити ли рукою?... Къ стоянію звонити ли?... По воскреснымъ днямъ въ великій постъ до вечерни ясти ли? На Воздвиженьевъ день честнаго креста мяса ясти ли?...“ [*Вопросъ священническій*]... Другіе „недоумѣются“ относительно того, что̀ будетъ съ инокомъ или инокиней на томъ свѣтѣ, „аще кто отъ инокъ или инокинь безъ

скимы преставится?“ [*Вопрошаніе благовѣрныя княгини инокини Александры*]... Соотвѣтственно запросамъ создаются и правила: „Не подобаетъ—читаемъ въ одномъ памятникѣ XУ вѣка—въ томъ дни [въ день причащенья] въ бани мытися,—вельми се Господемъ запрещено есть!.. Просфоръ не достоитъ ясти ни съ млекомъ, ни съ сыромъ, ни съ рыбами, но чинно особь да снѣдятся“... „Въ говѣнье—читаемъ въ такъ наз. *Уставѣ Георгія*—не достоитъ сидѣти нога на ногу взложивше... Чеснокъ достоитъ ясти въ Благовѣщеньевъ день и 40 мученикъ... Попъ, аще хощетъ литургисати, да не ястъ луку преже за одинъ день“... *Для неумѣющихъ грамотѣ* книжными людьми составляются „правила“, въ которыхъ дѣло душевнаго спасенія принимаетъ какой то странный ариѳметическій характеръ,—здѣсь читаемъ: „За Псалтырю молви 7000 молитвъ [такъ наз. „молитву Іисусову“]. За каѳизму—300 молитвъ. За славу—100 молитвъ. За заутреню полторы тысячи молитвъ. За часы съ межучасьемъ—полторы тысячи молитвъ; безъ межучасья—1000 молитвъ. За пефимонъ, за великій—500 молитвъ; за малый—400 молитвъ“... И все это—при подавляющемъ невѣжествѣ духовенства, главныхъ свѣточей страны, при полуязыческихъ понятіяхъ народной массы,—нерѣдко выказывающей прямое неуваженіе къ церковной святынѣ... Не можемъ не отмѣтить слѣдующихъ фактовъ. Въ 1299 году въ Новгородѣ, во время пожара, товаръ, снесенный въ церковь для безопасности—былъ весь разграбленъ, самый сторожъ въ церкви же былъ убитъ...; нѣсколько позднѣе, тамъ же и при тѣхъ же обстоятельствахъ — „убили въ церквахъ двухъ сторожей, разграбили весь товаръ и много сдѣлали пакости въ самомъ софійскомъ храмѣ“... Въ 1372 году, при взятіи Торжка, тверитяне—„иконной круты [оклады на иконахъ] сребра многа поимаша..., а святыя церкви пожжени быша“... Въ 1393 году новгородцы

„взяша градъ Устюгъ и огнемъ пожгоша, и церковь соборную разграбиша, много кузни, злата и сребра, поимаша, и иконы ободраша“... А черезъ пять лѣтъ, въ 1398 году, воеводы новгородскіе на устюжанъ „разгнѣвашася, да и церковь соборную Пречистыя пограбиша, а иконы чудотворныя Одигитріе взяша въ полонъ, и иныя многи. И песше въ насадъ поставиша, — и насадъ отъ берега не пойде, единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрусомъ, глаголя: никой полонянинъ не связанъ на чужую землю пейдетъ. И пойдоша прочь. А церковь соборную зажгоша“.... Въ 1434 году в. кн. Василій Васильевичъ „городъ Галичъ взя и церкви святыя пожже и монастыри“... Въ 1452 году моск. м. Іона пишетъ вятичамъ: „Не вѣмъ, како васъ нарещи, зоветесь именемъ христіане, а живете дѣлающе злая, горше нечестивыхъ... Церкви божіи разоряете и грабите вся церковная священная приходія, кузнь [оклады на иконахъ] и книги и колоколы и вся злая творите“... И т. д. и т. д.

Московскую литературу главнымъ образомъ создаютъ появляющіеся у насъ съ самого начала XV в. писатели-иноземцы. Главные писатели нашего XV вѣка, м. Кипріанъ († 1406), Пахомій Логофетъ († кон. XV в.), м. Фотій († 1431), м. Григорій Цамвлакъ († ок. 1420), — писатели-иноземцы, приходящіе къ намъ изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ. Желая водворить книжное ученіе въ „дикомъ воинскомъ станѣ, называвшемся тогда Москвою“, — м. Кипріанъ захватываетъ съ собой на Русь множество различныхъ церковныхъ книгъ, „необходимыхъ для практическаго употребленія въ населеніи, которое должно было обзавестись церквами, чтобы стать настоящимъ городомъ“... Какъ писатели, названные иноземцы своими воззрѣніями и литературными талантами мало поднимаются выше средняго уровня. Въ одномъ изъ своихъ посланій, болѣе другихъ содержательномъ—*къ игумену Аѳа-*

насію—Кипріанъ развиваетъ мысль о приближающейся кончинѣ міра; ту же мысль, сильно распространенную въ это время въ Византіи, неоднократно повторяетъ и Фотій...

Литературная дѣятельность м. Кипріана и Пахомія Логофета главнымъ образомъ сосредоточивается въ области житій святыхъ. Житія святыхъ, появляющіяся на сѣверо-востокѣ Россіи въ XIII—XIV вв., въ своихъ лучшихъ проявленіяхъ, какъ мы видѣли, не рѣдко еще отражаютъ живыя, мѣстныя черты,—стоятъ еще на реальной, исторической почвѣ, на первомъ планѣ ставятъ фактическое содержаніе, не обращая житіе въ церковную проповѣдь или риторическое похвальное слово. Съ нач. XV вѣка въ области русской житійной литературы быстро упрочивается совершенно иное направленіе: въ изложеніи получаютъ господство искусственные пріемы, простота замѣняется витіеватостью, напыщенностью, составители чаще всего прибѣгаютъ къ помощи общихъ мѣстъ, любимымъ стилемъ дѣлается „плетеніе словесъ"... Новое направленіе развивается подъ вліяніемъ усиливающейся у насъ около этого времени южно-славянской литературы, ближайшимъ образомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ литературной дѣятельности названныхъ южно-славянскихъ писателей м. Кипріана и Пахомія Логофета, къ которымъ тѣсно примыкаетъ даровитый туземный писатель Епифаній Премудрый († ок. 1420). Три названные автора—главные „творцы" новой русской житійной литературы, ея „первые мастера", главные основатели той литературной „школы", которая на долгое время потомъ у насъ упрочивается. *Житіе м. Петра*, составленное Кипріаномъ, впервые съ особой рѣзкостью вводитъ въ область нашихъ житій этотъ витіеватый, риторически-хвалебный стиль, такъ усиливающійся съ этого времени, быстро захватывающій и другія области нашей тогдашней письмен-

ности. Кипріанъ ясно и категорически опредѣлилъ задачи „житія“: „праведнику, говоритъ онъ, приводя церковное изреченіе—подобаетъ похвала“... Простой безыскусственный разсказъ стараго житія, еще дорожившаго историческими фактами, нерѣдко не чуждаго живыхъ, мѣстныхъ чертъ—подъ перомъ Кипріана превращается въ похвальное слово... Въ смѣшеніи житія съ церковнымъ панегирикомъ еще дальше идетъ Епифаній: свое изложеніе онъ самъ очень мѣтко характеризуетъ, называя его „плетеніемъ словесъ“. Епифаній не любилъ разсказывать просто,—одну и ту же мысль онъ повторяетъ въ нѣсколькихъ тавтологическихъ оборотахъ, иногда для характеристики святаго нанизывая по 20—25 эпитетовъ...

Главнымъ спеціалистомъ новаго стиля „житій“ явился Пахомій Логофетъ. Наиболѣе ранній трудъ его, *Житіе преп. Сергія Радонежскаго*, составленное около 1440 года—передѣлка житія, написаннаго ранѣе Епифаніемъ Премудрымъ. Второе, *Житіе м. Алексѣя*—подобная же передѣлка труда Питирима († 1445). Въ новгородскій періодъ своей жизни Пахомій составляетъ: *Житіе Варлаама Хутынскаго, Сказаніе о чудѣ Варлаама Хутынскаго житія кн. Ольги, пр. Саввы Вишерскаго, нов. архіеп. Евфимія*, котораго Пахомій еще засталъ въ живыхъ († 1458), —цѣлый рядъ различныхъ *похвальныхъ словъ, каноновъ, службъ* и т. п. Все это—или впервые обрабатывавшіяся литературно мѣстныя „житія“ и „сказанія“, или передѣлки, новыя редакціи житій, прежде существовавшихъ. Лучшее произведеніе Пахомія—*Житіе пр. Кирилла Бѣлозерскаго*, надъ которымъ Пахомій, вызванный изъ Новгорода въ „московскія страны“, работаетъ по повелѣнію московскаго князя и митрополита. Пахомій съ этой цѣлью даже ѣздилъ предварительно на Бѣлоозеро. Позднѣйшимъ трудомъ Пахомія,

предполагаютъ, было *Житіе новгород. архіеп. Моисея* († 1362). Кромѣ перечисленныхъ, Пахомію приписываются по нашимъ рукописямъ: *Житіе новгор. архіеп. Іоанна* († 1186), *Сказаніе о убіеніи кн. Михаила Тверского въ Ордѣ* и нѣкот. др.—опять или новыя редакціи или передѣлки прежде существовавшихъ... Передъ нами — не столько авторъ въ строгомъ смыслѣ, сколько „списатель", компиляторъ или редакторъ. Пахомій свободно пользуется чужими трудами, менѣе популярными, или старымъ не обработаннымъ матеріаламъ придаетъ удобную для практическаго употребленія литературную форму, — и пускаетъ въ обращеніе... Въ этомъ все литературное значеніе трудовъ Пахомія. Какъ писатель, Пахомій — исключительно стилистъ, его интересы исключительно стилистическіе. Подобно м. Кипріану и Епифанію Премудрому, онъ заботится не о фактѣ, а лишь о болѣе красивой его передачѣ. Онъ не считаетъ нужнымъ при написаніи житія изучать историческіе матеріалы,—даже прямо ихъ игноририруетъ, прибѣгая къ помощи общихъ мѣстъ. Общія мѣста —любимый пріемъ его изложенія; въ этомъ отношеніи онъ часто далеко оставляетъ за собой и Кипріана и Епифанія. Любопытно съ этой стороны сравнить *Житіе Кирилла Бѣлозерскаго*, написанное Пахоміемъ, съ трудомъ Епифанія, которымъ воспользовался Пахомій: подъ перомъ Пахомія быстро стираются и тѣ немногія черты живой дѣйствительности, которыя еще проскальзываютъ у Епифанія. Уходя въ пустыню, пр. Сергій у Епифанія оставляетъ имущество своему младшему брату,—у Пахомія раздаетъ бѣднымъ; Епифаній просто говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много звѣрей и всякаго гаду,—у Пахомія, вмѣсто звѣрей и гадовъ бѣсы, смущающіе подвижника, и т. п. По взгляду Пахомія, такъ выходило красивѣе для житія, назидательнѣе. Общія мѣста совершенно устраняютъ личные взгляды

автора, и за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, мы почти не видимъ въ сочиненіяхъ Пахомія его собственной личности. Всѣ „житія“ Пахомія—крайне бѣдны содержаніемъ и, при витіеватости изложенія, необыкновенно скудны фактическимъ матеріаломъ. *Житіе Саввы Вишерскаго* въ этомъ отношеніи особенно характерно: оно не обнаруживаетъ въ авторѣ ни-малѣйшаго желанія дать какія-либо свѣдѣнія о святомъ, о его происхожденіи, его монастырѣ, и т. п; даже время кончины не указано,—хотя родъ Бороздиныхъ, изъ котораго происходилъ святой, и тверской Саввинъ монастырь, гдѣ онъ сначала подвизался, были хорошо извѣстны въ то время. Къ тому же Пахомій былъ современникъ Саввы и писалъ житіе лишь черезъ нѣсколько лѣтъ по его смерти. Авторъ, очевидно, и не искалъ фактовъ,—не нуждался въ нихъ, считая вполнѣ возможнымъ удовлетвориться общими мѣстами въ разсказѣ. Это достаточно характеризуетъ степень историческихъ интересовъ Пахомія. Какъ писатель—онъ бѣденъ мыслями, однообразенъ, часто повторяетъ себя, не отличается широтой познаній...

И не смотря на все это—Пахомій Логофетъ вызываетъ въ нашихъ тогдашнихъ грамотѣяхъ удивленіе къ себѣ, что-то въ родѣ благоговѣнія, — является въ ихъ глазахъ мужемъ, „отъ юности совершеннымъ въ божественномъ писаніи и во всякомъ наказаніи книжномъ и въ философскомъ истинномъ ученіи“; въ знаніи „грамматикіи“ и „прочихъ философій“ Пахомій кажется имъ превзошедшимъ „всѣхъ книгочій“... Фактъ—весьма характерный. Онъ подчеркиваетъ передъ нами крайнюю бѣдность собственнаго литературнаго развитія московской Руси XIV—XV вв., крайній недостатокъ въ книжныхъ дѣятеляхъ. Въ послѣднихъ чувствуется страшная нужда!... Литературныя передѣлки и компиляціи Пахомія вызываются насущной потребностью, живо

чувствовавшейся въ это время у насъ и въ церковной практикѣ и въ читающемъ обществѣ. Составленіе *Житія Кирилла Бѣлозерскаго* поручается княземъ и митрополитомъ Пахомію — потому, что въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ, по кончинѣ чудотворца, въ его монастырѣ только не было составлено никакого его житія, но въ близкомъ будущемъ нельзя было и ожидать подобнаго труда: среди братіи не было способныхъ къ тому людей,—вслѣдствіе чего кирилло-бѣлозерскій игуменъ и съ своей стороны проситъ Пахомія написать „хоть что-нибудь“ о святомъ... Изъ *Житія Ефрема Новоторжскаго* обнаруживается, что однажды въ монастырѣ его—въ XIV вѣкѣ—не оказалось ни одного инока, умѣющаго читать. Даже въ XVI в. *службу* тому же Ефрему составляютъ „благоискусные мужи града Торжка“, торжскіе горожане,—а не иноки обители... Въ XV—XVI вв. встрѣчаемъ извѣстія, что иные основатели пустынныхъ монастырей не умѣютъ читать. Уровень образованія въ XIV — XV вв. въ средѣ русскаго монашества вообще значительно понижается, — въ ряду иноковъ все рѣже встрѣчались „искусные въ книжныхъ слогняхъ“... По десяткамъ лѣтъ, по цѣлымъ столѣтіямъ—литературные матеріалы остаются нетронутыми, въ ожиданіи людей, способныхъ къ этому. Въ обители Макарія Калязинскаго († 1483) болѣе 60 лѣтъ ждали, не возьмется-ли кто написать подробное *житіе* святаго. Извѣстія о жизни Сергія Обнорскаго († 1412) въ теченіе ста лѣтъ сохраняются въ устахъ иноковъ,—прежде чѣмъ попадаютъ въ „свитки“; затѣмъ проходятъ новыя сто лѣтъ, —пока эти свитки становятся матеріалами для его *житія*,—а братія монастыря въ теченіе этихъ 200 лѣтъ только „въ скорби и печали бяше зѣло“, что житіе остается не написаннымъ и „въ забыть пріиде многимъ“... *Житіе*

Варлаама Пинежскаго († 1462) въ теченіе 122 лѣтъ остается не написаннымъ—„простоты ради инокъ“ обители его, и т. д. и т. д. Самое *Житіе м. Алексѣя*, составленное Пахоміемъ, обнаруживаетъ фактъ, „характеризующій московскую письменность этого времени“: 70—80 лѣтъ спустя послѣ смерти знаменитаго святителя, въ Москвѣ не умѣютъ написать порядочной и вѣрной его біографіи—даже по порученію великаго князя и митрополита съ соборомъ!.. При такомъ недостаткѣ силъ, даже незначительный литературный талантъ могъ дать писателю быстрый и широкій успѣхъ,—и это мы видимъ на судьбѣ Пахомія Логофета...

Какъ писатель, и м. Фотій († 1431) не только не обнаруживаетъ какой либо особой самостоятельности, напротивъ, отличается рабскимъ подражаніемъ византійскимъ образцамъ, и хорошимъ и дурнымъ, одинаково слѣдуя и тѣмъ и другимъ. Отсюда такое различіе въ его сочиненіяхъ, крайнее несходство ихъ литературнаго характера: ихъ достоинства и недостатки—достоинства и недостатки тѣхъ византійскихъ оригиналовъ, которыми пользуется „списатель“... Передъ нами, впрочемъ—человѣкъ образованный, хорошо знакомый съ книжностью, но необладающій никакимъ литературнымъ талантомъ!.. „Сочиненія Фотія лишены силы и жизни, вялы и скучны“; къ тому же и „составлялись наскоро“, мало обработаны. „Бóльшая часть изъ нихъ скудны содержаніемъ. Мысли изложены въ нихъ крайне растянуто и многорѣчиво, часто безъ связи и послѣдовательности; авторъ нерѣдко повторяется, и въ одномъ и томъ же, и въ разныхъ своихъ писаніяхъ“... Самый слогъ сочиненій—„какой-то странный и неправильный, представляетъ не мало словъ, а еще болѣе сочетаній словъ, въ которыхъ трудно добиться смысла“...

Гораздо выше Фотія — Григорій Цамблакъ, писатель въ духѣ позднѣйшаго византійскаго витійства.

„Стремленія къ витіеватости, сравненія, противоположенія, метафоры, вообще тропы и фигуры у него на каждомъ шагу. Иногда эта витіеватая рѣчь отзывается искусственностью, напыщенностью, но нерѣдко она согрѣта теплымъ чувствомъ и проникнута сильною мыслью и одушевленіемъ“... Содержаніе „словъ“ и „поученій“, впрочемъ — чаще всего или догматическое или историческое; собственно „поученій“, нравственныхъ наставленій слушателямъ, почти нѣтъ. Но вообще, своимъ общимъ характеромъ, и сочиненія Григорія Цамвлака представляютъ ту же компиляторскую зависимость отъ образцовъ, туже схоластическую отрѣшенность отъ жизни, отсутствіе какихъ-либо точекъ соприкосновенія съ нею, какъ и сочиненія Фотія,—отличаются крайней сухостью, схоластической отвлеченностью, догматизмомъ...

Трудамъ иноземцевъ въ значительной степени обязана была своимъ расширеніемъ и московская исторіографія XV в. При ближайшемъ участіи Фотія, какъ московскаго митрополита, возникаетъ наиболѣе ранній общерусскій лѣтописный сводъ, весьма важный историческій трудъ, недавно открытый академ. Шахматовымъ—*Владимирскій Полихронъ* 1423 года, трудъ, замѣчательный не только по обширности и разнообразію матеріаловъ, но и по той руководящей идеѣ, которая положена въ основаніе,—идеѣ единства русской земли. Составителемъ свода руководитъ „одна общая идея, общій замыселъ—представить лѣтопись всей Руси, объять, насколько возможно, историческіе памятники, разъясняющіе прошлое всей Россіи,—не брезгуя даже произведеніями народной словесности“... Источниками „Полихрона“, помимо ряда мѣстныхъ лѣтописей, болѣе или менѣе обширныхъ предшествовавшихъ лѣтописныхъ сводовъ, цѣлаго рядъ отдѣльныхъ историческихъ повѣстей и сказаній, юридическихъ актовъ, различныхъ памятниковъ древнерусской письменности—служатъ отрывки народныхъ сказаній.

„Историческія былины и пѣсни, проникшія въ позднѣйшіе московскіе своды, могутъ быть открыты, замѣчаетъ изслѣдователь, уже въ „Полихронѣ“... Акад. Шахматовъ указываетъ на внутреннюю связь этого памятника съ политическою жизнью Москвы: *Владимирскій Полихронъ* „свидѣтельствуетъ объ общерусскихъ интересахъ, объ единствѣ земли русской—въ такую эпоху, когда эти понятія едва только возникали въ политическихъ мечтахъ московскихъ правителей“... Замѣчательно, говоритъ онъ—такіе своды появляются въ Москвѣ „задолго до пріобрѣтенія этимъ городомъ общерусскаго политическаго значенія“.

По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ—Пахомію Логофету принадлежитъ появляющійся у насъ около этого времени *Хронографъ,* „первый русскій трудъ по всеобщей исторіи“, особаго рода историческая компиляція, гдѣ историческое міровоззрѣніе хотя и остается на старой компилятивной почвѣ лѣтописныхъ сводовъ XIV—XVI вв., но чисто фактическій матеріалъ значительно расширяется, получаетъ энциклопедическій характеръ,—къ тому же и съ внѣшней стороны, въ изложеніи, пріобрѣтаетъ видъ болѣе стройнаго цѣлаго... Въ послѣднее время было высказано мнѣніе, что едва ли не тому же Пахомію принадлежитъ и первоначальная редакція *Степенной Книги,*— а также составленіе извѣстнаго *Сказанія о великихъ князьяхъ владимирскихъ,* которое, повидимому, стоитъ въ ближайшей связи съ наиболѣе ранней редакціей „Степенной Книги“.

Нельзя не замѣтить въ московской литературѣ XV вѣка весьма замѣтной политической струи: разумѣемъ церковно-политическія посланія нашихъ іерарховъ XV в. и другія произведенія тогдашней письменности, затрогивавшія важнѣйшій вопросъ времени—объединеніе и упроченіе Московскаго государства. Политическое единство Руси создается при самомъ энергичномъ содѣйствіи духовенства. Одновре-

менно съ увѣщательными грамотами къ удѣльнымъ князьямъ, не покорявшимся московскому князю, враждебнымъ ему— разсылаются *грамоты* и *посланія* по областямъ къ населенію, къ народу, — съ убѣжденіями признавать и чтить лишь власть московскаго князя, какъ „самодержца“ русской земли, и разрѣшеніями отъ клятвенныхъ обязательствъ къ князьямъ удѣльнымъ... Рядомъ съ полуоффиціальными грамотами и посланіями,—начиная съ момента Флорентійской уніи и паденія Константинополя, передъ нами цѣлый рядъ написанныхъ по различнымъ поводамъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, которыя все настойчивѣе выражаютъ идею совершившагося политическаго роста Москвы, быстраго усиленія ея религіозной и политической роли,—въ основѣ которыхъ лежитъ прославленіе новаго, почти уже возникшаго теперь „твердаго и честнаго и крѣпкаго царства“, „Русійской земли“, которая „божіею милостью и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ, растетъ, младѣетъ и возвышается“... Появляется цѣлый рядъ произведеній, доказывающихъ теорію: „Москва — третій Римъ“. Въ составленномъ митр. З о с и м о й (1490 — 1494) *Извѣщеніи о пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ* едва ли не впервые указывается непосредственная преемственность Москвы послѣ Царьграда, высказывается мысль о замѣнѣ „новаго града Константина“ [Царяграда]—новымъ градомъ, „третьимъ Римомъ“, Москвой... Въ повѣсти *О взятіи Царяграда* — вполнѣ опредѣленно указывается эта политическая роль, выпадающая Москвѣ, „Русійской землѣ“, съ паденіемъ Царяграда, прежняго хранителя православія: „Вся благочестивая царствія, греческое и сербское... и инія мнози... божіимъ попущеніемъ безбожніи турци поплѣниша и въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Н а ш а ж е Р у с і й с к а я з е м л я, божіею милостью и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ

чудотворецъ—растетъ, младѣетъ и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка!"... *Посланія* нѣкоего Филофея, старца псковскаго монастыря, написанныя въ нач. XVI в., даютъ окончательную формулу сложившимся къ этому времени въ обществѣ новымъ политическимъ взглядамъ: „Вся христіанскія царства—пишетъ псковскій старецъ—преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, то есть Россійское царство... Два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти"... „Да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, обращается Филофей къ великому князю московскому — яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебесней христіаномъ царь"...

Возникаетъ рядъ сказаній о томъ, какъ величайшія святыни, бывшія ранѣе въ Римѣ или Константинополѣ—теперь сами собой, „божьими судьбами", переходятъ въ Москву. Переходъ святынь долженъ былъ наглядно говорить современникамъ о религіозной и политической преемственности новаго „третьяго Рима", — послѣ того, какъ пали „первый" Римъ и „второй"... *Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ* разсказываетъ, какъ бѣлый клобукъ—нѣкогда принадлежавшій римскимъ папамъ — когда послѣдніе впали въ „аполлинаріеву ересь, опрѣсночное служеніе", былъ отправленъ изъ Рима, по повелѣнію ангела, въ Константинополь, а отсюда, по новому ангельскому указанію, на Русь, въ Новгородъ,—дабы „въ семъ градѣ (Константинополѣ) не завладѣли этою святынею агарянстіи внуци и поганіи и не поругались ей"... И далѣе поясняется: „Якоже бо отъ Рима благодать и слава и честь православія отъяся, —тако и отъ царствующаго сего града (Константинополя) благодать св. Духа отъимется въ плѣненіе агарянское,—и

вся святыня предана будетъ отъ Бога велицѣй Рустѣй земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многими языки“... Въ этихъ словахъ—основная идея повѣсти, возвеличеніе Московской Руси, ея церковнаго и политическао авторитета. „Эмблема высшей церковной власти — бѣлый клобукъ—передвигается изъ Рима и Константинополя въ Русскую землю“. Та же идея возвеличенія русской земли передъ Царьградомъ и въ основѣ *Сказанія о Тихвинской иконѣ Богоматери,* первоначально составленной въ Новгородѣ.

Любопытно, великая святыня — бѣлый клобукъ—сначала достается новгородскимъ митрополитамъ и лишь потомъ, отъ нихъ, переходитъ въ Москву: повѣсть, очевидно, въ своихъ первыхъ редакціяхъ принадлежала къ циклу новгородскихъ сказаній,—какъ и *Повѣсть о Тихвинской иконѣ.* Фактъ въ высшей степени характерный. И въ сферѣ литературной Москва придерживалась, очевидно, тѣхъ же пріемовъ, какимъ слѣдовала въ политикѣ, — пріемамъ осторожной постепенности, незамѣтнаго усвоенія себѣ чужихъ, мѣстныхъ матеріаловъ. Вмѣстѣ съ удѣлами, Москва цѣликомъ переноситъ къ себѣ и ихъ литературныя достоянія, слегка лишь подмалевывая „на свой образецъ“... Этого рода литературные подлоги, конечно, чаще всего совершались сами собой,—какъ иногда своею волею отдавались Москвѣ и цѣлые удѣлы.

Послѣ куликовской битвы — идея политическаго возвеличенія Москвы, „третьяго Рима“, находитъ для себя широкую нравственную основу въ ростѣ національнаго самосознанія, въ страстномъ стремленіи свергнуть постыдное иго. Быстро развивавшееся сознаніе политическаго могущества къ концу XV вѣка уже вполнѣ опредѣленно высказывается

лучшими людьми времени еще до фактическаго свержения татарскаго ига: съ этимъ игомъ уже не въ силахъ примириться русское чувство. Рост. архіеп. Вассіанъ († 1481) въ *Посланіи на Угру* къ великому князю московскому, называя великаго князя „во благочестіи всея вселенныя въ конци возсіявшимъ“, „во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ, преславнымъ государемъ“, — съ негодованіемъ отвергаетъ всякую мысль о какомъ - либо подчиненіи московскаго царства хану: „Который убо пророкъ пророчествовалъ, или апостолъ который или святитель научи, сему богостудному и скверному, самому называющуся царю, повиноватися тебѣ, великому русьскыхъ странъ хрестьянскому царю?“—восклицаетъ архіепископъ. Посягательства татарскаго хана на титулъ царя авторъ посланія считаетъ совершенно незаконными: татарскій ханъ „ни царь сый, ни отъ рода царьска“... Другое дѣло—православный царь: „Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утвержденный владыка, и сынамъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ во вѣки!“—заканчиваетъ архіепископъ свое посланіе.

Такъ—частью въ силу внѣшнихъ чрезвычайныхъ событій, частью вслѣдствіе естественно развивавшагося стремленія къ государственной организаціи—постепенно и національныя надежды лучшихъ людей и самые литературные памятники стали сосредоточиваться около Москвы...

Эта сторона московской литературы XV ст. въ значительной степени была поддержана вліяніями, шедшими отъ тѣхъ же писателей-иноземцевъ. Въ дѣятельности заходившихъ къ намъ въ это время болгаръ, сербовъ, помимо грековъ— позднѣйшіе изслѣдователи указываютъ, рядомъ съ стороной чисто литературной, сторону политическую. „Захожіе болгары и сербы, говоритъ изслѣдователь, являлись къ намъ

съ запасомъ литературной образованности, они цѣнились какъ книжные люди, искусные въ плетеніи словесъ; но литературнымъ вліяніемъ не ограничивалось значеніе этихъ представителей югославянской учености. М. Кипріанъ былъ не литературнымъ только, но и государственнымъ дѣятелемъ. Ему приходилось считаться съ задачами и стремленіями московскаго правительства, съ вопросами, выдвигавшимися движеніемъ русской государственной жизни. Отвѣты, которые могъ давать на эти вопросы ученый болгаринъ, опредѣлялись, конечно, кругомъ тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя были въ ходу на его далекой родинѣ, которыя сложились подъ вліяніемъ исторіи балканскихъ государствъ"... При м. Кипріанѣ между прочимъ впервые отмѣняется у насъ поминаніе византійскихъ императоровъ; въ Кипріаново *Житіе м. Петра* впервые заносится пророчество о Москвѣ,—„открывавшее передъ потомками Калиты величественную картину: „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и взыдутъ руцѣ его на плеща врагъ его!"... Вполнѣ опредѣленный политическій оттѣнокъ имѣли и сочиненія Пахомія Логофета. Предполагаютъ, едва ли не этому писателю принадлежитъ написанное по поводу избранія м. Феодосія († 1461) *Слово избрано отъ св. писаній, еже на латыню*: здѣсь при имени в. кн. Василья Васильевича слишкомъ часто эпитетами являются слова: „царь", „боговѣнчанный царь", — титулы, еще мало обычные для русскаго писателя; признать за русскимъ великимъ княземъ право на этотъ титулъ авторъ заставляетъ самого греческаго царя, который торжественно заявляетъ объ этомъ восточнымъ и западнымъ іерархамъ... Вообще въ *Словѣ* уже вполнѣ ясно указывается политическая роль московскаго князя и московскаго царства среди другихъ удѣльныхъ княжествъ.

Какъ и прежде, весьма важными центрами книжной дѣятельности за этотъ періодъ являются монастыри, осо-

бенно нѣкоторые, наиболѣе богатые, владѣвшіе большими библіотеками,—какъ Троицко-Сергіевскій близь Москвы и Кирилло-Бѣлозерскій на сѣверѣ, основанные знаменитыми подвижниками Сергіемъ Радонежскимъ († 1397) и Кирилломъ Бѣлозерскимъ († 1427). Въ русской литературѣ XIV—XV вв. иноки вообще занимаютъ едва ли не еще болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ періодъ предшествовавшій. XIV-е столѣтіе и начало XV-го—время наиболѣе сильнаго развитія въ древней Руси аскетическихъ идеаловъ; въ продолженіе этихъ двухъ столѣтій количество монастырей быстро увеличивается. Это было время, когда одна церковь удовлетворяла духовнымъ стремленіямъ человѣка, одна она отвѣчала на вопросы ума, на потребности сердца... Монастыри становятся во главѣ общественной жизни, являются нерѣдко главными умственными центрами страны,—здѣсь сильнѣе всего отражаются теченія въ сферѣ ея духовной жизни...

Къ концу XV—нач. XVI вв. борьба общественныхъ мнѣній, насколько она выражается въ литературныхъ памятникахъ, сосредоточивается исключительно въ средѣ современныхъ иноковъ: показателями общественныхъ настроеній, съ одной стороны, выступаютъ „проклятые осифляне", которые очень скоро и берутъ перевѣсъ, съ другой—„бѣлозерскіе старцы". Въ русской монастырской средѣ мы видимъ въ это время чрезвычайно характерное столкновеніе религіозныхъ идеаловъ—въ лицѣ такихъ представителей тогдашней литературы, какъ новгор. архіеп. Геннадій [† 1505], Іосифъ Волоцкій [† 1515] съ „проклятыми осифлянами", съ одной стороны,—Нилъ Сорскій [† 1508], Вассіанъ Патрикѣевъ [† ок. 1531 г.] съ „бѣлозерскими старцами", съ другой. Наиболѣе типичными показателями умственной жизни страны, двухъ боровшихся въ ней въ это время теченій, являются, съ одной стороны, *посланія объ эпитемьяхъ* Іосифа Волоцкаго, съ другой—*Преданіе ученикомъ* Нила Сорскаго...

Іосифъ Волоколамскій—типичный представитель общаго большинства русскихъ книжныхъ людей XIV—XV вв. Названныя сейчасъ его *посланія объ эпитимьяхъ* ярко рисуютъ современное направленіе религіозныхъ интересовъ тогдашней книжной среды... „Что ми, господине, прислалъ свою грамоту—пишетъ Іосифъ въ одномъ изъ этихъ посланій—а велѣлъ ми еси къ себѣ отписати, какъ поститися, какъ молитися, какъ милостыню творити, да какъ которой святынѣ коснутися въ міру живущимъ. Ино, господине, поститися такъ. Держати въ недѣли три дни: понедѣльникъ, среду, пятокъ—ясти сухоядѣніе, хлѣбъ или калачъ, съ водою или квасомъ; аще ли се невозможно, ино едино вареніе или два нужа ради, безъ масла... А дванадесятъ дней послѣ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля по Велицѣ дни, недѣля по Троицынѣ дни—на все разрѣшати, и въ понедѣльникъ и въ среду и пятокъ, и на мясо и на сыры, и на вино, а по нашему обычаю на медъ... А молитися, господине, поклоны класти по 300 на день, а не мочно по 300 на день, класти ино по 200, а ино будетъ не мочно—класти по 100 поклоновъ на день; да по 4 кафизмы Псалтыри на день, кромѣ кануна, да бречи о церковномъ пѣніи (о службѣ). А не класти поклоновъ—во всѣ субботы и въ недѣли и въ праздники владычни и евангельскіе и славословные, да отъ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля фарисѣева, да недѣля сыропустная, да отъ Велика дни до Петрова заговѣнія. Да коли не будутъ поклоны, ино приложити къ тѣма кафизмамъ 600 молитвъ или 400. А въ который день постной не можно будетъ поститися или молитися, какъ здѣ писано—ино дать милостыня по силѣ за тотъ день..., хотя мало по гривнѣ на день за тотъ день, а опроче того давати милостыня по силѣ. Занежъ, господине, то вашъ путь, тѣмъ и спастися. А коли, господине, не въ постный

день не мощно ти будетъ правила отправити—ино давати милостыня въ полы того"... „А въ великій постъ на первой недѣли—читаемъ въ другомъ посланіи—сухо ясти, хлѣбъ и калачъ, и зелее суроео, капуста, расолъ, квасъ, во всѣ пять день. Такожъ въ понедѣльникъ и среду и пятокъ и во всю четыредесятницу. А во вторникъ и четвергъ вареніе съ масломъ и съ медомъ преснымъ. А въ субботы и недѣли—и икра и потрохи. А на обрѣтеніе главы Предтечевы и на 40 мучениковъ и на Благовѣщеніе и въ цвѣтную недѣлю—рыба; а великій четвергъ—съ масломъ, и икра и потрохи. А въ пятьдесятницу, въ среду и пятокъ—ясти рыба и икра и потрохи. А въ прочіе три посты, вторники и четверги—и вариво съ масломъ и съ медомъ преснымъ, а за нужу и рыба ясти, укоряя себѣ, яко нетерпѣлива сущи. Аще ли особное правило не успѣеши исправити—ино въ иной день исправити, или милостыня по силѣ за то дати. Аще ли день случится покоенъ, ино и на иной день впередъ правила запасти льзя"... „А отъ Рождества Христова и до Крещенья, да отъ Велика дни до Петрова заговѣнина—читаемъ въ третьемъ посланіи—и въ суботу и въ недѣли и на владычни праздники поклоновъ большихъ въ землю не класти, опричъ великіе суботы,—занежъ та субота постная... А кто не постится въ среду и пятокъ, таковый равенъ есть іюдеомъ, которые Христа распяша... А урокъ опитемьи на колико лѣтъ по разсужденію, каковъ будетъ грѣхъ учинился. Меньшому грѣху опитемья годъ единъ, а иному два, иному три, а иному четыре, а инѣмъ пять, а инѣмъ шесть, а великымъ грѣхомъ тяжкимъ 15 и болѣе, а инымъ 12, а инымъ 3. Который грѣхъ меньши, ино тому и опитемья меньши. А кто держитъ опитемью крѣпко, да ещо и милостыню даетъ, ино отцы духовные опитемью тому убавливаютъ. А кто пострижется въ черицы,

ино тому съ тѣхъ мѣстъ впередъ опитемьи нѣтъ“...

Нилъ Сорскій и „бѣлозерскіе старцы“ стоятъ на почвѣ совершенно другой. Внѣшне-обрядовой религіозности, искусственнымъ пріемамъ монашескаго аскетизма—они противопоставляютъ евангельскіе принципы „духа и истины“, требованія „умнаго“, духовнаго, самосовершенствованія Обстоятельнымъ росписаніямъ, „какъ поститися, какъ молитися, какъ милостыню творити, да какъ которой святынѣ коснутися“—предпочитаютъ заботы о томъ, „еже воздвигнути въ ближнихъ совѣсть къ любви божіей“, стараются указать средство спастись—„воздвизаяй совѣсть къ лучшему“... Иночество должно быть, по взгляду Нила Сорскаго, не тѣлеснымъ, но духовнымъ; почва монашескихъ подвиговъ—не плоть, но мысль и сердце. Нилъ Сорскій врагъ всякой внѣшности,—считаетъ излишнимъ имѣть въ храмахъ дорогіе сосуды, золотые или серебрянные, украшать церкви; чѣмъ жертвовать на церкви, лучше раздать нищимъ... Крайней религіозной нетерпимости, которая все сильнѣе обнаруживается теперь въ церковно оффиціальной сферѣ, Нилъ Сорскій противополагаетъ бо́льшую личную свободу, бо́льшее уваженіе къ личному мнѣнію, —хотя рѣзко, возстаетъ противъ монаховъ-„самочинниковъ“, „самопретыкателей“, противъ иноковъ, „кружающихся стяжаній ради“... Личная воля инока—а равно и каждаго человѣка—по взглядамъ Нила Сорскаго, должна подчиняться лишь одному авторитету—„божественнымъ писаніямъ“. Но и здѣсь у Нила Сорскаго коренное и весьма характерное различіе отъ господствовавшихъ взглядовъ: онъ впервые выдвигаетъ мысль о критическомъ отношеніи къ массѣ письменнаго матеріала. „Писанія — многа, говоритъ онъ, но не вся суть божественна“... Эта мысль о критикѣ „писаній“ была особенно необычной для современныхъ Нилу русскихъ книжныхъ людей,—по взгляду которыхъ, даже лучшихъ изъ

нихъ, и книги св. Писанія въ строгомъ смыслѣ, и творенія отцовъ церкви, и житія святыхъ, и патерики, и правила апостоловъ и соборовъ и толкованія на эти правила, и добавленія къ самымъ толкованіямъ, явившіяся впослѣдствіи, наконецъ, даже и разнаго рода „градстіи законы", т. е. указы и распоряженія византійскихъ императоровъ, и т. д. и т. д. — все одинаково казалось важнымъ, авторитетнымъ, неприкосновеннымъ, одинаково носило названіе „божественныхъ писаній". Іосифъ Волоцкій, ученѣйшій московскій книжникъ своего времени, прямо напримѣръ доказываетъ, что упомянутые „градстіи законы" — „подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ", а *Пандекты* (сборники) Никона Черногорца—простого греческаго монаха XI вѣка—смѣло называетъ „боговдохновенными писаніями"... Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны труды Нила Сорскаго по списыванію книгъ. Списываніе это не было для него простой перепиской: Нилъ Сорскій подвергаетъ списываемый матеріалъ тщательной критикѣ, — списываетъ „съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правый", дѣлаетъ сводъ наиболѣе вѣрнаго. Сличая списки и находя въ нихъ „многа неисправленна"—онъ старается исправить, „елико возможно его худому разуму". Въ случаѣ, если иное мѣсто ему кажется „неправымъ", а исправить не по чему, — онъ оставляетъ въ рукописи пробѣлъ, съ замѣткой на поляхъ: „Отъ здѣ въ спискахъ не право", или: „Аще что въ иномъ переводѣ обрящется извѣстнѣйше сего [правильнѣе], тамо да чтется", — и оставляетъ такъ пустыми иногда цѣлыя страницы. Вообще онъ списываетъ только то, что́ „по возможному, согласно разуму и истинѣ"... Все это, конечно, не могло пройти ему даромъ. Со стороны Іосифа Волоцкаго раздаются укоры и самому Нилу Сорскому и его ученикамъ,—что „Нилъ и ученикъ его Васьянъ [Патрикѣевъ] похулиша въ русской землѣ чудотворцевъ", и тѣхъ, „иже въ древняя лѣта и въ

тамошнихъ [иностранныхъ] земляхъ чудотворцевъ,—чудесѣмъ ихъ не вѣроваша, и отъ писаній изметаша чудеса ихъ“... И Вассіанъ Патрикѣевъ долженъ былъ защищаться: „Сіе, Іосифе, лжеши на мя и на моего старца Нила, писалъ онъ въ своемъ отвѣтномъ посланіи Іосифу—что мы хулимъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ. Чудесъ ихъ изъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, а наипаче исправилъ съ иныхъ, съ правыхъ списковъ“...

Стремясь къ евангельскому идеалу, „бѣлозерскіе старцы“ не скрываютъ своего осужденія тѣмъ „нестроеніямъ“, которыя они видѣли въ большинствѣ современнаго русскаго монашества. Паисій Ярославовъ тщетно пытается обратить подчиненныхъ ему иноковъ „на божій путь, молитву, постъ, воздержаніе“...,—и молча протестуетъ, оставляя игуменство, уходя изъ монастыря. Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ вооружаются противъ монастырской деморализаціи открыто. „Нѣкогда святое житіе иноческое—нынѣ мерзко бысть“, пишетъ Нилъ. „Отягчаются вся грады и веси отъ лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ всуе. Смущаются вси домувладыки—видяще тѣхъ прошаковъ безстудно у дверей своихъ пребывающихъ“... Вассіанъ Патрикѣевъ съ еще бо́льшей рѣзкостью обличаетъ „презлыхъ осифлянъ“, — которые „не токмо яко мірстіи человѣцы живутъ, но и горше того“...

„Бѣлозерскіе старцы“, и во главѣ ихъ Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ—выступаютъ энергичными противниками монастырскихъ имуществъ, горячими поборниками первобытной иноческой нищеты. Всякую собственность они считаютъ рѣшительно несовмѣстимой съ стремленіями „инока“: инокъ отрекся отъ міра и „яже въ немъ“; какъ же послѣ этого онъ можетъ тратить время на заботы о мірскихъ имуществахъ, земляхъ, богатствахъ?.. Иноки должны питаться только своими трудами, — даже подаянія могутъ принимать лишь въ край-

нихъ случаяхъ; они не должны „не точію не имѣти имѣнія, но ни желати то стяжавати“... Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ для того времени имѣлъ животрепещущее значеніе, и отрицательное отношеніе къ нему „старцевъ“ естественно не могло не быть одною изъ главныхъ причинъ враждебности къ „старцамъ“ такихъ людей, какъ Іосифъ Волоцкій, а равно, съ другой стороны, открытой вражды „старцевъ“ къ „презлымъ осифлянамъ“,—причиной, „почему Кирилова монастыря старцы Іосифовыхъ старцевъ не любили“. По отзыву современника, то была межъ нихъ „первая нелюбка“... [*Посланіе о нелюбкахъ*,—„почему Кириллова монастыря старцы Іосифовыхъ старцовъ не любятъ, съ коихъ мѣстъ нелюбка межъ ихъ“]...

Вмѣстѣ съ проповѣдью идеальной иноческой нестяжательности,—„бѣлозерскіе старцы“ выступили проповѣдниками бо́льшей религіозной терпимости. Это болѣе снисходительное отношеніе къ „еретикамъ“ было, по отзыву сейчасъ упомянутаго современника, новой причиной вражды къ „старцамъ“ „осифлянъ“,—новой „межъ нихъ нелюбкой“... „Старцы“ здѣсь столь же рѣзко расходились съ господствовавшими взглядами, какъ и въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. Даже лучшіе представители духовенства, какъ нов. арх. Геннадій—думаютъ, что надъ еретиками нужно „токмо того для учинити соборъ, что ихъ [еретиковъ] казнити, жечи да вѣшати“.. Іосифъ Волоцкій доказываетъ въ особомъ *посланіи*, что еретика, отступника подобаетъ „не токмо осуждати, но и проклинати..., и въ заточеніе посылати и казнямъ лютымъ предавати,—а всѣмъ, Христа любящимъ, подобаетъ всяко тщаніе и подвигъ и богомудростная коварства (!) показати, еже крыющаяся еретики испытовати и искати и истязати“...; что вообще „еретика или грѣшника рукама убити или молитвою [подвергнуть тѣлесной, гражданской казни или духовной,

церковной]—едино есть“.. Бѣлозерскіе старцы выступили рѣшительными противниками такого суроваго взгляда, и въ особомъ *посланіи,* стоя на почвѣ евангельскаго всепрощенія—по пунктамъ разбиваютъ доводы Іосифа. „Намъ—пишутъ они—въ новѣй благодати яви Христосъ любовный союзъ, еже не осуждати брату, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая; рече: не судите, не осуждени будете... Разумѣй бо разбойника исповѣданіемъ спасена, и мытаря милостію очищена, и блудницу плачющуся предъ нимъ прощену и дщерію ее Владыка прозва... Павелъ апостолъ Елиму волхва молитвою ослѣпи, понеже искаше Антипата развратити отъ вѣры,—а самъ ап. Павелъ писа: азъ быхъ былъ анафема отъ Христа моего, сирѣчь проклятъ, токмо братія моя спасайся, израильтяне. Видиши ли, господине, душу свою полагаетъ за соблазнившуюся братію, дабы спастися, а не реклъ имъ, дабы ихъ огнь пожегъ или земля пожерла,—а могли отъ Бога сія вся пріяти. А Левъ, господине, Катанскій епископъ, Леодора волхва патрахилью связа и сожже, и другаго волхва Исидора такожде молитвою сожже при грестѣмъ цари,—и ты, господине Іосифе, почто не испытаешь своей святости, не связа Касьяна архимандрита своею мантіею? донели же бы онъ згорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ связана,—и мы бы тя, яко единого отъ трехъ отрокъ, изъ пламени изшедша пріяли.. Поразумѣй, господине Іосифе, яко много разньство промежъ Моисея и Иліи и Петра апостола и Павла,—да и те отъ нихъ“...

Идеи „бѣлозерскихъ старцевъ“, повидимому, едва ли не имѣли одно время и нѣкоторыхъ практическихъ послѣдствій. На соборѣ 1503 года Паисій Ярославовъ вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ явились открытыми противниками монастырскихъ имуществъ. Предполагаютъ, что на авторитетъ знаменитыхъ старцевъ болѣе всего разсчитывалъ опереться Иванъ III въ своей борьбѣ съ вотчинными правами монашества. Оба старца, Нилъ Сорскій и Паисій Ярославовъ при-

сутствуютъ и на соборѣ 1490 года, разбиравшемъ дѣло еретиковъ,—и это присутствіе едва ли также не вліяетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на соборное постановленіе. Приговоръ этого собора далъ совсѣмъ не то, чего ожидали. Наканунѣ соборныхъ засѣданій Геннадій пишетъ собравшимся въ Москву іерархамъ: „Вамъ, своей братіи, пишу. Митрополитъ бы съ вами, моею братіею, тѣхъ всѣхъ еретиковъ проклялъ, да и тѣхъ, къ кому они приходили въ соглашеніе, или кто по нихъ руку держалъ, или кто о нихъ печальникъ, или кто нибудь послѣдовалъ ихъ прелести,—тѣхъ бы всѣхъ отецъ митрополитъ да и вы, наша братія, проклятью предали. Да бы о вѣрѣ никакихъ рѣчей съ ними не плодили,—токмо того для учинити соборъ, что ихъ казнити, жечи да вѣшати .. Да пытали бы на нихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили... Да не плошитеся: станьте крѣпко“... Этотъ взглядъ вполнѣ раздѣлялся и большинствомъ,—за исключеніемъ м. Зосимы: по сохранившемуся извѣстію, на соборѣ всѣ іерархи „стали крѣпко“ и единогласно заявили, что „вся (всѣхъ еретиковъ) сожещи достоитъ“... По упомянутому извѣстію, противъ мнѣнія „всѣхъ“ возсталъ лишь митрополитъ Зосима: „Егда вси (архіепископы и епископы) рѣша, яко вся сожещи достоитъ,—егда же дойде до Зосимы митрополита, той рече: достоитъ я проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу; занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію“... Соборнымъ приговоромъ, так. образ., явилось именно это—судя по извѣстію—мнѣніе митрополита. Соборъ проклинаетъ двухъ-трехъ поповъ-еретиковъ, лишаетъ ихъ сана, отсылаетъ обратно къ Геннадію; о тѣхъ же, „къ кому они приходили въ соглашеніе“ или „кто по нихъ руку держалъ“, или о томъ, что кого-либо „сожещи достоитъ“—ни слова. Какъ произошелъ такой неожиданный поворотъ?... Неужели м. Зосима одинъ, безъ сторонниковъ, могъ такъ рѣзко воспротивиться голосу всего собора и пересилить его?...

Едва ли мнѣніе митрополита не было поддержано и нашими старцами? И не потому ли Іосифъ Волоцкій съ такой готовностью заподозривалъ и Нила Сорскаго и его учениковъ въ ереси?...

Замѣчательнымъ памятникомъ нашей литературы конца XV вѣка является *Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ*,—тѣсно связанная съ возникшими „нелюбками“ въ средѣ тогдашняго русскаго монашества и вышедшая изъ среды тѣхъ же „бѣлозерскихъ старцевъ“, приписываемая нѣкоторыми даже тому же ученику Нила Сорскаго, Вассіану Патрикѣеву. Произведеніе крайне спутанное, весьма неискусное по внѣшнему изложенію,—но касается уже новыхъ и еще болѣе существенныхъ сторонъ общественности. Главная мысль автора, къ которой онъ постоянно возвращается, которую много разъ повторяетъ, это— монастыри не должны владѣть вотчинами: „Вотчинъ и волостей со крестьяны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати; то́ есть инокомъ душевредно—мірскими суетами мястися... Отнюдь то́ инокамъ ненадобно и непотребно и не подобаетъ, всего того отреклися иноки... То́ есть царское небреженіе и простота несказанная, а иноческая безконечная погибель—волости владѣти и міръ судити и отъ инокъ по хрестьяномъ приставомъ ѣздити и на поруки ихъ давати и пьянству во инокахъ быти и мірскими слезами кормитися,— волости со христіаны отрекшимся инокомъ владѣти. И не достоитъ иноку... ѣздити съ вершники, аки воину на брань; подобаетъ инокомъ вооружатися противъ сѣтей вражіихъ“... Въ монастырскихъ вотчинахъ авторъ видитъ главную причину паденія современнаго монашества; онъ укоряетъ иноковъ въ корыстолюбіи, роскоши,—даже въ поддѣлкѣ письменныхъ свидѣтельствъ. „Сего цари не вѣдаютъ—говоритъ авторъ—и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ, по дьявольскому наносному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ и

выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе, и на то же мѣсто, въ тѣ жъ книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ,—носятъ на соборы во свидѣтельство, будто се подлинное святыхъ отецъ писаніе"... Авторъ обвиняетъ „царей", раздающихъ инокамъ „свои царскія вотчины, грады и села и волости съ христіаны": всѣмъ этимъ цари „спроста, простотою своею", отвращаетъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ иноковъ въ великую и безконечную погибель... Цари, которые раздаютъ инокамъ города и вотчины—иронически замѣчаетъ авторъ—недостойны носить и титулъ самодержцевъ: „понеже съ пособники царство и міръ воздержатъ, а не собою... Съ мертвецы бесѣдуетъ таковый царь. Лучше степень и жезлъ и царскій вѣнецъ съ себѣ отдати и не имѣти царскаго имени на себѣ и престола царства своего подъ собою—нежели иноковъ мірскими суеты отъ душевнаго спасенія отвращати". Отъ иночества авторъ переходитъ къ изложенію общихъ взглядовъ на царскую власть. „Мнози глаголютъ въ мірѣ—замѣчаетъ онъ—яко самовольна человѣка сотворилъ есть Богъ на сесь свѣтъ". Авторъ возражаетъ на это: „Аще-бы самовласна человѣка сотворилъ Богъ на сесь свѣтъ, и Онъ бы не уставилъ царей и великихъ князей и прочихъ властей, и не раздѣлилъ-бы орды отъ орды. Сотворилъ Богъ благовѣрные цари и великіе князи и прочія власти на воздержаніе міра сего, для спасенія душъ нашихъ". Послѣднее принимаетъ авторъ даже въ буквальномъ смыслѣ: „Аще бы въ мірѣ о семъ всегоднемъ посту, говоритъ онъ, не царская всегодняя гроза—ино въ воляхъ своихъ не каются по вся годы, ниже послушаютъ поповъ; да еще многихъ поповъ для того отъ мѣстъ откажутъ,—слабости своея ради посмѣются попомъ. Мнози начнутъ глаголати сіе: мзды ради попы глаголютъ, что покаятися и говѣти по вся годы вездѣ... А не разсудимъ, что, аки скоти несмысленніи, не готови

мремъ [безъ покаянія и причастія],—слабости ради и самовольства для царской простоты"... Въ отношеніи „царей" авторъ сосредоточивается особенно на вопросѣ о томъ, ка́къ должно управлять царствомъ, съ кѣмъ нужно совѣтоваться. Авторъ не разъ повторяетъ мысль—„царю достоитъ непростовати: съ совѣтники совѣтъ совѣщати о всякомъ дѣлѣ, — божественнымъ книгамъ сверхъ всѣхъ совѣтовъ внимати, и почасту ихъ прочитати"... Особенно вооружается авторъ противъ вліянія иноковъ: „Не съ иноки, подчеркиваетъ онъ, повелѣлъ Господь царемъ царство и грады и волости держати и власти имѣти, —съ князи и съ бояры и съ прочими міряны, а не съ иноки! Инокомъ повелѣ Господь за царя и за великихъ князей въ смиренномъ образѣ Бога молити"... Авторъ ставитъ на видъ, „чтобы цари и великіе князи изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою собирали и всякія дѣла дѣлали милосердно..,—а не гнѣвно, не по наносу"... Авторъ обнаруживаетъ вообще заступничество за массу населенія,—за „труждающихся на насъ", „милующихъ и питающихъ насъ", за „трудниковъ-міряпъ и прочихъ православныхъ христіанъ". Авторъ указываетъ на разбои и хищничества, которыя причиняются населенію отъ собственныхъ воиновъ: „Невѣрные тщатся, говоритъ онъ, въ ротѣхъ на убійство и грабленіе и на блудъ и на всякую нечистоту и злобу своими храбростями, и тѣмъ хвалятся; а вѣрнымъ воинамъ подобаетъ въ войнахъ быти съ царскаго повелѣнія, и стояти противъ враговъ креста Христова, а къ своевѣрнымъ и въ домѣхъ ихъ—быти кротко, щедро, милостиво, и ихъ не бити, ниже мучити, и грабленія не творити, женъ и дѣвицъ не сквернити, черницъ и вдовицъ и прочихъ сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не вредити,—да отъ ихъ слезъ и воздыханія воини злѣ не постраждутъ! Подобаетъ въ войнахъ быти, и помпити всегда

смертный часъ, съ чистою и со всякою добродѣтелью,—и таковому войску бываетъ невидимо, овогда и видимо, отъ Бога помощь и одолѣніе"... Авторъ указываетъ и другія нестроенія въ жизни,—какъ результатъ „иноческихъ грѣховъ" и „царской простоты": „Умножилася есть предъ Богомъ и за весь міръ простота царей и великихъ князей, и вопіетъ къ Богу грѣхъ священническій и иноческій и кровь христіанская и обида и слезы на обидящихъ, и паче всѣхъ и за всѣхъ на иноковъ!"... Авторъ памятника —консерваторъ; онъ съ горечью жалуется на вліянія иновѣрцевъ, на увлеченія современниковъ иноземными обычаями, „ризами", „шлыками"... „Любимыя братья! взываетъ онъ: Бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому, на отставшимъ вѣры христіанскія, возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную намъ латынскую и многихъ вѣръ вѣру, и позавидѣхомъ иже на невѣрныхъ ризамъ ихъ, отъ главы и до ногу, и ихъ обычаемъ! А того не узнахомъ—чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣди со слезами поработаемъ и горько въ неволяхъ постраждемъ. Понеже Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризъ и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ завидѣти, —богомерзко и незаконно ихъ житіе и обычай ихъ непріятенъ!"... „Горе роду христіанскому, взываетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — прельстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки и имущимъ ихъ на себѣ!.." Авторъ указываетъ на „бритье бородъ и усовъ",—и взываетъ къ царской власти, которая одна можетъ удержать отъ всего этого. Авторъ видитъ въ народѣ паденіе и религіозности; противъ этого опять, по его мнѣнію, нѣтъ другихъ средствъ, какъ прибѣгнуть къ „царской смиренной грозѣ": „Царю и великому князю уставити вездѣ, совѣтуетъ авторъ, своею царскою смиренною грозою — бородъ и усовъ не брити, не торшити, и сану своего ничѣмъ не вредити, крестное знаменіе на себѣ сполна вообра-

жати, каятися, говѣти по вся годы, всякому человѣку вездѣ, исповѣдатися Господеви и отцамъ духовнымъ, отъ двоюнадесяти лѣтъ мужеска полу и женска"...

Въ приложеніи къ этому памятнику, по нѣкоторымъ спискамъ читается небольшое, въ нѣсколько строкъ, *Ино сказаніе*,—принадлежавшее, очевидно, уже другому автору. „Ино сказаніе" сосредоточивается исключительно на вопросѣ о царскихъ совѣтникахъ,—и рекомендуетъ въ этомъ отношеніи мѣру, значительно отличающуюся отъ той, которую указываетъ авторъ „Бесѣды". По мнѣнію автора „Иного сказанія", цари должны управлять своимъ государствомъ въ совѣтѣ не съ отдѣльными „князи и боляры",—а съ „единомысленнымъ вселенскимъ совѣтомъ"...

Мы не безъ намѣренія съ нѣкоторыми подробностями остановились на эпизодѣ столкновенія двухъ противоположныхъ теченій въ средѣ русскаго монашества, возникающемъ къ концу разсматриваемаго періода: передъ нами—первые зародыши литературныхъ протестовъ противъ общественныхъ „нестроеній", первые зачатки общественной критики, критическаго отношенія къ различнымъ явленіямъ современной церковности, къ характеру окружающей общественности. Столкновеніе духовныхъ идеаловъ, возникши на почвѣ спеціальной полемики изъ-за „новгородскихъ еретиковъ", быстро переходитъ къ обсужденію болѣе общихъ вопросовъ не только церковныхъ, но и всей современной жизни. Рамки полемики какъ-то само собой расширяются, и литература дѣлаетъ первыя попытки затронуть вопросы чисто общественнаго характера... Рядомъ съ возникшимъ по поводу „еретиковъ" вопросомъ о религіозной терпимости,—заявляется общее критическое отношеніе къ господствующему типу монашества; изъ отвлеченной монашеско-аскетической сферы мысль переходитъ къ окружающей дѣйствительности; современное русское иночество сопоставляется съ высшими

требованіями и идеалами,—ставится вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ инокамъ владѣть вотчинами, согласно ли это съ идеалами истиннаго подвижничества?... Въ современномъ монашествѣ указывается на рядъ иноковъ, „кружающихся стяжаній ради“, „прошаковъ, безстудно у дверей стоящихъ“, „лже-монаховъ“, которыми „отягчаются вся грады и веси“... Отъ монастыря критическая мысль быстро поднимается и выше: затрогиваются вопросы о „властелѣхъ и судіяхъ“, даже о „царѣхъ“,—не слишкомъ ли они „потакаютъ“ инокамъ, даютъ имъ много вотчинъ, да и сами судятъ-ли и управляютъ „по правдѣ“, и какъ вообще „устрояютъ“ свое государство?.. Отъ отвлеченныхъ аскетическихъ трактатовъ литература впервые дѣлаетъ слабыя попытки перейти на почву окружающей общественной жизни...

Передъ нами прошли важнѣйшіе памятники литературной жизни удѣльной Руси втор. пол. XIII—XV вѣковъ. Количественно литература продолжаетъ увеличиваться; но внутреннее содержаніе ея значительно уступаетъ сравнительно съ прежнимъ... Литература большинствомъ фактовъ, въ общемъ своемъ итогѣ—не только не приближается къ жизни, по прежнему держитъ себя далеко отъ нея, не дѣлаетъ никакихъ замѣтныхъ пріобрѣтеній,—но видимо теряетъ и то, чѣмъ владѣла. Вмѣсто довольно значительнаго разнообразія и богатства, широкаго духовнаго подъема, проблесковъ живого поэтическаго творчества, обнаруживаемыхъ литературой до-монгольскаго періода—передъ нами общее пониженіе умственной и духовной жизни, какая-то обезличенность литературнаго содержанія, искусственность и витіеватость литературныхъ пріемовъ... Общій уровень мысли падаетъ, мельчаетъ; мѣстами уже ярко обнаруживаются признаки тѣхъ особенностей народнаго міровоззрѣнія, крайне своеобразныхъ,—которыя нѣсколько позднѣе выступятъ съ

такой рѣзкостью въ общемъ складѣ московской жизни и литературы XVI—XVII вв...

Волна аскетизма значительно усиливается. Въ нашествіи татаръ современники видятъ наказаніе божіе за грѣхи; лучшіе писатели взываютъ къ покаянію... Настроеніе поддерживается и дальше,—не только бѣдствіями тяжелаго ига, но и цѣлымъ рядомъ бѣдствій физическихъ. Аскетическіе идеалы и въ обществѣ и въ литературѣ получаютъ преобладающее значеніе; число монастырей быстро растетъ... Соотвѣственно усиливающемуся аскетизму — значительно слабѣютъ связи литературы съ общественной жизнью. Струя свѣтскаго, „мірского“ содержанія окончательно затеривается въ литературѣ среди господствующаго полу-монастырскаго настроенія, или пробивается слабо, кое-гдѣ,—въ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, теперь особенно увеличивающихся, или въ немногихъ отдѣльныхъ произведеніяхъ болѣе или менѣе народно-поэтическаго содержанія, сосредоточивающихся преимущественно около Новгорода... Историческія повѣсти и сказанія этого времени наглядно обнаруживаютъ то видимое пониженіе и литературнаго и общественнаго развитія, какое происходитъ теперь сравнительно съ прошлымъ. Въ этихъ повѣстяхъ иногда проскальзываютъ живое чувство современника, проблески общественной мысли,—но общій характеръ ихъ „умильный“: непосредственное чувство уступаетъ свое мѣсто искусственности, манерности изложенія; общественные взгляды нигдѣ уже не поднимаются до прежней высоты... Иногда дѣлаются попытки подражать *Слову о полку Игоревѣ*—которое, очевидно, было извѣстно и пользовалось авторитетомъ въ книжной средѣ; но подобныя попытки свидѣтельствуютъ не столько о дѣйствительномъ приближеніи книжной литературы къ народному творчеству, сколько о томъ, какъ далеко, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, стояла уже теперь эта

книжность отъ живыхъ истоковъ народной поэзіи, какъ широка стала пропасть, отдѣлявшая теперь ту и другую, и въ то же время,—какъ бѣдны, скудны стали теперь литературные таланты даже лучшихъ представителей литературы...

Не видимъ теперь въ сѣверо-восточной Руси XIV—XV вв. и вообще той высоты чисто литературнаго развитія, яркихъ слѣдовъ вліянія византійскаго просвѣщенія,—какіе уже на самыхъ первыхъ порахъ сказались въ нашей письменности. Передъ нами нѣсколько отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, любопытныхъ по своему поэтическому, а отчасти и современно-общественному содержанію,—но все это не можетъ быть и сравниваемо съ произведеніями, явившимися у насъ уже въ самомъ началѣ,—за сто, за двѣсти лѣтъ ранѣе этого!... Литература не представляетъ выдающихся талантовъ, проблесковъ особой литературной мощи, силы. Передъ нами нѣтъ ни Иларіона Кіевскаго, ни Кирилла Туровскаго... Общее развитіе русскихъ писателей XIV—XV в.в. крайне невысокое, бѣдное, — ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими изъ нашихъ писателей уже XI—XII вѣковъ!.. Общее развитіе страны какъ бы пошло назадъ.

Нѣкоторое оживленіе вызываютъ усиливающіяся около этого времени вліянія южно-славянскія, сказывающіяся въ цѣломъ рядѣ новыхъ переводовъ, въ развитіи особаго литературнаго стиля—въ этомъ столь типичномъ „плетеніи словесъ"—въ области сочиненій историческихъ и т. п. Литература обогащается весьма многими цѣнными произведеніями, вліяніе вообще значительно способствуетъ ея внѣшнему количественному развитію и росту, —сказывается и на развитіи общественно-политическихъ взглядовъ... Но все это мало измѣняетъ общій характеръ письменности, общій складъ религіозныхъ понятій, направленіе общественной

мысли. Въ отношеніи чисто внѣшнемъ, формальномъ, южнославянское вліяніе сказывается даже вредно,—вызываетъ порчу литературнаго языка и крайнее усиленіе искусственныхъ, витіеватыхъ пріемовъ. Въ извѣстномъ смыслѣ во всей литературѣ видимъ бо́льшее или меньшее „плетеніе словесъ“: въ литературѣ вездѣ или понижается или совсѣмъ исчезаетъ живое, реальное содержаніе, поднимается общая волна какого-то литературнаго обезличенія...

Все это само собой объясняетъ быстрое пониженіе въ теченіе разсматриваемаго періода двухъ основныхъ сторонъ всякаго литературнаго развитія, давшихъ-было такіе могучіе ростки въ литературѣ до-монгольской,—пониженіе чисто поэтическаго содержанія и слабость общественной мысли.

Литература видимо теряетъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Связь живого народнаго творчества и литературы книжной быстро слабѣетъ, не оставляетъ особенно значительныхъ слѣдовъ въ произведеніяхъ книжной литературы. Передъ нами нѣтъ не только ничего подобнаго *Слову о полку Игоревѣ, Моленію Данiила Заточника,*—мы не видимъ и вообще той свѣжести народныхъ сказаній, какой вѣетъ напримѣръ отъ *Начальной кіевской лѣтописи*... „Поэзія“ не только по-прежнему проявляется главнымъ образомъ въ мѣстныхъ легендахъ, сказаніяхъ, житіяхъ святыхъ; но чаще всего и здѣсь пріобрѣтаетъ аскетическій характеръ, или отзывается вліяніями татарщины... Поэтическая струя сильнѣе всего пробивается въ циклѣ новгородскихъ легендъ, окружающихъ паденіе великаго Новгорода; но и въ этихъ сказаніяхъ нѣтъ уже прежней яркой силы творчества,—да и весь тонъ ихъ звучитъ, какъ похоронный колоколъ. Передъ нами какая-то погребальная поэзія, проникнутая тяжелымъ сознаніемъ неминуемой трагической развязки...

Страшно падаетъ въ литературѣ пульсъ общественной жизни, понижается общественное самосознаніе. Въ нѣкоторыхъ лучшихъ дѣятеляхъ, случайными болѣе счастливыми своими проявленіями—литература посильно старается служить мѣстнымъ потребностямъ; но эти попытки крайне слабы, неопредѣленны, малосознательны, особенно къ концу. Литература развивается по областямъ—и совсѣмъ забываетъ о единой Русской землѣ. Подъ конецъ мысль о „Русійской землѣ“ пробивается нѣсколько замѣтнѣе,—но эта „Русійская земля“ озаряется теперь уже совсѣмъ инымъ свѣтомъ, чѣмъ тотъ, какой такъ ярко освѣщалъ національное сознаніе до-монгольской Руси. Въ литературѣ совершенно исчезаетъ та широта взглядовъ, какую мы видѣли въ *Начальной лѣтописи*, въ *Словѣ о полку Игоревѣ*... Въ литературѣ мало сказывается и общее національное чувство. Общественная мысль пробивается крайне неясно, неопредѣленно; имѣетъ характеръ не широкой думы о національныхъ задачахъ, но мелкихъ боярскихъ притязаній, притомъ крайне неопредѣленныхъ, неясныхъ,—неясныхъ повидимому и для самихъ представителей. Таковы политическія думы автора *Бесѣды Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ*. Литература видимо развивается въ душной, мало здоровой общественной атмосферѣ, какъ бы не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, не имѣетъ у себя внутренней укрѣпы,—какъ не было ея въ это время и въ политической жизни страны... Багровымъ заревомъ страшнаго пожара, кровавымъ отсвѣтомъ новгородскихъ побоищъ освѣщается быстро выросшая, столь могущественная Москва; страшныя „пророчества“ и „знаменія“ окружаютъ въ глазахъ современниковъ этотъ апокалипсическій „третій Римъ“,—какой-то особый, апокалипсическій оттѣнокъ принимаютъ теперь и всѣ самыя жизненныя общественныя идеи, облекаясь въ „пророчества“, „видѣнія“, „знаменія“, „бесѣды чудотворцевъ“...

Быстро понижается общая духовная жизнь страны; религіозная мысль мельчаетъ, чахнетъ, принимаетъ характеръ крайне ненормальный, патологическій. Быстро усиливается съ одной стороны направленіе внѣшне-обрядовое, формальное; съ другой—заявляются самыя крайнія „сумнѣнія“ и „шатанія“... Ко всему этому присоединяется страшная религіозная нетерпимость. Уже теперь, къ концу XV—началу XVI вѣка, „великій расколъ“ является совершившимся фактомъ... Въ 1531 году въ Москвѣ, на церковномъ соборѣ, обвиняется подсудимый. „Ты—говорятъ ему отцы собора—волшебными хитростьми еллинскими писалъ еси водками на дланѣхъ своихъ, и распространялъ длани свои противъ великаго князя, также противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя. Ты говорилъ: *азъ вѣдаю все вездѣ, гдѣ что дѣется*...—то́ волхованіе еллинское и еретическое... Симонъ волхъ вся вездѣ вѣдѣти глаголаше себе и иніи мнози безчисленніи еретицы таковая же глаголаху, прельщающе и губяще народы,—тако и ты глаголеши, прельщая и погубляя люди. Ты хвалишися еллинскими и жидовскими волшебными хитростьми и чернокнижными волхвованіями: то все есть отвержено отъ христіанскаго закона и житія, и нелѣпо есть христіаномъ въ то себе вдати мудрованіе. Ты прилагаеши зло ко злу,—еллинскими и жидовскими мудрованіи и чернокнижными ихъ хитростьми волшебными, отреченными отъ христіанскаго закона и житія, хвалишися и возносишися и много христіанства губиши“... Отцы собора обвиняютъ подсудимаго, что онъ составлялъ „писанія хульна и еретическая“,—среди общества, „во многіе люди и народы“, распространялъ жидовская и еллинская ученія, и аріанская и македонская истинно-мнительная и прочая пагубная, ереси“,—въ сочиненіяхъ подсудимаго они находятъ „хулы на Господа и на Пр҃есв. Богородицу, и на цер-

ковныя уставы и законы, и на святыя чудотворцы и на святыя монастыри и на прочія"... И кто же представляется такимъ страшнымъ еретикомъ и чернокнижникомъ для московскихъ „великихъ людей" и „философовъ?...—Максимъ Грекъ!!...

Таковы были „итоги" двухъ новыхъ съ половиною вѣковъ нашей литературной жизни.

Въ „итогахъ" этихъ виноваты были не одни монголы. Этъ было результатъ въ значительной долѣ тѣхъ новыхъ соціальныхъ условій, которыя стали обнаруживаться на сѣверо-востокѣ Россіи уже къ началу XIII вѣка, и которыя съ такой быстротой развиваются теперь, въ періодъ пол. XIII—XV вв., результатъ той новой общественной атмосферы, въ которой развивается сѣверо-восточная литература XIV—XV вв.; вмѣстѣ съ этимъ,—„итоги" были результатомъ многовѣковаго отсутствія въ странѣ широкаго, прочно поставленнаго просвѣщенія, всякихъ средствъ къ какому-либо образованію... „Итоги" объяснялись всей предшествовавшей пятисотлѣтней исторіей нашего общественнаго развитія,—всѣми тѣми особыми историческими условіями, среди которыхъ возникла и на протяженіи первыхъ пяти столѣтій протекала общекультурная жизнь страны, которыя съ самаго начала столь тѣсно связали древнюю Русь съ Византіей и такъ быстро оторвали ее отъ Запада.

Общественная атмосфера сѣверо-восточной Руси XIII—XV вв. была уже не та, въ какой жила южная, домонгольская Русь X—XIII вв. Общія соціальныя условія вновь возникшаго на сѣверо-востокѣ государственнаго центра уже съ самаго начала въ весьма значительной степени отличались отъ всего того, чтó выработалось въ этомъ отношеніи къ началу XIII вѣка на югѣ Россіи. Общество сѣверо-восточной Руси XIII—XV в. мало было похоже на старое общество средняго Днѣпра, говоритъ историкъ; оно было и зна-

чительно бѣднѣе его и много „проще", мужиковатѣй... Вслѣдствіе незначительнаго развитія торговли, городская жизнь сѣверо-восточной Руси XIII—XV вв. не поднимается на ту высоту, на какой стояла въ старой, домонгольской Руси. Горожанинъ мало выдѣлялся теперь изъ общаго сельскаго населенія,—напротивъ, быстро сливается съ нимъ въ одну общую массу „черныхъ людей". Сравнительно съ старымъ югомъ,—новый государственный центръ являлся какъ бы сплошнымъ селомъ... „Недаромъ — замѣчаетъ Ключевскій—въ старинной богатырской *былинѣ*, сохранившей отзвуки дружинныхъ, аристократическихъ понятій и отношеній кіевской Руси, обыватели ростовско-залѣсской земли зовутся „мужиками - залѣшанами", а главнымъ богатыремъ окско-волжской страны является Илья Муромецъ — „крестьянскій сынъ"... Вмѣстѣ съ общимъ измѣненіемъ матеріальной культуры, въ сѣверо-восточномъ населеніи замѣчается значительное пониженіе общественно-политическихъ интересовъ. На сѣверо-востокѣ Россіи въ XIII—XV вв. пульсъ общественной жизни уже не бьетъ такой широкой, могучей волной, какъ это было ранѣе, на югѣ. Характеръ самой власти радикально мѣняется, а равно и отношенія ея къ населенію. Сѣверо-восточный удѣльный князь XIII—XV вв. уже не тотъ, какимъ былъ на югѣ его предокъ XI—XII вв. „Въ удѣльномъ князѣ XIV вѣка, замѣчаетъ историкъ—меньше земскаго сознанія и гражданскаго чувства; въ этомъ отношеніи онъ болѣе варваръ, чѣмъ какой-нибудь ярославичъ XII в., и если меньше послѣдняго дерется, то лишь потому, что по воспитанію и вкусамъ больше мужикъ, мало привычный ко всякому бою,—въ сравненіи съ старымъ южнымъ княземъ, еще сохранявшимъ наслѣдственныя привычки витязя"... Правда, и въ кіевской, до-монгольской Руси князья не всегда стояли на высотѣ сознанія своихъ земскихъ обязанностей;

уже и тамъ, на югѣ, въ княжескихъ умахъ иногда возникали представленія о княжествѣ, какъ о личной собственности... Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* встрѣчается любопытное указаніе—здѣсь читаемъ: „Борьба съ погаными ослабѣла, потому что братъ сказалъ брату: „это—мое, а то—мое же!“ И начали князья про малое такое большое слово молвить, а сами на себя крамолу ковать,—а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю Русскую“... На югѣ, говоритъ историкъ, такія понятія являлись лишь безпочвенными, „революціонными“ притязаніями,—какъ и смотритъ на это тотъ же авторъ *Слова о полку Игоревѣ*. Въ населеніи подобныя притязанія не могли встрѣтить сочувствія и поддержки,—напротивъ, встрѣтили бы энергичный отпоръ со стороны общественныхъ силъ, со стороны бояръ, городовъ и многихъ изъ самихъ князей. На югѣ бояре и города „привыкли вмѣшиваться въ княжескія отношенія, понимали свое значеніе въ ходѣ дѣлъ, успѣли приноровиться къ сложившемуся строю, и не меньше большинства князей отличались консерватизмомъ политическаго мышленія“... Не то было въ области сѣверо-восточной Руси. Населеніе здѣсь было почти сплошь сбродное; путемъ колонизаціи оно только что начинало складываться,—его составъ обусловливался притокомъ самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Все это создавало совершенно иныя условія, чѣмъ какія были на югѣ, какъ для общаго развитія края, такъ и для взаимнаго отношенія самыхъ общественныхъ силъ, въ частности княжеской власти къ населенію. На югѣ общество было „старше“ своихъ князей, давно уже сложившимся; на сѣверо-востокѣ князь, садясь на удѣлъ, находилъ въ своемъ владѣніи вмѣсто „общества“—пустыню, которая только что начинала заселяться, въ которой все надо было завести и устроить, чтобы создать въ ней „общество“... „Край оживалъ на глазахъ князя: глухія дебри разчищались, пришлые люди селились на „новяхъ“, заводились новые поселки и промыслы..,—

всѣмъ этимъ руководилъ князь, считалъ дѣломъ рукъ своихъ, своимъ личнымъ созданіемъ"... Удѣльный князь чувствовалъ себя здѣсь полнымъ хозяиномъ,—смотрѣлъ на княжество, какъ на личное помѣстье. Населеніе было еще слишкомъ подвижнымъ и разрозненнымъ,—„еще не обсидѣвшимся на свѣжихъ лѣсныхъ росчистяхъ, не успѣвшимъ сомкнуться въ плотные мѣстные и сословные союзы",—чувствовало себя какъ бы на чужой сторонѣ, ничего не считало своимъ, все получало отъ князя-хозяина. „На такой податливой общественной почвѣ можно было заводить какое-угодно политическое хозяйничаніе"... Эти чисто внутреннія обстоятельства не могли не производить общаго пониженія національнаго самосознанія,—что въ свою очередь не могло не отражаться и на литературѣ... „Каждый уходилъ въ свой земляческій уголокъ,—ограничивалъ свои помыслы и отношенія узкими интересами и ближайшими сосѣдскими или случайными связями". „Изъ пошехонскаго или ухтомскаго міросозерцанія развѣ легко было подняться—замѣчаетъ историкъ—до мысли о Русской землѣ Владимира Св. и Ярослава Стараго! Самое это слово *Русская Земля* довольно рѣдко появляется на страницахъ лѣтописи удѣльныхъ вѣковъ"... Политическое дробленіе—доходившее до того, что удѣльные „державцы" XIV—XV вв. часто были не богаче нашихъ среднихъ помѣщиковъ позднѣйшаго времени—неизбѣжно вело къ измельчанію политическаго сознанія, къ охлажденію земскаго чувства. Отсюда въ странѣ общій упадокъ земскаго сознанія и нравственно-гражданскаго чувства, и въ князьяхъ и въ обществѣ; гаснетъ мысль о единствѣ и цѣльности Русской земли, объ общемъ народномъ благѣ... XIV-й и XV вѣка были періодомъ, когда новыя политическія отношенія только что еще складывались, когда только что распредѣлялись будущія обществено-политическія роли. Великое знамя національнаго объединенія было только что поднято Москвой.

Оно не могло не привѣтствоваться всѣми лучшими сынами родины; отсюда политическій успѣхъ Москвы, —здѣсь причина тѣхъ сочувствій, которыя такъ рано стали обнаруживаться къ политической задачѣ Москвы лучшими людьми самыхъ различныхъ областей удѣльной Руси,—отраженіе чего мы видимъ и въ областныхъ литературныхъ памятникахъ времени... Но мѣстныя, областныя связи были еще слишкомъ крѣпки, еще слишкомъ живучи; тѣмъ болѣе, что и историческое прошлое Москвы не вызывало особыхъ симпатій... Отсюда—неясность, неопредѣленность политическихъ идеаловъ, общая слабость, хаотичность общественной мысли,—отражающаяся опять во всей литературѣ сѣверо-восточной Руси XIII—XV вѣковъ...

Слабость общественной мысли должна была сказываться тѣмъ рѣзче, что страна лишена была всякаго образованія.

Снабдивъ „крещеную Русь" богатой книжностью, Византія не дала ей народной школы,—не позаботилась о прочной постановкѣ въ странѣ образованія, его упроченіи и развитіи, о правильныхъ, нормальныхъ къ нему средствахъ. За все продолженіе первыхъ пяти вѣковъ нашей письменности эти средства были слишкомъ ограниченны, ничтожны. Просвѣтительная попытка Владиміра „удалась", дала сравнительно блестящіе результаты; но общія историческія условія дальнѣйшаго развитія страны были таковы, что эти начальные результаты къ концу пяти вѣковъ должны были какъ-то сами собой заглохнуть... Мѣстныя стремленія къ просвѣщенію не имѣли за собою настойчивыхъ поддержекъ со стороны главнаго руководителя духовной жизни страны —Византіи. Интересы послѣдней были слишкомъ узки, ограничивались чаще всего и больше всего собираніемъ съ „великой Скуѳи" богатыхъ доходовъ. Греки-византійцы мало заботи-

лись о широкомъ умственномъ поднятіи страны, въ чемъ она такъ нуждалась, объ общемъ развитіи въ „крещеной Руси“ широкой умственно-религіозной жизни... Говоря о дѣятельности константинопольскихъ патріарховъ въ отношеніи къ Россіи за первые вѣка христіанскаго просвѣщенія, преосв. Макарій замѣчаетъ: „Имъ слѣдовало бы постоянно и настоятельно внушать князьямъ и представителямъ русской церкви, чтобы они заводили училища и заботились о распространеніи просвѣщенія... Между тѣмъ въ продолженіе четырехъ съ половиною вѣковъ мы не видимъ ничего подобнаго со стороны константинопольскихъ патріарховъ. И по прошествіи такого длиннаго періода, въ который Россія находилась подъ ихъ преобладающимъ вліяніемъ и руководствомъ, — она осталась почти на той же степени духовнаго развитія, на какую вступила еще въ первое столѣтіе послѣ принятія христіанства“... На первыхъ порахъ—въ періодъ до-монгольскій—недостатокъ систематическихъ средствъ къ образованію въ значительной степени вознаграждался широкими международными связями; нашествіе монголовъ и послѣдовавшее за тѣмъ двухсотлѣтнее иго разомъ прекратило эти международныя вліянія. Послѣднія дѣлаются не только случайными и рѣдкими, но и крайне ничтожными. Русь очутилась изолированною, замкнутой въ самой себѣ,—культурно связанной только съ Византіей. И теперь, когда Византія, вмѣстѣ съ южнымъ славянствомъ, волею судебъ и монголовъ, явилась для сѣверо-восточной Руси единственнымъ „окномъ въ Европу“, единственнымъ образовательнымъ источникомъ для порабощенной татарами и отрѣзанной отъ остальнаго культурнаго міра далекой „Московіи“,—цѣнность многовѣковыхъ нашихъ связей съ „византійцами“ вполнѣ обнаружилась... „Я—человѣкъ сельской, замѣчаетъ одинъ русскій книжникъ конца XV вѣка: учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читалъ, съ

мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывалъ, учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ“... Въ этихъ словахъ—лучшая характеристика нашихъ старинныхъ грамотѣевъ, а равно—и нашихъ сѣверныхъ писателей XIV—XV вв., когда единственнымъ источникомъ образованія для сѣверо-восточной Руси осталось „почитаніе книжное“, „грамотная хитрость“. Источникъ этотъ могъ дать лишь начетчика,—и мало расширялъ общее интеллектуальное развитіе. „Грамотная хитрость“ значительно возвышала древне-русскаго и читателя и „списателя“ надъ неграмотной массой, надѣляла множествомъ разнообразныхъ свѣдѣній въ сферѣ религіозной, дѣлала вообще много содержательнѣе кругъ религіозныхъ понятій,—но оставляла эти понятія на той же интеллектуальной почвѣ, не поднимала общаго развитія человѣка или очень мало... „Книжный человѣкъ“, имѣя доступъ къ высшему источнику просвѣщенія, „почитанію книжному“, рѣзко выдѣлялся изъ неграмотной массы; въ глазахъ послѣдней, это былъ „человѣкъ разумный“, который могъ „пользовати“ и котораго „пригоже было спрашивати“...; отъ чтенія умственныя способности совершенствовались, „книжный человѣкъ“ пріобрѣталъ особенный складъ рѣчи,—начиналъ говорить „высоко“; религіозная мысль дѣлалась болѣе эластичной,—„книжный человѣкъ“ начиналъ разсуждать „по тонку“... Но все это общимъ складомъ понятій мало поднимало „книжнаго человѣка“ надъ „темными людьми“. Изолированные отъ остальнаго міра—и читатель и писатель сѣверо-восточный Руси XIII—XV вв. „еллинскихъ борзостей“ не проходили, „риторскихъ астрономій“ не читали, съ „мудрыми философы“ имъ также приходилось бесѣдовать не часто,—и читатели и писатели исключительно имѣли въ виду лишь „буквы благодатнаго закона“,—чтеніемъ старались лишь обосновать тотъ характеръ религіозныхъ

представленій, съ которымъ приступали къ чтенію и къ „писаніямъ“... Общій интеллектуальный складъ понятій „книжныхъ людей“, при всей начитанности, продолжалъ оставаться прежнимъ: „книжный человѣкъ“ продолжалъ оставатся „человѣкомъ сельскимъ“, человѣкомъ массы...

Но и это было въ лучшемъ случаѣ. Въ худшемъ—одно чтеніе книгъ, всецѣло предоставленное самому себѣ, могло не только очень мало „просвѣтить“, но могло быть и „веліемъ предательствомъ спасенію“,—могло поселить въ головѣ еще бо́льшій религіозный хаосъ. Одно чтеніе само по себѣ часто давало древнерусскому читателю совсѣмъ не то, что́ должно было бы давать. Не даромъ въ древней Руси такъ рано—уже въ *Кіевопечерскомъ Патерикѣ*—выражается боязливое отношеніе къ неумѣренному чтенію... „Книжное почитаніе“, вводя грамотника въ обширный кругъ древнерусской письменности —въ то же время оставляло его совершенно безпомощнымъ передъ хаотичностью письменнаго матеріала, съ которой здѣсь онъ сталкивался. При одной „грамотной хитрости“, древнерусскій читатель не могъ напр. съ должнымъ успѣхомъ пользоваться даже книгами самыми важными для него — книгами библейскими. Въ русской письменности до самаго конца XV вѣка не существовало канона библейскихъ книгъ: библейскія книги, какъ и всякія другія книги, предлагались древнерусскому читателю въ болѣе или менѣе хаотическихъ сборникахъ,—вмѣстѣ и рядомъ съ сочиненіями отцовъ церкви, отрывками изъ патериковъ, житій святыхъ, или прямо рядомъ съ апокрифами и повѣстями свѣтскаго характера... Оріентироваться среди такого письменнаго хаоса, выдѣлить чистый библейскій текстъ изъ массы другихъ сочиненій, изъ всей этой массы разнообразныхъ „писаній“, съ которыми онъ такъ тѣсно сплетался—бы-

ло слишкомъ трудно „немудрому“ древнерусскому грамотнику... Что касается сочиненій патристическихъ, отцовъ церкви—главнаго матеріала „книжнаго почитанія“—то и это чтеніе для очень и очень многихъ читателей нерѣдко приносило пользу также довольно относительную. „Поученія для древняго времени и для страны другой, справедливо замѣтилъ уже преосв. Филаретъ—не могли рѣшать всѣхъ сомнѣній новаго времени и земли Русской“... Кромѣ того, самый языкъ отеческихъ твореній, какъ переводныхъ—былъ часто мало понятенъ русскимъ читателямъ (отсюда на первыхъ же порахъ появляющіяся у насъ *Толкованія неудобь познаваемымъ въ писаніи рѣчемъ*)... „Бога ради, не отрини отъ себе, не скрый пользы, рцы, како спастися?“—умоляютъ крылошане, люди духовнаго званія, Зиновія Отенскаго († 1568). „Книги писаны закрыто“ [не понятно]; „отеческое ученіе закрыто, —и того ради отеческое ученіе прочитати не полезно“... Помимо того, одно чтеніе, при отсутствіи какого-либо систематическаго образованія, представляло и еще одно— едва ли не самое „веліе“—„предательство спасенію“: „грамотная хитрость“, давая читателю доступъ къ книгамъ библейскимъ, къ твореніямъ св. отцовъ, вообще къ литературѣ духовно-нравственной,—вмѣстѣ съ этимъ открывала передъ нимъ и громадный отдѣлъ книгъ „отреченныхъ“, „ложныхъ“. Масса апокрифическихъ сочиненій, какъ мы сейчасъ замѣтили, переписывалась и читалась обыкновенно здѣсь же, рядомъ не только съ книгами вообще „истинными“, но и библейскими... Крайняя хаотичность имѣвшихся въ нашей письменности статей „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, о книгахъ, „ихъ же подобаетъ чести и внимати“ и „ихъ же ни чести ни внимати неподобаетъ“, статей, которыя долженствовали служить читателю аріадниной нитью въ лабиринтѣ древнерусской письменности—наглядно показываетъ, какъ трудно было разобраться среди тѣхъ

и другихъ... Апокрифическій элементъ читавшейся письменности, не отдѣлимо-органически переплетаясь съ элементами библейскимъ, патристическимъ, аскетическо-легендарнымъ—часто совершенно парализовалъ общій результатъ чтенія, посѣлялъ въ головѣ читателя лишь хаосъ разнообразныхъ свѣдѣній, низводя и истинныя познанія на уровень народной легенды. Раздававшіяся лишь какъ бы для успокоенія совѣсти предостереженія были слишкомъ общи, и не приносили практической пользы. На практикѣ всѣ книги, и „истинныя" и „ложныя", и возбраненныя и дозволенныя, весь наличный письменный матеріалъ въ глазахъ древне-русскаго книжнаго человѣка сливался въ одну безразличную массу „писаній"... Благоговѣйный взглядъ на книгу подавлялъ всякую мысль о критикѣ,—пораждалъ и развивалъ слѣпое благоговѣніе вообще передъ „писаніями", передъ всей массой письменнаго матеріала, находившагося въ обращеніи. Неизбѣжнымъ результатомъ всего этого могъ быть лишь тотъ хаосъ религіозныхъ понятій, самыя разнообразныя „мудрствованія", „сумнѣнія" и „шатанія", общая крайняя слабость, бѣдность религіозной и общественной мысли—которыя мы и видимъ у себя къ концу XV вѣка.

Получавшійся хаосъ былъ тѣмъ болѣе безотраднымъ и опаснымъ, что соединялся съ страшнымъ національнымъ самомнѣніемъ и религіозной исключительностью. Уже къ концу XV вѣка въ Московскомъ Государствѣ постепенно укореняется мысль о своемъ какомъ-то особомъ національномъ и религіозномъ достоинствѣ, объ исключительномъ религіозномъ превосходствѣ передъ всѣми народами... Въ странѣ нѣтъ ни школъ, ни училищъ; религіозныя понятія даже лучшихъ, „книжныхъ" людей или ограничиваются обрядностью или вращаются въ области самыхъ странныхъ „мудрствованій",— „не зная ни православія, ни кривославія"; простой на-

родъ и низшее духовенство погружены въ непроходимое невѣжество,—между тѣмъ всѣ увѣрены, что во всей подсолнечной, ни у одного народа, нѣтъ такой совершенной вѣры, какъ въ Русской землѣ, что только здѣсь процвѣтаетъ „древлее благочестіе“, которымъ „сіяя въ поднебесной, русская земля веселится“... Особыя отличительныя черты московскаго міровоззрѣнія, создавшія „расколъ старообрядства“ —такимъ образомъ были уже вполнѣ готовы... То столкновеніе религіозныхъ и общекультурныхъ идеаловъ, которое вызвало въ пол. XVII вѣка „расколъ“—фактически обнаружилось въ жизни уже теперь, къ концу XV—въ пол. XVI вѣка. Отцы, засѣдавшіе на Стоглавомъ соборѣ, занявшіе такое господствующее, доминирующее положеніе въ умственной жизни страны—уже рьяные „раскольники“! Отчасти такими же „раскольниками“ выступаютъ въ XIV—XV вв. и эти поборники „сугубой“ и „трегубой“ аллилуіи,—или этотъ митрополитъ, который изъ-за „по-солонь“ хочетъ оставить митрополію, или тотъ архіепископъ, который въ концѣ XV в. пишетъ какому-то князю *Посланіе о брадобритіи*, и т. д. и т. д. Положеніе дѣлъ уже вполнѣ опредѣлилось. За весь длинный періодъ дальнѣйшихъ 150—200 лѣтъ, съ конца XV—полов. XVI вѣка до самаго XVIII вѣка—въ духовной жизни сѣверо-восточной Руси, въ сферѣ собственно религіозныхъ воззрѣній, въ сущности нѣтъ большихъ измѣненій: все это время идетъ одна и та же борьба,—уже открыто начавшаяся на Стоглавомъ соборѣ, не законченная и при Петрѣ... Послѣдній въ сущности слишкомъ запоздалъ: онъ долженъ былъ явиться вслѣдъ за Стоглавымъ соборомъ...

„Москва возвысилась съ помощью Орды,—послѣдняя была свергнута; но оставила на исторической Москвѣ свой отпечатокъ... Цѣль политическаго единства была достигнута; но внутреннее развитіе общества было

забыто, мало того,—ему поставлены были такія преграды, что реформа Петра должна была стать настоящей революціей“...

Переходимъ къ области устной народной поэзіи.

Что́ совершилось здѣсь за эти протекшіе пять вѣковъ?.. Какъ отразилось въ области безыскусственнаго народнаго творчества появленіе христіанства и письменности и дальнѣйшія событія исторической жизни страны?...

Христіанство и письменность не могли не обнаружить немедленно же своего могущественнаго вліянія и въ этой области. Міросозерцаніе народа, все его творчество быстро принимаетъ теперь, подъ вліяніемъ новаго строя идей, совершенно новый характеръ. Это не было старое язычество,—цѣлость, непосредственность старины была уже нарушена; но это не было и христіанство: русскій человѣкъ не могъ вдругъ, разомъ усвоить себѣ высокія идеи христіанства, разомъ отрѣшиться отъ старыхъ языческихъ вѣрованій. Новыя христіанскія идеи должны были какъ бы преломиться въ старомъ народномъ міровоззрѣніи,—въ значительной степени примѣниться къ старымъ миѳологическимъ представленіямъ народной фантазіи и поэзіи, отъ которыхъ народная масса не могла разомъ отказаться. Неизбѣжно должно было произойти смѣшеніе двухъ началъ, христіанства и стараго язычества, образоваться та форма міровоззрѣнія, которая на первыхъ же порахъ получаетъ названіе двоевѣрія... Но если введенное христіанство не могло разомъ и окончательно уничтожить старое народное творчество,—оно должно было дать ему совершенно другое направленіе. На народную фантазію особенно дѣйствовала поэтическая сторона христіанскихъ преданій, ихъ символизмъ, сильные примѣры аскетической

жизни,—все это дѣлается теперь идеаломъ народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вытѣсняя старыя миѳологическія сказанія, христіанство противопоставляетъ народнымъ, языческимъ героямъ своихъ, христіанскихъ героевъ, старымъ народнымъ сказаніямъ—свои, христіанскія, еще болѣе яркія, идеальными чертами и поэтическими красками, еще сильнѣе затрогивавшія народное чувство и фантазію... Взамѣнъ „бѣсовскихъ“ пѣсенъ, передъ фантазіей народа развертывалась необозримая область христіанской поэзіи, богатый міръ христіанской легенды,—сказанія о жизни святыхъ, чудесахъ, видѣніяхъ... Двоевѣріе народнаго христіанства, возникшее подъ вліяніемъ языческой старины, развивалось тѣмъ сильнѣе, что встрѣтило себѣ могущественную поддержку въ особомъ отдѣлѣ византійской литературы, пришедшемъ съ самымъ христіанствомъ: въ обширной литературѣ апокрифовъ, „отреченныхъ книгъ“, занявшихъ такое видное мѣсто въ нашей наиболѣе ранней христіанской письменности. Въ многочисленныхъ христіанскихъ апокрифахъ устное народное творчество нашло для себя новые неисчерпаемые матеріалы. Появившись на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ, „отреченная литература“ быстро у насъ распространяется, не смотря на всѣ преслѣдованія церкви,—недостигавшія цѣли чаще всего по самой своей крайности. Преслѣдованія обрушивались не только на дѣйствительно вредныя книги, но вообще на всю область народнаго творчества; преслѣдовались всякія игры, пляски, пѣсни, музыка,—все это одинаково считалось „бѣсовскимъ“... При своей крайности, преслѣдованія были непослѣдовательны и случайны: и лучшіе наши книжные люди, даже изъ духовенства, часто не отличали „ложную“ книгу отъ „истинной“; хаотической смѣсью вѣрованій даже въ XIII—XIV в. отличались у насъ не только „невѣжи, но и вѣжи, попове и книжницы“... Больше всего неуспѣхъ преслѣдованій зависѣлъ

однако отъ популярности подобныхъ произведеній въ самой народной массѣ: народу нравилась поэтическая сторона этихъ сказаній, ихъ символизмъ, фантастика. Апокрифы не отразимо привлекали народную массу всѣмъ характеромъ своего содержанія,—этимъ стремленіемъ удовлетворить самому смѣлому любопытству, самой требовательной любознательности, этими свѣдѣніями, какихъ не могла дать ни одна книга, этой нерѣдкой близостью апокрифическихъ сказаній и образовъ къ старымъ миѳологическимъ вѣрованіямъ народа...

При наступившихъ новыхъ историческихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ своеобразно понятаго христіанства, подъ вліяніемъ массы апокрифовъ, отчасти и всей письменности, пришедшей съ христіанствомъ—устное народное творчество не только измѣняется самымъ существеннымъ образомъ во всемъ своемъ характерѣ, но уже скоро выдѣляетъ изъ себя два новыхъ отдѣла: духовные стихи и легенды.

Былевая поэзія русскихъ славянъ, довольно богатая повидимому уже на самой зарѣ ихъ исторической жизни, безспорно, не могла не отражать на себѣ и дальнѣйшія историческія событія русскаго племени; область былевого народнаго эпоса должна была представлять дальнѣйшее развитіе. Къ сожалѣнію, и здѣсь дошли до насъ лишь ничтожные остатки: „рука времени“ и здѣсь произвела не менѣе значительныя опустошенія, какъ и въ области миѳа и обрядовой поэзіи... Дошедшія до насъ русскія былины и историческія пѣсни могутъ быть названы „былинами“ и „историческими пѣснями“ лишь крайне условно. Въ дѣйствительности они являются очень слабымъ отраженіемъ историческаго народнаго прошлаго; въ записанныхъ такъ недавно „былинахъ“ и „историческихъ пѣсняхъ“—истори-

ческаго немного... Оставляемъ въ данномъ случаѣ совершенно въ сторонѣ подмѣченную изслѣдователемъ, общую черту народной исторической поэзіи, общее наблюдаемое здѣсь несоотвѣтствіе воспѣваемыхъ народомъ лицъ и событій ихъ дѣйствительному историческому значенію, — ту черту историческаго эпоса, что „не всегда значительнѣйшіе моменты изъ исторіи народа и замѣчательнѣйшіе ея люди удержаны народомъ въ его поэзіи“, что вообще „мы нерѣдко не можемъ разобрать, почему именно народная память одно удерживаетъ, другое забываетъ“... Даже оставляя въ сторонѣ эту черту эпоса, — слабость историческихъ воспоминаній въ нашихъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ вполнѣ объясняется самымъ временемъ, столь позднимъ, когда сдѣланы имѣющіяся *записи*. Подобно миѳологической,— „былевая поэзія“ народа живетъ и видоизмѣняется подъ вліяніемъ общихъ условій исторической жизни народа, въ связи съ общей жизнью страны. Подробности событій, передаваемыхъ *пѣснью*, съ теченіемъ времени не могли не забываться и хранителями этихъ пѣсенъ, народными сказителями, пѣвцами, и самимъ народомъ. Подъ вліяніемъ другихъ, болѣе живыхъ и близкихъ событій, излагаемое старой пѣснью историческое содержаніе утрачивало интересъ,—и если *пѣсня* удерживалась, то главнымъ образомъ по своему литературному интересу, или потому, что благодаря литературнымъ взаимодѣйствіямъ старое историческое содержаніе незамѣтно подновлялось новыми матеріалами, чисто литературными. Въ первомъ случаѣ происходили столь обычныя въ народной поэзіи историческія смѣшенія, разнообразныя анахронизмы и наслоенія; во второмъ въ пѣсню вносилось часто совершенно новое содержаніе, при чемъ

старая фабула или только разнообразилась, обогащалась новыми подробностями, взятыми со стороны и пріуроченными къ туземной основѣ, или прямо замѣнялась новымъ матеріаломъ. Послѣднее зависѣло отъ бóльшей или меньшей близости эпическихъ темъ, ихъ общаго содержанія, подробностей... Впрочемъ, иногда заносный разсказъ, совершенно чуждый туземному эпосу, по интересности своей фабулы или почему-либо другому, особенно придясь по вкусу народному творчеству — прикрѣплялся къ мѣстной исторической почвѣ: оставаясь по существу захожей повѣстью, произведеніе до такой степени измѣнялось туземными бытовыми чертами, до такой степени народнѣло, пріобрѣтало въ пересказахъ мѣстный, народный колоритъ, что дѣлалось совершенно туземнымъ... Въ обоихъ случаяхъ историческое содержаніе пѣсни затемнялось позднѣйшимъ, постороннимъ матеріаломъ,—если не совершенно уступало ему свое мѣсто. Позднѣйшія изслѣдованія показываютъ, что вносимый въ былевую поэзію народа тѣмъ или другимъ путемъ литературный матеріалъ занимаетъ въ русскомъ „былевомъ“ эпосѣ весьма значительное мѣсто,— несравненно болѣе обширное, чѣмъ элементъ собственно историческій. Дошедшія до насъ русскія былевыя пѣсни своимъ общимъ характеромъ часто не столько говорятъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ,—сколько о тѣхъ литературныхъ вліяніяхъ, которыя издавна стали проникать въ народный эпосъ, которыя рано стали въ немъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ, измѣнявшихъ его и въ общемъ и въ подробностяхъ, вносившихъ въ него совершенно новые сюжеты, новые мотивы,—нерѣдко совершенно новыя событія и новыхъ героевъ...

Самымъ могущественнымъ факторомъ безспорно было отмѣченное сейчасъ вліяніе христіанства и книж-

ности, въ частности вліяніе библейскихъ и апокрифическихъ сказаній, вліяніе вообще христіанско-книжной легенды. Далѣе, рядомъ съ библейско-апокрифическимъ и вообще христіанско-легендарнымъ,— весьма могущественнымъ было вліяніе письменности свѣтской свѣтскихъ повѣстей и сказаній, такъ или иначе дѣлавшихся извѣстными, пріобрѣтавшихъ популярность въ книжной средѣ, а отсюда и въ народѣ,—и рано начавшихъ переходить къ намъ изъ Византіи и съ Востока. Какъ уже было отмѣчено акад. Веселовскимъ,—различные „отголоски византійскаго эпоса", многочисленныя сказанія о герояхъ и богатыряхъ, ихъ подвигахъ, борьбѣ съ „драконами" и внѣшнимъ врагомъ, различныя легенды апокрифическія и т. п. литературный матеріалъ уже съ IX—X вв. могъ широкимъ потокомъ идти на Русь—и черезъ письменность и путемъ устнымъ. Сказанія этого рода представляли особый міръ чудесныхъ подвиговъ героевъ и чудовищъ, воинственныхъ дѣвъ-поляницъ, — для грека сливавшіяся еще съ его старыми миѳическими преданіями о герояхъ, амазонкахъ и т. п. На Руси всѣ эти разсказы могли отражаться съ чертами болѣе грубаго реализма, въ соотвѣтствіе съ умственнымъ развитіемъ новой среды,— но вообще не могли не войти въ творчество славяно-русской народной массы весьма сильной струей. „Когда въ послѣдствіи, въ по-татарскую эпоху, развился нашъ собственный земскій эпосъ съ Ильей Муромцемъ и другими богатырями—онъ долженъ былъ сосчитаться съ элементами болѣе древняго пришлаго эпоса"... На почву этого болѣе ранняго „пришлаго эпоса" Веселовскій славитъ напр. нашихъ „старшихъ богатырей". „Наши старшіе богатыри—замѣчаетъ онъ—стоятъ совершенно особнякомъ. Они почти не принимаютъ участія въ интересахъ русской жизни. Наши

старшіе богатыри—собственно не наши, это—„сила не здѣшняя". Въ своей нечеловѣческой мощи они смотрятъ на земскихъ богатырей, какъ на новое, имъ чуждое поколѣніе, проходятъ передъ ними какъ-то таинственно безучастно и также таинственно исчезаютъ".. Таково же, по его мнѣнію, происхожденіе нашихъ былинныхъ „дѣвъ-полянинцъ", разныхъ „драконовъ" и „змѣевъ-горынычей"... „Съ VII вѣка обычнымъ именемъ для воинственной греческой вольницы, гнѣздившейся въ ущельяхъ и горахъ Тавра, было δράκοι—драки, т. е. „драконы", „змѣи", или „драконтопулы" т. е. „змѣевичи", „змѣеныши". Нашъ тугаринъ-змѣевичъ—собственно „драконтопулъ", т. е. скрывающійся въ горахъ молодецъ, витязь... Позднѣе змѣи и змѣевичи-воители приняли въ русскихъ пересказахъ черты змѣевъ обрядового повѣрья, сдѣлались „силой нечистой"; еще позднѣе отожествились съ татарщиной,—когда татарщина стала общимъ выраженіемъ всего враждебнаго, злого, съ чѣмъ приходилось бороться русскимъ богатырямъ"...

Говоря объ измѣненіяхъ въ содержаніи нашихъ былевыхъ пѣсенъ,—нельзя не упомянуть о вліяніи самой личности сказителей, особенно скомороховъ. Забывая вмѣстѣ съ народомъ старое содержаніе „былинъ",—пѣвцы, „сказители" и скоморохи [первые иногда невольно, а послѣдніе, можетъ быть, и сознательно], въ общемъ значительно измѣняли содержаніе и характеръ распѣваемыхъ „былинъ"...

Какъ мало чисто историческаго содержанія въ нашихъ былинахъ, какъ значительно измѣнился въ нихъ старый историческій элементъ,—наглядно можно видѣть, сравнивая нѣкоторыя сохранившіяся въ лѣтописяхъ упоминанія о нашихъ богатыряхъ съ тѣмъ, что́ разсказывается о тѣхъ же богатыряхъ въ самыхъ былинахъ. Часто все сходство ограни-

чивается лишь однимъ именемъ; иногда измѣняются до неузнаваемости и самыя имена,—объ одномъ и томъ же лицѣ или событіи сообщается совершенно различное... Даже наиболѣе центральное лицо нашихъ былинъ, „ласковый“ князь Владиміръ—въ лѣтописи и въ былинахъ является въ совершенно различныхъ чертахъ; едва ли отмѣченной чертой „ласковости“ и не ограничивается вся близость былиннаго Владиміра къ лѣтописному,—во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былинный образъ Владиміра мало сходенъ съ тѣмъ, ка́къ этотъ князь изображается въ лѣтописяхъ. Почти идеальный образъ лѣтописнаго Владиміра въ былинахъ превращается въ князя-труса, князя-завистника, несправедливаго къ своимъ богатырямъ, защитникамъ земли, князя, который непрочь овладѣть чужой женой,—собственная жена котораго олицетвореніе женской невѣрности, и т. д. Упоминаемый въ лѣтописяхъ „храбръ“ Александръ Поповичъ [который по однимъ лѣтописнымъ указаніямъ живетъ при Владимірѣ, отличается въ битвахъ съ половцами и печенѣгами, за что́ неразъ награждается княземъ; по другимъ, живетъ въ XIII вѣкѣ, участвуетъ въ битвѣ съ татарами при Калкѣ въ 1223 году, и гибнетъ здѣсь вмѣстѣ съ другими 70-ю „храбрыми“] и воспѣваемый былинами „бабій пересмѣшникъ“ Алеша Поповичъ—два совершенно различные человѣка... Черты соприкосновенія часто ограничиваются исключительно именами; таковы былинные намеки на лѣтописныхъ Блуда, Путяту. Самая эпоха татарскаго ига отразилась въ русскомъ былево́мъ эпосѣ сравнительно мало: до насъ мало сохранилось *пѣсенъ* собственно изъ временъ татарщины,—передъ нами лишь незначительные остатки эпоса, въ общемъ ничтожные, въ виду продолжительности и бѣдствій ига...

Но не нужно преувеличивать. Не нужно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ памятниками устнаго творчества,

цѣлыя столѣтія жившими въ народной массѣ, передававшимися изъ устъ въ уста,—и лишь только черезъ 20—30 поколѣній попадавшими въ *записи*. Историка—наоборотъ—должны поражать не черты разногласій между нашимъ историческимъ эпосомъ и памятниками письменности, а черты близости, сходства, въ общемъ все же весьма значительныя. Прежде всего чрезвычайно важнымъ является самый фактъ лѣтописныхъ упоминаній о лицахъ, дѣйствующихъ въ былинахъ: это вообще указываетъ на близкія связи былинныхъ разсказовъ съ лѣтописью, съ реальными, историческими фактами. Въ этомъ отношеніи лѣтописныя указанія даже самыя краткія и бѣглыя о лицахъ, дѣйствующихъ въ нашихъ былинахъ или только упоминаемыхъ въ нихъ — чрезвычайно важны и цѣнны. Другой вопросъ, почему эти имена тамъ и здѣсь, въ лѣтописяхъ и былинахъ, являются съ различными подробностями, въ различномъ освѣщеніи, или иногда вовсе относятся къ разнымъ лицамъ; это могло быть результатомъ самыхъ разнообразныхъ причинъ,—на которыя отчасти указывалось выше... Различно напр. можно объяснять, почему кн. Владиміръ или Алеша Поповичъ такъ различны по былинѣ и по лѣтописи. Можетъ быть, на формулировку былиннаго типа князя Владиміра въ самомъ дѣлѣ вліялъ литературный образъ какого-нибудь восточнаго Кейкауса,—особенно если къ этому прибавить участіе здѣсь же скоморошьихъ варіацій. Участіе скомороховъ, можетъ быть, въ еще бóльшей степени сказывалось на былинныхъ разсказахъ объ Алешѣ Поповичѣ: можетъ быть, какая-нибудь подобная черта объ Алешѣ, лишь случайно брошенная въ народной пѣснѣ, скоморохами была разработана особенно подробно,—и широкій былинный образъ „храбра Александра Поповича“ этимъ путемъ искусственно сведенъ былъ

къ позднѣйшему типу... Скоморохи, какъ извѣстно, любили подпускать въ свой репертуаръ непристойныя выходки, вообще любили налегать на черты этого рода... Варіаціи скомороховъ въ отношеніи къ Алешѣ Поповицу могли имѣть тѣмъ бо́льшій успѣхъ, что подлинный образъ Алеши, можетъ быть, и безъ того стерся, затемнился въ народной памяти сосѣдствомъ съ величавой фигурой Ильи Муромца, отступилъ въ глазахъ народа передъ послѣднимъ на задній планъ... Какъ бы то ни было,—но лѣтописныя упоминанія о лицахъ, дѣйствующихъ въ былинахъ, особенно цѣнны потому, что при всѣхъ искаженіяхъ и затемненіяхъ, эти упоминанія нерѣдко поразительно точно совпадаютъ съ чертами былинъ,—фактически указывая на тѣсныя связи былинъ съ историческимъ фактомъ. Сопоставляя былинные разсказы съ лѣтописными упоминаніями, нерѣдко нельзя незамѣтить любопытной параллельности между *лѣтописью* и *былиной*,—какъ напр. въ отношеніи къ такимъ лицамъ, какъ Добрыня, Ставръ, Садко, отчасти Путята, Блудъ. Многихъ подробностей не находимъ,—но многое еще и осталось; первичный, чисто историческій слой покрытъ большими наносами,—но старыя реальныя черты иногда поглядываютъ и изъ подъ этихъ новыхъ наслоеній... Лѣтописныя упоминанія обрисовываютъ Добрыню, какъ лицо, весьма близкое къ князю Владиміру; по лѣтописи, Добрыня—„дядя“ Владиміру, одно время былъ новгородскимъ посадникомъ, участвуетъ въ походахъ князя, ставитъ идоловъ, человѣкъ практичный и вліятельный, совѣтъ котораго принимаетъ къ свѣдѣнію Владиміръ. И по былинамъ Добрыня—зоветъ Владиміра „дядею“, и въ былинахъ выставляется долголѣтняя служба Добрыни при Владимірѣ; среди прочихъ богатырей Добрыня отличается „вѣжливостью и почестливостью“,—которыя, конечно, могли быть лишь результатомъ

его разнообразной службы и опытности... Близкія историческія отношенія Добрыни къ Владиміру проглядываютъ въ былинахъ особенно на личности матери Добрыни: она обращается съ Владиміромъ, какъ съ равнымъ... Подобныя же отношенія у дошедшихъ былинъ къ лѣтописнымъ указаніямъ въ отношеніи Ставра. Въ лѣтописи упоминается о „сотскомъ“ Ставрѣ подъ 1118 г., по поводу удаленія Владиміромъ Мстислава изъ Новгорода. Ставръ впадаетъ въ немилость у князя Владиміра Мономаха и ссылается въ заточеніе; Ставръ, повидимому, пользовался большимъ вліяніемъ въ Новгородѣ и стоялъ во главѣ недовольныхъ. Въ былинѣ о Ставрѣ главную роль играетъ его жена. Переодѣвшись въ мужское платье, она приходитъ изъ Чернигова въ Кіевъ, чтобы спасти своего мужа. Ставра князь держалъ въ подвалѣ за то, что тотъ оскорбилъ князя,—божился, что жена его, Ставра, перемудритъ всѣхъ и самого князя..; Ставрова жена дѣйствительно перемудрила князя. Сопоставляя былину съ лѣтописью, нельзя не видѣть, при всѣхъ поэтическихъ прикрасахъ, извѣстной взаимной близости: и въ лѣтотописи и въ былинѣ, Ставръ не кіевлянинъ, а бояринъ со стороны; Ставръ въ немилости у князя, и даже сидитъ въ заточеніи... Извѣстныя параллели съ лѣтописными указаніями имѣются и для былиннаго Садко. Въ лѣтописяхъ Садко упоминается подъ 1167 годомъ. Садко—новгородецъ, строитъ въ Новгородѣ каменную церковь на поминъ души... По новгородской былинѣ, Садко — богатый купецъ, и также новгородецъ; разбогатѣвши чудеснымъ образомъ, и ведя обширную торговлю по морю, онъ пріобрѣтаетъ все новыя богатства,—но испытываетъ и невзгоды: былина разсказываетъ объ одной изъ нихъ. Садко однако счастливо избавляется отъ всякихъ опасностей, — благополучно возвращается на родину и сооружаетъ храмъ въ Новгородѣ. Нельзя

не видѣть въ общихъ чертахъ значительной близости между случайно занесеннымъ въ лѣтопись краткимъ извѣстіемъ и поэтическимъ былиннымъ разсказомъ. Въ одномъ позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Садко называется „Сотко богатый“,—подробность, очевидно, прямо заимствованная изъ былины, гдѣ прилагательное „богатый“ служитъ epitetum ornans „купца“ Садко... Въ лѣтописяхъ упоминается Путята; по лѣтописи онъ жилъ въ концѣ XI—нач. XII вѣка и былъ очень сильнымъ человѣкомъ при князѣ Святополкѣ Изяславичѣ, — князѣ, оставившемъ по себѣ очень дурную память [при этомъ князѣ, по свидѣтельству лѣтописи,— „много было насилія людямъ, великое было тогда нестроеніе и грабежъ беззаконный“...]. Послѣ смерти князя, раздраженіе народа обрушилось на Путяту, — разъяренный народъ раззорилъ Путятинъ дворъ... Въ былинахъ упоминается лишь сынъ Путятинъ, онъ даетъ совѣтъ князю Владиміру, какъ ему жениться на чужой женѣ... Передъ нами повидимому слабый остатокъ историческаго воспоминанія: лѣтописный Путята служитъ при князѣ, который дѣлалъ страшныя насилія людямъ,—и вотъ позднѣйшая былина Путятина сына [по пословицѣ: „яблочко недалеко падаетъ отъ яблонки“] заставляетъ дать князю совѣтъ отнять чужую жену. Въ былинахъ есть впрочемъ и другія упоминанія: говорится о „садочкѣ“ дочери или внучки Путяты, Забавы Путятишни,— среди котораго Соловей Будимировичъ строитъ свой волшебный дворецъ. Нужно прибавить къ этому, что по свидѣтельству Татищева, еще въ его время въ народныхъ пѣсняхъ упоминались „Путятинъ дворъ“ и „стараго Путяты темный лѣсъ“... О Блудѣ въ былинахъ совсѣмъ не упоминается; поется лишь о сынѣ его, Хотенѣ Блудовичѣ, упоминается вдова Блудова. Въ лѣтописяхъ о Блудѣ разсказывается подробно о его коварствѣ

при убійствѣ Ярополка; сцена, описываемая лѣтописью, какъ справедливо было замѣчено, могла бы дать превосходный матеріалъ для былины,—можетъ быть, такая былина нѣкогда и существовала, но дошедшія до насъ былины ничего подобнаго не знаютъ. То, что̀ теперь поется о сынѣ Блуда—какъ онъ отомстилъ за обиду, нанесенную его матери на пиру Владимировомъ и силой отнялъ невѣсту—безспорно менѣе достойно народной памяти, чѣмъ упомянутый драматическій разсказъ лѣтописи... Но мы приводили уже замѣчаніе изслѣдователя, что народъ въ своей поэзіи имѣетъ свои воззрѣнія, свои интересы, — не вполнѣ намъ понятные.... О былинномъ Васильѣ Буслаевичѣ имѣется въ одной поздней лѣтописи краткое извѣстіе подъ 1171 годомъ: „того же мѣсяца преставися въ Новѣ городѣ посадникъ Васька Буславичъ“....

Циклъ былинъ о татарщинѣ нѣкогда былъ, повидимому, весьма значительнымъ, повидимому, этотъ отдѣлъ русскаго историческаго эпоса въ эпоху своего возникновенія и развитія былъ гораздо богаче и разнообразнѣе. Косвенное основаніе къ такому предположенію даетъ сохранившаяся *пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ*, — замѣчательная реальностью своего содержанія, своей исторической устойчивостью, удержавшая цѣлый рядъ историческихъ именъ. Событіе, послужившее поводомъ для пѣсни, записано въ лѣтописи подъ 1328 годомъ. Если такой сравнительно ничтожный фактъ могъ вызвать особую пѣсню,—тѣмъ больше конечно подобныхъ пѣсенъ должны были вызывать другія, болѣе важныя событія двухсотлѣтняго ига... Что подобныя пѣсни дѣйствительно нѣкогда существовали,—фактическія указанія на это даютъ такія лѣтописныя вставки, какъ читаемый въ лѣтописи эпическій разсказъ *о Евпатіѣ Коловратѣ*, являющійся очевидно прозаическимъ пересказомъ

какой-то не дошедшей до насъ былины; такого же характера извѣстная *легенда о Меркуріѣ...* Какъ мы упоминали, оба эти сказанія изслѣдователи ставятъ въ близкую связь съ лѣтописной *повѣстью о нашествіи Батыя.*

Наиболѣе яркимъ памятникомъ нѣкогда существовавшаго у насъ богатаго эпоса о татарщинѣ является *былина о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри.* При высокомъ чисто художественномъ характерѣ, былина является чрезвычайно вѣрнымъ поэтическимъ отраженіемъ реальнаго историческаго факта. Изслѣдователя поражаетъ необычная близость былины къ лѣтописному разсказу о калкскомъ побоищѣ 1223 года,—когда, по лѣтописи, въ битвѣ пало 70-ть русскихъ богатырей, погибъ цѣлый полкъ храбрецовъ [„храбровъ“], и въ томъ числѣ Александръ Поповичъ... „Бысть побѣда на вся князи русскіе“, говоритъ лѣтописецъ—какой „не бывало никогдаже“... Именно это и передаетъ былина: всѣ кіевскіе богатыри сообща выступаютъ противъ татаръ, на́ смерть сражаются съ „силой нездѣшнею“,—и всѣ до единого падаютъ въ битвѣ; никого не осталось послѣ того на Руси изъ богатырей!.. По былинѣ—богатырей губитъ самонадѣянность; та же самонадѣянность, та же гордыня, по взгляду лѣтописца, погубила и южно-русскихъ князей,—рѣшившихся выступить противъ татаръ безъ Юрія, великаго князя суздальскаго, котораго „не бѣ въ княжескомъ совѣтѣ“... По разсказу лѣтописца, князья вообще относились слишкомъ гордо къ татарамъ, особенно молодые,—какъ Даніилъ, который былъ „дерзъ и храбръ, отъ главы и до ногу не бѣ на немъ порока“... Богатыри былинные погибли отъ силы „нездѣшней“,—по нѣкоторымъ варіантамъ, отъ силы „татарской“; это былинное упоминаніе о какой-то таинственной, „нездѣшней силѣ“, погубившей богатырей, ставитъ особенно въ тѣсную связь былину съ лѣтописнымъ разска-

зомъ: именно такой „невѣдомой“, неизвѣстно откуда пришедшей силой, „неслыханной“, невиданной ратью—представлялись татары современному русскому лѣтописцу. Впечатлѣніе это съ особой силой выражается въ тверской лѣтописи, въ *Повѣсти о Калкскомъ побоищѣ и о князѣхъ русскихъ и о храбрахъ семидесяти.* „По грѣхомъ нашимъ—читаемъ здѣсь—пріидоша языци незнаеми, безбожніи моавитяне, ихъ же никому добре не вѣсть ясно, кто суть и отколѣ изыдоша и что языкъ ихъ и котораго племени суть и что вѣра ихъ, — и зовуть я́ татары, а иніи глаголють таурмени, а друзіи печенѣзи, иніи же глаголють, яко сіи суть, о нихъ же Мефодій епископъ Патарскій свидѣтельствуетъ, яко вышли изъ пустыня Ефровскія, сущи межи востока и сѣвера... Глаголетъ Мефодій, яко въ скончаніе времени явитися имъ, ихже загватамо Гедеонъ, и изшедшее оттуду попленятъ всю землю. Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыдоша, не свѣдаемъ, откуду были пришли и камо ся дѣли,— единъ Богъ вѣсть, откуда пріиде, за грѣхи наши“...

Но если мало сохранилось отдѣльныхъ пѣсенъ изъ эпохи татарщины,—общее содержаніе дошедшаго до насъ нашего былевого эпоса носитъ сильный слой татарщины. Народъ не помнитъ въ былинахъ ни о печенѣгахъ, ни о половцахъ; владимировы богатыри сражаются чаще всего съ татарами... Незначительность сохранившихся отдѣльныхъ пѣсенъ, можетъ быть, именно и объясняется этимъ общимъ господствующимъ слоемъ былиннаго цикла: *пѣсни о татарщинѣ* слились съ старыми кіевскими былинами. Татарская эпоха, впрочемъ, далеко не поглощаетъ собой всего содержанія кіевской владимировой былины,—слой татарщины часто слишкомъ прозраченъ, поверхностенъ... Преобладающій въ былинахъ слой татарщины отчасти указываетъ на время, когда оконча-

тельно сложились былины владимирова цикла. Этимъ временемъ, очевидно, былъ періодъ первой половины татарскаго владычества, вѣка XIII и XIV,—вообще послѣднія времена удѣльно-вѣчевого періода, когда съ одной стороны не успѣло еще обнаружиться политическое могущество и преобладаніе Москвы, съ другой—еще не появились на юго-западѣ политическіе враги Руси, Литва и ляхи. Литва впрочемъ изрѣдка упоминается въ былинахъ; но о Москвѣ онѣ совсѣмъ не знаютъ,—есть только „московскія сторожевыя заставы"... Мы разумѣемъ окончательную формулировку былиннаго цикла; по своему возникновенію кіевскія былины несравненно древнѣе, — относятся къ XI, а отчасти, можетъ быть, и X вѣку. На эту древность указываетъ общая близость былиннаго разсказа къ эпохѣ процвѣтанія Кіева, общій характеръ старой кіевской дружинной Руси, который такъ ярко выступаетъ въ содержаніи былинъ,—а равно самый характеръ былиннаго богатыря. Въ былинахъ чрезвычайно свѣжа память о первенствующемъ положеніи Кіева и кіевскаго князя,—между тѣмъ то и другое начинаетъ сильно колебаться уже съ половины XII вѣка. Уже съ половины XII вѣка, говоритъ Ключевскій, становятся замѣтны признаки запустѣнія кіевской Руси: „населеніе ея исчезаетъ куда то"... Одновременно съ этимъ начинается упадокъ и ея экономическаго благосостоянія: „Русь пустѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣла"... Татарскій погромъ 1223—1240 гг. лишь завершаетъ запустѣніе при-днѣпровской Руси,—начавшееся уже съ XII вѣка. Богатыри, правда, борятся только съ „татарами"; но очевидно „татары" здѣсь часто лишь нарицательное наименованіе,—борьба былиннаго богатыря идетъ собственно съ печенѣгами и половцами. Именно только въ XI—XII вѣкахъ (не говоря уже о временахъ болѣе ран-

нихъ) степные кочевники особенно часто съ такой внезапностью дѣлали набѣги на кіевскую Русь,—какъ это разсказывается въ былинахъ про разныхъ „идолищъ-поганыхъ“, супротивниковъ богатырскихъ, а равно и въ *Начальной кіевской лѣтописи*. Татары далеко не въ такой степени безпокоили Русь своими набѣгами, какъ болѣе ранніе ея враги, печенѣги и половцы,—когда внезапно пустѣли цѣлые города и области, когда кіевская Русь совершенно напрасно окапывала себя отъ степи разными „сторожевыми заставами“... Половцы особенно умѣли прокрадываться на Русь.— въ 1096 году ханъ Бонякъ „шелудивый“ чуть не въѣхалъ въ самый городъ Кіевъ, ворвался въ Печерскій монастырь, когда всѣ монахи спали послѣ заутрени, ограбилъ и зажегъ его... Кіевская Русь XI—XII вв. упорно борется съ этими степными кочевниками, истощаетъ всѣ средства на эту борьбу... Никакими мирами и договорами нельзя было сдержать хищничества дикихъ степныхъ кочевниковъ. „Мономахъ заключилъ съ ними 19 мировъ, передавалъ имъ множество скота и платья—и все напрасно. Съ той же цѣлью князья женились на ханскихъ дочеряхъ; но тесть по прежнему грабилъ область своего русскаго зятя, безъ всякаго вниманія къ свойству. Русь окапывала свои степныя границы валами, огораживала цѣпью острожковъ и военныхъ поселеній, предпринимала походы въ самыя степи; дружинамъ въ пограничныхъ со степью областяхъ приходилось чуть не постоянно держать своихъ коней за поводъ въ ожиданіи похода“... Этой изнурительной борьбой, замѣчаетъ Ключевскій—былъ выработанъ особаго типа богатырь, не тотъ богатырь, о которомъ поетъ *былина*, а его историческій подлинникъ,—какимъ является въ лѣтописи Демьянъ Куденевичъ, жившій въ Переяславлѣ Русскомъ въ половинѣ XII в...“ Именно объ этой старой, исконной борьбѣ русскаго богатыря

со степью говорятъ и былины Владимирова цикла и наши древнѣйшая лѣтопись. Общій колоритъ былиннаго разсказа въ этомъ отношеніи замѣчательно совпадаетъ съ разсказами лѣтописи,—съ разсказами напр. объ этомъ сейчасъ названномъ Демьянѣ Куденевичѣ, о томъ, какъ этотъ богатырь съ слугой и пятью молодцами выѣзжалъ на цѣлое войско и обращалъ его въ бѣгство; разъ выѣхалъ на половецкую рать совсѣмъ одинъ, даже одѣтый по домашнему, безъ шлема и панцыря, перебилъ множество половцевъ, но былъ раненъ врагами и едва вернулся въ городъ... Или припомнимъ разсказы лѣтописи о подвигахъ Алеши Поповича. Въ 1000 г., въ отсутствіе князя Владиміра, напали половцы на Кіевъ; настало великое замѣшательство въ Кіевѣ,—и тогда „изыде нощію на стрѣтенье имъ Александръ Поповичъ, и множество половцевъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И слышавъ Володимеръ, возрадовася зѣло, и взложи на нь гривну злату, и сотвори и́ вельможа въ палатѣ своей“... Подъ 1001 годомъ: „Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ, убивый печенѣжскаго богатыря, избиша множество печенѣгъ и князя ихъ Родмана, и съ тремя сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сотвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ и по монастырямъ, и убогимъ и нищимъ, по улицамъ больнымъ и немощнымъ великія кади и бочки меду, и квасу, и перевары, и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощіе, что кто требоваше“... Подъ 1004 годомъ: „Идоша печенѣзи на Бѣлградъ; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле“... И богатыри нашихъ былинъ и лѣтописные „храбры“—„ближайшіе преемники варяжскихъ витязей, пересѣвшіе съ рѣчной лодки на степного коня, отдаленные предшественники днѣпровскаго казачества... Такихъ

богатырей много подвизалось и полегло въ смежныхъ со степью русскихъ областяхъ XI и XII вв.“... Въ XVI в. одинъ путешественникъ по юго-западной Руси отмѣчаетъ даже какое-то особое богатырское кладбище—мѣстность на пути отъ Переяславля къ Кіеву—замѣчая: „а тутъ богатыри кладутся русскіе“... Съ древней кіевской, д о м о н г о л ь с к о й Русью былины тѣсно связаны не только воспѣваемыми въ нихъ лицами и событіями—но и географическими упоминаніями. Дѣйствіе былинъ происходитъ главн. образ. въ Кіевѣ или около него; изъ другихъ городовъ чаще всего упоминаются Черниговъ, Галичъ, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Смоленскъ: все это—города и области до-монгольской Руси... Есть въ былинахъ Владимирова цикла и еще одна черта, которая также рѣзко указываетъ на отдаленную пору перваго происхожденія былинъ: Когда Илья Муромецъ, проѣхавъ Кіевъ изъ Мурома, заявляетъ за княжескимъ столомъ, что проѣхалъ онъ „дорогой прямоѣзжею“,—„могучіе богатыри“ не только поднимаютъ его на смѣхъ, но какъ бы даже оскорбляются такой наглой ложью: „Въ очахъ дѣтина завирается!.. Залегла та дорога тридцать лѣтъ,—отъ того Соловья разбойника“... Кіевская богатырская былина такимъ образомъ помнитъ еще то время, когда н е б ы л о прямой дороги изъ Кіева на сѣверо-востокъ, къ Мурому,—когда ростовско-суздальскій край былъ отдѣленъ отъ южной Руси непроходимыми дремучими лѣсами „брынскими“... Около полов. XII в. эти лѣса начинаютъ уже по немногу прочищаться,—изъ Кіева понемногу прокладывается „прямоѣзжая дорога“ на отдаленный суздальскій сѣверъ. „Владимиръ Мономахъ еще съ трудомъ проѣзжаетъ изъ Кіева въ Ростовъ съ малой дружиной; въ *поученіи* онъ не безъ гордости замѣчаетъ своимъ дѣтямъ, что проѣхалъ изъ Кіева въ Ростовъ „сквозь вятичей“,—но сынъ его Юрій Долгорукій, во время

борьбы съ племянникомъ Изяславомъ (1149—1154), водитъ изъ Ростова въ Кіевъ прямой дорогой уже цѣлые полки"...

Сложившіяся на югѣ, въ Кіевской Руси, былины Владимирова цикла уже рано, въ XII—XIV вв., вмѣстѣ съ общимъ отливомъ кіевскаго населенія на сѣверо-востокъ, переносятся изъ южной Россіи на отдаленной сѣверъ,— и сохраняются лишь здѣсь, на далекомъ сѣверѣ, совершенно исчезнувши вмѣстѣ съ своимъ населеніемъ на югѣ Россіи, въ предѣлахъ при-днѣпровскихъ. Здѣсь теперь не знаютъ ни этихъ былинъ, ни владимировыхъ богатырей, старыя владимировы былины замѣнились на югѣ позднѣйшими малорусскими думами,—которыя вмѣсто богатырей поютъ уже о казакахъ, о ихъ борьбѣ съ ляхами, татарами, турками... Память о древнѣйшемъ эпосѣ однако и на югѣ не вдругъ исчезла. Передъ нами—цѣлый рядъ указаній и свидѣтельствъ, доказывающихъ, что не смотря на то, что самые памятники эпоса давно уже перевесены были на сѣверъ,—память о древнемъ эпосѣ и его богатыряхъ долгое время сохранялась въ народѣ и въ южной Руси. Предавія о богатыряхъ до позднаго времени были весьма живы въ Малороссіи,—особенно о главномъ кіевскомъ богатырѣ, Ильѣ Муромцѣ. Мы уже упоминали объ извѣстіи путешественника XVI вѣка о какой то мѣстности, между Кіевомъ и Переяславлемъ, на другомъ берегу Днѣпра—„гдѣ богатыри кладутся русскіе"... Любопытно въ этомъ отношеніи также *письмо* нѣкоего оршанскаго старосты Кмиты Чернобыльскаго, писанное имъ въ 1574 г. къ одному пріятелю,—гдѣ Кмита, жалуясь на трудность службы, замѣчаетъ, что для такихъ трудовъ „нужно имѣть силу Ильи Муромца или Соловья Разбойника"... Австрійскій посолъ Эрихъ Лассота, бывшій въ 1594 году проѣздомъ въ Кіевѣ, въ своихъ путевыхъ запискахъ разсказываетъ, что

здѣсь, около придѣла св. Софіи, ему показывали могилу Ильи Муромца и могилу „его товарища“,—могила Ильи Муромца была „уже разрушенной“, но могила „товарища“ была еще цѣла. Эрихъ прибавляетъ: „объ этомъ Ильѣ разсказываютъ много басенъ“... Здѣсь же Лассота упоминаетъ еще о третьемъ „богатырѣ“, по прозванію Чоботокъ: объ немъ разсказываютъ—сообщаетъ Лассота—что на него однажды совершенно не ожиданно напали враги, когда онъ только надѣлъ одинъ чоботокъ (сапогъ), не успѣвши надѣть другой,—богатырь схватилъ этотъ другой чоботокъ и побилъ имъ всѣхъ враговъ... Подобныя преданія передавались въ Кіевѣ и сто лѣтъ спустя: о нихъ упоминаетъ въ „Тератургимѣ“ [1683] Кальнофойскій, южнорусскій писатель XVII в.,—подробно разсказывая о „мощахъ Ильи Муромца“, видѣнныхъ имъ въ кіевскихъ пещерахъ. „Напрасно русскій народъ считаетъ Илью Муромца великаномъ, замѣчаетъ между прочимъ Кальнофойскій: онъ, авторъ, точно измѣрилъ его гробъ,—не больше роста обыкновеннаго высокаго человѣка“... О мощахъ Ильи Муромца упоминаетъ и неизвѣстный священникъ Леонтій, бывшій въ Кіевѣ въ 1701 году: „Видѣхомъ, сообщаетъ онъ, храбраго воина Илью Муромца въ нетлѣніи, подъ покровомъ златымъ,—ростомъ, яко нынѣшніе крупные люди. Рука у него лѣвая пробита копьемъ, язва вся знать; а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ“... Въ *Кіевскомъ полномъ мѣсяцесловѣ*, подъ 19 декабря, значится: „память преподобнаго отца нашего Ильи Муромца, чудотворца печерскаго, въ XII вѣкѣ бывшаго“... Имя „преп. Ильи Муромца“ встрѣчается и въ иконописныхъ нашихъ *Подлинникахъ*,—а также въ *Книгѣ о россійскихъ святыхъ*... Но ни въ Четь-Минеяхъ Макарія, ни у Димитрія Ростовскаго, ни въ болѣе раннихъ Прологахъ—не находится *житія Ильи Муромца.* Любопытно, на „руку Ильи Му-

ромца“ ссылались составители *Поморскихъ Отвѣтовъ* въ оправданіе стараго перстосложенія; но спустя 25 лѣтъ на ту же руку ссылается Феофилактъ Лопатинскій въ доказательство обратнаго, правильности триперстнаго сложенія... [*Обличеніе неправды раскольнической*, 1745]. Гильфердингу разсказывали, что раскольники позднѣе „выправляли“ въ Кіевъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, разузнать доподлинно, ка́къ сложены персты у „Ильи Муромца“: посыльные принесли отвѣтъ, что персты растянуты, такъ что не видно, ка́къ онъ слагалъ ихъ при крестномъ знаменіи...

Есть кое-какія указанія и въ самыхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ южно-русскаго пѣсеннаго творчества,—также доказывающія, что былины владимирова цикла долгое время были извѣстны и въ южной Россіи. Разумѣемъ *южно-русскую былину о Михайликѣ и золотыхъ воротахъ* [столь близкую къ сѣверной былинѣ *о Данилѣ Игнатьевичѣ*],—одну изъ южно-русскихъ *плясовыхъ пѣсенъ* [упоминается о Журилѣ или Чурилѣ, повидимому великорусскомъ Чурилѣ Пленковичѣ],—малорусскую думу *объ Алексѣѣ Поповичѣ*; впрочемъ послѣдняя относится сюда только заглавіемъ... Приводившіяся нами выше указанія встрѣчающіяся въ памятникахъ нашей старой письменности —лѣтописяхъ и хронографахъ—даютъ фактическія указанія на возникновеніе нашего былевого эпоса на югѣ, фактически доказываютъ, что дошедшія до насъ былины первоначально сложились на югѣ Россіи, и лишь потомъ—вообще уже очень рано—перенесены были на сѣверъ, вмѣстѣ съ перенесеніемъ сюда общей государственной жизни до-монгольской Руси...

Въ какой степени сильны были вліянія новой христіанской книжной литературы на наше устное народное творчество, какъ могущественно дѣйствовала новая сфера идей на

поэтическую фантазію народа—можно между прочимъ видѣть изъ *Слова Адама во адѣ къ Лазарю*, нерѣдко встрѣчаемаго въ древнерусскихъ „Златоустахъ“,—и особенно изъ *Слова на воскресеніе друга Божія Лазаря*. Послѣднее, къ сожалѣнію, не сохранилось сполна...

Духовные стихи стали появляться у насъ повидимому очень рано, съ первыхъ же вѣковъ христіанства. Намекъ на одинъ такой стихъ [*Плачъ Адама*] изслѣдователи видятъ въ Моленіи Даніила Заточника; изъ того же стиха нѣсколько словъ приводитъ въ *посланіи о раѣ* новгор. архіеп. Василій [† 1352]. Въ настоящее время наши духовные стихи главнымъ образомъ хранятся въ средѣ нищихъ, слѣпцовъ, „каликъ-перехожихъ“, странниковъ-слѣпцовъ, посѣщающихъ свв. мѣста. Нѣкоторые стихи, кажется, и возникли въ этой позднѣйшей средѣ [*Стихъ о вознесеніи*]. Какое участіе принимали въ созданіи русскихъ духовныхъ стиховъ начальные предки теперешнихъ каликъ-слѣпцовъ, наши древнѣйшіе „калики-перехожіе“—сказать трудно; но во всякомъ случаѣ, начальная исторія нашихъ духовныхъ стиховъ повидимому была тѣсно связана съ древнерусскими путешествіями по свв. мѣстамъ,—и тѣмъ самымъ—какъ съ западнымъ паломничествомъ, такъ и съ обширными циклами собственно палестинскихъ легендъ и сказаній. Странствуя по свв. мѣстамъ, въ Греціи и Палестинѣ, наши „калики-перехожіе“ неизбѣжно встрѣчались тамъ и съ византійскими и съ западно-европейскими паломниками,—и этимъ путемъ, конечно, переходила къ намъ не только масса разнообразныхъ разсказовъ, но иногда и самые обычаи, связанные съ странствованіями. Отъ византійскихъ и западныхъ странниковъ, распѣвавшихъ передъ толпой свои священныя пѣсни—наши „калѣки-перехожіе“,

могли заимствовать и самый обычай этотъ, —тѣмъ болѣе, что для очень многихъ изъ нихъ это пѣніе могло служить и средство къ пропитанію въ далекомъ пути... Въ тѣхъ же далекихъ странствованіяхъ наши древніе „калики“ могли встрѣчаться и съ многочисленными толпами богомильскихъ странниковъ-проповѣдниковъ,—вліяніе которыхъ мѣстами замѣтно сказывается въ нашихъ духовныхъ стихахъ. Съ другой стороны нельзя не видѣть связей нашихъ древнихъ „каликъ-перехожихъ“ съ западными „пилигриммами“. Самое слово *калики* производятъ отъ латинскаго *caligae, calicae* [греческое *καλίχιον*], названія обуви западныхъ средневѣковыхъ паломниковъ на тотъ же западъ указываетъ названіе „каликъ-перехожихъ“ въ былинахъ *пилигриммами* [ср.-зап. *piligrimm*], — при чемъ самая форма, уже руссифицированная [*пилигримище, каличище-пилигримище*], свидѣтельствуетъ о весьма раннемъ времени вліянія... Давно указано было и еще на одно соображеніе,—также свидѣтельствующее о раннихъ западныхъ связяхъ нашихъ каликъ и ихъ стиховъ: на особое вниманіе нашихъ былинъ къ внѣшнему костюму „каликъ-перехожихъ“... Эта былинная черта въ отношеніи собственно къ нашимъ каликамъ—и теперешнимъ и древнѣйшимъ—является какой то искусственной, непонятной; но она вполнѣ объяснится, если мы обратимся къ западному паломничеству. У нашихъ паломниковъ нѣтъ и не было никакого особаго костюма для путешествій,—каждый шелъ въ чемъ Богъ послалъ; не такъ было на западѣ. Тамъ для пилигриммовъ издавна существовалъ особый костюмъ; существовалъ также особый обрядъ церковнаго благословенія пилигриммовъ,—при чемъ участвовавшіе въ обрядѣ должны были быть одѣты особымъ образомъ: въ поддев-

кахъ, въ плащахъ,—на головахъ должны были имѣть особую шляпу; священникъ при благословеніи вручалъ посохъ и суму... Въ нашихъ былинахъ, какъ извѣстно, съ особыми подробностями говорится о „сумахъ“ „каликъ-перехожихъ“, ихъ „клюкахъ“, „лапоткахъ“, „шляпахъ“ и т. п. Что это вниманіе былинъ къ внѣшнему виду „каликъ“ не случайное, что въ этихъ былинныхъ описаніяхъ проглядываютъ слѣды отдаленныхъ вліяній съ запада—основаніе даетъ одна подробность тѣхъ же былинныхъ описаній, на первый взглядъ особенно странная, — и получающая объясненіе лишь на почвѣ этихъ западныхъ вліяній: разумѣемъ *колоколъ*, съ которымъ на головѣ появляется иногда въ нашихъ былинахъ „старчище-пилигримище“... Что это за „колоколъ“?. Какъ онъ очутился на головѣ у „калики“?.. Въ этомъ „колоколѣ“ одинъ изъ изслѣдователей остроумно видитъ руссофицированный отзвукъ западно-чешскаго *klako*, *klakolca*,—названіе плаща, въ родѣ капы, который носили пилигриммы [у чеховъ *klacolca*—плащъ; у англичанъ *cloak*, у французовъ *cloche*, *clochette*, въ значеніи и колокола и плаща]. Употребленіе этого слова въ былинѣ, теперь неправильное—по мнѣнію изслѣдователя, доказываетъ, что нѣкогда оно было у насъ употребляемо въ значеніи одежды... Зашло оно къ намъ, думаетъ изслѣдователь, уже въ очень раннее время,—такъ какъ и на западѣ оно употреблялось только въ средніе вѣка.

При трудности въ старину путешествій, при совершенной часто неизвѣстности самого пути,—странствованія ко св. мѣстамъ являлись не только подвигомъ религіознымъ, но еще больше подвигомъ чисто физическимъ, своего рода удалью, богатырствомъ. Отсюда—связь древнерусскихъ „каликъ-перехожихъ“ съ древнерусскими богатырями. Связь была тѣмъ ближе, что богатырь съ молоду „бившій и грабившій“, подъ старость дѣлался „кали-

кой“,—какъ объ этомъ говорится въ извѣстной *былинѣ о Василъѣ Буслаевичѣ*:

Съ молоду много бито, граблено,—
Подъ старость надо душу спасти...

Въ самыхъ былинахъ „калики-перехожіе“, какъ извѣстно, не только очень часто упоминаются, но занимаютъ и очень видное мѣсто,—при чемъ внѣшность ихъ рисуется чисто богатырскими чертами: лапотки у нихъ—шелковые, поддевочка—черна бархата, клюка—кости рыбныя, шляпа—земли греческой; ихъ голосъ изображается чертами гиперболическими, обычными лишь для богатырей; „крута каличья“, ихъ артель, своей былинной характеристикой напоминаетъ корабль Соловья Будимировича и т. д... Былинные „калики-перехожіе“ вообще какіе-то богатыри, какіе-то чародѣи,—„у которыхъ сила мышцъ есть выраженіе силы духа“, съ тѣлесной силой соединяется сила духовная... Воспоминанія, сохранившіяся въ былинахъ, о нашихъ „каликахъ-перехожихъ“, очевидно, носятъ на себѣ еще значительные слѣды стараго героическаго эпоса.

Сравнительно съ другими произведеніями народнаго творчества, духовные стихи—въ значительной степени произведенія книжныя, искусственныя, возникшія подъ ближайшимъ вліяніемъ произведеній книжныхъ, письменныхъ, и—въ средѣ, своимъ общимъ развитіемъ уже значительно выдвинувшейся изъ народной массы, въ средѣ людей бывалыхъ, не только близко стоявшихъ къ церкви и книжности, но часто бывшихъ и непосредственно знакомыми съ легендами далекаго Востока, въ своихъ разнообразныхъ и далекихъ путешествіяхъ встрѣчавшихся съ людьми самыхъ различныхъ мѣстъ и національности.

Вліянія книжныя, библейскія и особенно апокрифическія, являются въ духовныхъ стихахъ вообще главнымъ, наиболѣе густымъ слоемъ. Въ *Стихѣ о Голубиной Книгѣ* полуязыческія народныя представленія являются сложившимися уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ такихъ апокрифическихъ произведеній, какъ *Бесѣда Іерусалимская*, *Бесѣда трехъ святителей*, *Откровеніе Іоанна Богослова*, и мн. др. п.

Произведенія апокрифической литературы, какъ мы уже замѣчали, самымъ характеромъ своимъ, всѣмъ своимъ содержаніемъ—являлись болѣе всякихъ другихъ книжныхъ произведеній близкими къ понятіямъ народной полуязыческой массы. Мы видѣли, апокрифическія сочиненія приходятъ къ намъ съ самой ранней переводной письменностью, одновременно съ самимъ съ христіанствомъ. Уже по рукописямъ XII—XIII вв. до насъ дошелъ цѣлый рядъ подобныхъ произведеній: *Паралипомена Іереміи*,—*Видѣніе пр. Исаіи*,—*Афродотіана сказаніе*,—*Хожденіе Богородицы по мукамъ*,—*Житіе Нифонта*,—*Сказаніе Агапія*,—*Слово Меѳодія Патарскаго о царствіи языкъ* и т. д. и т. д. Еще больше можетъ быть подобныхъ произведеній нашей начальной письменности до насъ не дошло... Очень рано дѣлается извѣстной въ нашей литературѣ такъ наз. *Толковая Палея*—произведеніе, представлявшее собой цѣлую энциклопедію различныхъ сказаній изъ апокрифической литературы... Едва ли большинство древнерусскихъ апокрифическихъ произведеній не было извѣстно въ нашей письменности не въ цѣломъ, подлинномъ видѣ, а лишь въ отрывкахъ, въ извлеченіяхъ и передѣлкахъ; послѣднее въ значительной степени облегчало ихъ распространенность и въ книжной средѣ и въ народѣ... Не надо забывать и того, весьма важнаго обстоятельства, имѣвшаго особенное значеніе въ смыслѣ популяризаціи апокрифическихъ мнѣній, ихъ достовѣрности въ глазахъ массы: апокрифическій элементъ

—въ видѣ поэтическихъ картинъ, различныхъ вымысловъ фантазіи—весьма значительной долей входилъ въ такія произведенія христіанской письменности, которыя, казалось бы, должны были стоять очень далеко отъ всякаго соприкосновенія съ подобной ложной, „отреченной" литературой, запрещаемой церковью. Апокрифическія сказанія подавляющей массой входили не только въ обширную литературу патериковъ, прологовъ, житій святыхъ, но и въ сочиненія патристическія,—въ творенія отцовъ и учителей церкви... Не нужно забывать, что—понятіе „апокрифъ", имѣло свою исторію. „Въ первые вѣка христіанства, замѣчаетъ проф. Истринъ, именемъ ἀπόκρυφοσ означалось вообще „тайное", „скрытое"; это было нѣчто трудное для пониманія: поэтому такія писанія могли и не быть противны христіанскому ученію. Такъ какъ по своему содержанію они были скорѣе легендарно - повѣствовательнаго характера—разсказы о ветхозавѣтныхъ лицахъ, перешедшіе отъ временъ іудейскихъ, и разсказы о Христѣ и апостолахъ—то подъ ἀπόκρυφοσ въ обычномъ обиходѣ разумѣлись разсказы о вѣтхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ, которыхъ не находилось въ священныхъ книгахъ. Этими разсказами обильно пользовались отцы церкви первыхъ вѣковъ христіанства; часто только изъ цитатъ и выдержекъ, разсѣянныхъ у различныхъ отцовъ церкви, мы узнаемъ о нѣкогда существовавшемъ и теперь исчезнувшемъ апокрифѣ... Апокрифы въ то отдаленное время составляли своего рода народный эпосъ. Они удовлетворяли любопытству, возбужденному великими событіями, каковы напр. событія евангельскія. Конечно, апокрифы существовали и въ письменности и въ народныхъ преданіяхъ. Отцы церкви, принадлежавшіе къ своему поколѣнію, не могли относиться вполнѣ отрицательно къ апокрифамъ, ибо и сами частію воспитыва-

лись на нихъ. Въ своихъ спорахъ они наряду съ книгами св. Писанія приводили апокрифы, правильно усматривая въ нихъ остатки старыхъ преданій. Но въ то же время они хорошо понимали, что фантазія можетъ выйти за предѣлы, что въ рукахъ полуобразованныхъ апокрифы могутъ принять чисто сказочный характеръ. Поэтому они совѣтовали обходиться съ апокрифами осторожно, совѣтовали читать ихъ только такимъ лицамъ, которыя могутъ отличить истину отъ лжи. Когда явилась необходимость составить *канонъ* священныхъ книгъ, что̀ находилось въ связи съ распространеніемъ еретическихъ ученій—прежде всего былъ составленъ *индексъ* именно каноническихъ книгъ. Первые индексы состоятъ обыкновенно въ перечисленіи только каноническихъ книгъ. Въ различныхъ церковныхъ постановленіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ то помѣстныхъ соборовъ, то постановленій апостольскихъ,—мы встрѣчаемъ общія постановленія относительно истинныхъ и ложныхъ книгъ, причемъ каноническія книги перечисляются, а не каноническія, запрещенныя—нѣтъ. Все, что̀ не вошло въ канонъ, стало вреднымъ... Постепенно къ общимъ запрещеніямъ стали присоединяться названія самыхъ запрещенныхъ книгъ: возникли *индексы ложныхъ книгъ*"...

Помимо сочиненій апокрифическаго характера, довольно замѣтнымъ является вліяніе произведеній чисто каноническихъ,—вліяніе *Библіи*, церковныхъ *пѣснопѣній*, нѣкоторыхъ *отдѣльныхъ сочиненій* отцовъ церкви, каноническихъ *житій святыхъ*, наконецъ церковнаго искусства,—*изображеній* на иконахъ, картинахъ и т. п. Начало *Стиха о Голубиной Книгѣ*, разсказывающее о какой то особой спадающей съ неба, книгѣ, поражающей своей громадностью, заключающей въ себѣ всѣ міровыя тайны—безспорно стоитъ въ связи съ извѣстными мѣстами *Апокалипсиса*. Относящіеся къ числу наиболѣе раннихъ нашихъ духовныхъ стиховъ

стихи о страшномъ Судѣ—возникли, конечно, подъ ближайшимъ вліяніемъ повѣствованія о кончинѣ міра и страшномъ судѣ, читаемаго въ *Евангеліи*, а также извѣстной *картины* втораго пришествія Христова,—которая, по словамъ лѣтописца, произвела такое сильное впечатлѣніе уже на Владиміра... Подобныя же впечатлѣнія безспорно производили эсхатологическія *Слова* Ефрема Сирина, такія патристическія сочиненія, какъ *Слово о исходѣ души изъ тѣла* Кирилла Александрійскаго и т. п. Основой духовнаго стиха *о страстяхъ Христовыхъ* въ значительной степени, конечно, послужило извѣстное церковное пѣснопѣніе: *Не рыдай мене, мати*,—и евангельское повѣствованіе о крестныхъ страданіяхъ Спасителя... Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ легла въ основу духовныхъ стиховъ *о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ*; столь популярный *стихъ объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ* возникъ непосредственно подъ вліяніемъ его *житія*, помѣщеннаго въ Четь-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго; на двухъ разсказахъ тѣхъ же Четь-Миней основано содержаніе *стиха о Димитріѣ Солунскомъ. Стихъ о Іосифѣ*, очевидно, составленъ подъ ближайшимъ вліяніемъ *Слова о прекрасномъ Іосифѣ* Ефрема Сирина и т. д. и т. д...

Накопецъ были и другія вліянія, непосредственно устныя, народныя - благодаря которымъ христіанско-апокрифическая легенда уже съ самаго введенія христіанства широкимъ потокомъ шла съ Востока въ древнюю Русь: упоминавшіяся нами выше путешествія ко свв. мѣстамъ, принявшія у насъ съ самаго начала такія обширные размѣры. Въ постоянныхъ странствованіяхъ въ Палестину, въ Царьградъ, на Аѳонъ,—безчисленныя толпы русскихъ паломниковъ отъ своихъ „языковъ“ и „вожей“, показывавшихъ имъ христіанскія святыни и достопримѣчательности Востока—непосредственно знакомились съ самыми разнообразными сказаніями изъ области христіан-

ско-апокрифической восточной легенды,—съ благоговѣніемъ внимая всѣмъ этимъ разсказамъ и принося ихъ на Русь... Цѣлый рядъ подобныхъ разсказовъ находится уже въ *Паломникѣ* игумена Даніила.

Вліянія книжныя чаще всего являются въ нашихъ духовныхъ стихахъ уже въ значительной степени получившими мѣстный, народный отпечатокъ. Стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ церкви и книжности, древнерусскіе „калики-перехожіе“ сами выходили изъ народа; къ народу же обращались они и съ своими пѣснями. Въ своихъ пѣсняхъ они должны были поэтому невольно подчиняться вкусамъ народа, пѣть о томъ, что́ его интересовало, и та́къ, какъ ему было наиболѣе понятно... Отсюда—смѣшеніе національно-языческихъ представленій съ вѣрованіями христіанскими, наиболѣе древняя, глубже другихъ лежащая, основа нашихъ духовныхъ стиховъ. Древнѣйшія національно-языческія представленія довольно замѣтно проглядываютъ въ космогонической части *стиха о Голубиной Книгѣ*,—во многихъ мѣстахъ *стиха о Егорѣ Храбромъ*,—въ *стихѣ о Ѳедорѣ Тиронѣ* и т. д. Коренную основу *стиха о Голубиной Книгѣ*—общее содержаніе которой уже библейско-христіанское — составляютъ космогоническія сказанія, общія великорусскому племени съ другими европейскими народами. Въ *стихѣ о Егорѣ Храбромъ*, точнѣе въ цѣломъ рядѣ этихъ стиховъ—изъ подъ книжно-апокрифическихъ сказаній о мученіяхъ христіанскаго святого нельзя не видѣть древнѣйшій мифическій образъ какого-то свѣтлаго божества, съ которымъ и до сихъ поръ связывается въ народномъ представленіи циклъ самыхъ разнообразныхъ обычаевъ и повѣрій,—или образъ стараго русскаго богатыря, стоящаго уже на исторической почвѣ, который очищаютъ землю святорусскую отъ разныхъ „змѣиныхъ силъ“...

Впрочемъ и миѳическія и позднѣйшія бытовыя черты—черты сравнительно весьма рѣдкія въ нашихъ духовныхъ стихахъ. Своимъ почти исключительно церковнымъ, съ значительной примѣсью аскетизма, содержаніемъ—духовные стихи стоятъ вообще далеко отъ жизни, ея общественныхъ мелочей,—говорятъ исключительно о высшихъ добродѣтеляхъ человѣка: правдѣ, добрѣ, нищетѣ. Въ этой своей неземной отвлеченности стихи походятъ какъ бы на молитву... Стихи развивали преимущественно суровый взглядъ на жизнь, на міръ,—и въ этомъ отношеніи не замѣтно сливаются съ болѣе поздними *стихами раскольничьими*...

На почвѣ христіанской письменности, въ ближайшей связи съ той же областью апокрифической, „отреченной" литературы,—получили свое возникновеніе и народныя легенды. Литературные источники здѣсь впрочемъ были гораздо разнообразнѣе; обіцее развитіе легенды было гораздо шире развитія духовныхъ стиховъ. Легенда своимъ содержаніемъ часто соприкасается съ самыми различными литературными матеріалами, стоитъ особенно близко къ области свѣтскихъ „странствующихъ" повѣстей, сказаній,—примыкая своимъ содержаніемъ и мотивами къ общей широкой области легендарной литературы среднихъ вѣковъ, къ многочисленнымъ, обращавшимся въ западной средневѣковой письменности, дидактическимъ повѣствованіямъ, разсказамъ, аллегоріямъ... На Западѣ средневѣковая христіанская легенда имѣла необычайно широкое развитіе,—ей принадлежало могущественное вліяніе на умы, на литературу, искусство, науку... Особенно широкое развитіе западная легенда получаетъ въ эпоху крестовыхъ походовъ,—когда запасъ ея сразу обогащается широкимъ притокомъ новыхъ сказаній съ христіанскаго Востока, изъ Палестины, Византіи,—обращавшихся нерѣдко здѣсь, уже съ глубокой древности... На западѣ христіанская легенда послужила

неисчерпаемымъ матеріаломъ для самыхъ разнообразныхъ обработокъ въ области поэтической литературы и искусства.. Ничего подобнаго не было въ исторіи древнерусской легенды. Литературное творчество не имѣло у насъ широкой, самостоятельной жизни, лишено было иниціативы, — все это выходило за предѣлы обычныхъ взглядовъ на цѣль и назначеніе „книги"... Тѣмъ болѣе это касалось области народной легенды,— одного изъ видовъ народнаго поэтическаго творчества, преслѣдовавшагося церковью... По самымъ источникамъ своимъ, область древнерусской легенды въ общемъ была несравненно бѣднѣе и уже, чѣмъ на западѣ,—ограничивалась, помимо источниковъ собственно апокрифическихъ, главнымъ образомъ византійскими *хронографами*, *прологами*, *патериками*, или отдѣльными *житіями святыхъ* и т. п., сравнительно мало литературными памятниками.

Западныя средневѣковыя легенды чаще всего утрачивали свой общехристіанскій, интернаціональный характеръ, принимали у каждаго отдѣльнаго народа тѣ или другія мѣстныя, національныя черты, болѣе или менѣе народнѣли въ средѣ, въ которую попадали, или совершенно сливались съ мѣстными, народными сказаніями, вызывали въ народѣ новыя самостоятельныя подобныя же легенды и сказанія. Вообще это была область устной поэзіи, гдѣ общехристіанское чаще всего неотдѣлимо переплеталось съ чисто мѣстнымъ—иногда еще старымъ, полумиѳическимъ, чаще позднѣйшимъ, уже бытовымъ и историческимъ. Къ мотиву какого-нибудь нравоучительнаго странствующаго разсказа присоединялась космогонія мѣстныхъ обрядовыхъ пѣсенъ и повѣрій; къ мотивамъ старыхъ апокрифовъ о хожденіяхъ по аду и раю — различныя подробности изъ области народныхъ сказокъ и преданій, черты позднѣйшаго народнаго быта и т. п. Болѣе или менѣе значительная примѣсь къ общехристіанской

основѣ мѣстныхъ бытовыхъ чертъ, чертъ и особенностей мѣстной, житейско-обиходной дѣйствительности—главное, существенное отличіе народной „легенды“ отъ „духовнаго стиха“. Легенда ближе стоитъ къ жизни, къ земнымъ, обыденнымъ интересамъ; общехристіанское обыкновенно замѣняется здѣсь національнымъ, народнымъ, даже простонароднымъ, реальными чертами обыденной жизни русскаго крестьянскаго быта—чего совсѣмъ нѣтъ въ духовныхъ стихахъ или очень рѣдко. Въ „легендѣ“ отсутствуетъ суровый, аскетическій тонъ; высокіе, исключительные идеалы духовнаго стиха здѣсь низводятся на уровень обыденной, житейской морали, обычно-житейскихъ взглядовъ,—или даже парализуются шуткой, пародіей... Въ легендѣ—передъ нами сѣрая, обыденная жизнь. Въ народной легендѣ вообще на первый планъ выступаетъ элементъ свѣтскій,—иногда даже тонъ остроумнаго, шутливаго разсказа, оттѣнокъ юмористическій или сатирическій. Здѣсь отличительная черта „легенды“ отъ „стиха“. Она сказывается и въ пользованіи литературными источниками. Духовный стихъ чаще всего строго держится церковной книжности; источники и литературныя связи легендъ, какъ уже замѣчено, несравненно разнообразнѣе. Иногда это замѣчается даже на однихъ и тѣхъ же сюжетахъ, въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же лицамъ и событіямъ, о которыхъ расказываетъ легенда и духовный стихъ,—въ легендѣ они трактуются съ несравненно бóльшей свободой, съ несравненно бóльшей смѣлостью, чѣмъ въ духовномъ стихѣ...

Любимымъ содержаніемъ нашихъ легендъ является мотивъ странствованія по землѣ между людьми Христа, апостоловъ, наиболѣе чтимыхъ народныхъ святыхъ,—Ивана Милостиваго, Николы и др. Странствованія совершаются въ образѣ простыхъ, обыкновенныхъ людей, даже нищихъ, въ рубищахъ, — чтобы испытать въ людяхъ ихъ милосердіе, любовь къ своему брату, ближнему: милосердіе щедро вознаграждается, ску-

пость и презрѣніе къ бѣдняку не менѣе жестоко наказывается... Мотивъ о богатствѣ и бѣдности —наиболѣе обычный въ нашихъ легендахъ, наиболѣе близкій народу. Многія подобныя легенды примыкаютъ непосредственно къ евангельской притчѣ о бѣдномъ и богатомъ Лазарѣ, крайне несложны, не выходятъ изъ рамокъ обще христіанскаго, моральнаго наученія; другія —представляютъ болѣе или менѣе значительныя мѣстныя пріуроченія,—изъ за которыхъ иногда довольно замѣтно проглядываютъ мѣстные народные взгляды и понятія, иногда самое лицо святого получаетъ оттѣнокъ какъ бы народнаго героя, тотъ или другой святой являются не одинаково близкими народу, къ одному легенда относится съ бо́льшими симпатіями, чѣмъ къ другому, и т. п. Таковы *легенды о Касьянѣ и св. Николаѣ,—о св. Николаѣ и Ильѣ пророкѣ,—легенда о цыганѣ* и многія другія поробныя. Значительное мѣсто въ ряду мотивовъ русскихъ легендъ занимаютъ разсказы демонологическаго содержанія,—а также нерѣдко связанный съ ними мотивъ о великихъ грѣшникахъ. Въ разсказахъ этого рода чаще всего слышатся отголоски византійскихъ *прологовъ* и *патериковъ*. Впрочемъ, демонологія въ нашихъ легендахъ чаще всего переходитъ уже на почву пародіи, шутки: „бѣсъ“ чаще всего выводится въ легендахъ въ шутливомъ, комическомъ видѣ,—какъ напр. въ *легендѣ о похожденіяхъ бѣса въ русской богадѣльнѣ* и др. под. Здѣсь „легенда“ уже измѣняетъ своему основному характеру духовно-моральной, поучительной прозы,— переходитъ въ область свѣтской беллетристики, свѣтской повѣсти, новеллы...

ЧТЕНІЯ

въ обществѣ любителей русской словесности

въ память А. С. Пушкина

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

I. **А. С. Архангельскаго**, О задачахъ ближайшей научной дѣятельности „Пушкинскаго Общества" въ Казани. Казань, 1900.

II. **А. С. Архангельскаго**, Памяти Д. В. Григоровича Русская литература 40-хъ гг. и первые разсказы Д. В. Григоровича. Казань, 1901.

III. **Ѳ. Е. Пактовскаго**, Современное общество въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Казань, 1900.

IV. **Ѳ. Е. Пактовскаго**, Идеализмъ въ произведеніяхъ Вл. Короленка. Казань, 1900.

V. **А. В. Васильева**, Аѳанасій Никитинъ и его „Хоженіе за три моря". Казань, 1900.

VI. **А. С Архангельскаго**, М. И. Сухомлиновъ († 8 іюля 601 г.) и И. Н. Ждановъ [† 11 іюля 1901]. Нѣсколько словъ, ихъ ученой дѣятельности. Казань, 1901.

VII. **Ѳ. Е. Пактовскаго**, Графъ А. К. Толстой и его поэтическое творчество. Казань, 1901.

VIII. **А. С. Рождествина**, Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. Казань. 1901.

IX. **Д. А. Корсакова**, О. И. Сенковскій и М. П. Погодинъ, какъ журналисты. Казань, 1902.

X. **Д. П. Шестакова**, Памяти Т. Г. Шевченка. Казань. 1901.

XI. **Д. П. Шестакова**, Русскіе писатели въ нѣмецкой оцѣнкѣ. Казань, 1901.

XII. **С. И. Ершова**, Европейская литература. Этюдъ Ф. Брюнетьера. Казань, 1901.

XIII. **А. С. Рождествина**, Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань, 1902.

XIV. **Д. П. Шестакова**. Влад. Ив. Даль. Казань. 1901.

XV. **А. С. Рождествина**, Жизнь и поэзія Никитина. Казань, 1902.

XVI. **Д. П. Шестакова**, Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ Къ 50-лѣтію литературной дѣятельности. Казань, 1902.

XVII. **Н. В. Рейнгардта**, Н. К. Михайловскій и его труды. (По поводу 40-лѣтія его литературной дѣятельности). Казань, 1902.

XVIII. **В. А. Боброва**, Исторія изученія Святославова Изборника 1076 г. Библіографическій обзоръ. Казань, 1902.

XXII. **С. П. Шестакова**, В. А. Жуковскій, какъ переводчикъ Гомера. Казань, 1902.

XXIII. **С. П. Шестакова**, Замѣтки къ переводамъ В. А. Жуковскаго. Казань, 1902.

XXIV. **Д. П. Шестакова**. Семья и народъ въ произведеніяхъ Гл. И. Успенскаго. Казань, 1903.

XXV. **И. И. Замотина**, Предразсвѣтныя тѣни. Къ характеристикѣ общественныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Казань, 1904.